

От автора

С публикаций в феврале 2003 года в журнале «ФАСЦИНОЛОГИЯ» статей «Фасцинология как наука» и «Закон актуального демонстрирования тела и внешнего облика и фасцинация» начался отсчет новой фундаментальной науки, которую я назвал фасцинологией (к этому времени уже был создан сайт fascinology.narod.ru, на котором эти статьи также были выложены).

К глубокому сожалению журнал «ФАСЦИНОЛОГИЯ» вышел только одним номером (№1 в 2003 году) и больше не издавался по причине отсутствия финансов на его издание. Мои обращения к финансовым тузам натывались раз за разом на довольно прямые и циничные вопросы: «А что я буду с этого иметь?», «А в чем моя выгода?» и т.п. То, что их финансовая поддержка, кстати сказать не столь уж значительная по меркам их грандиозных трат на рестораны и «Крушевели», могла бы дать возможность развивать рожденную в России новую науку и надежно обеспечить ее приоритет в мире, их абсолютно не интересовало. И поскольку дивидендов журнал не сулил, то и общение с финансистами заканчивались милыми ритуальными улыбками.

Тем не менее проблема издания журнала остается открытой и актуальной. Хочется надеяться, что и в современной России найдется социально мыслящий меценат, способный увидеть и понять невероятные по масштабам и социальному значению перспективы фасцинологии.

Более подробно развитие фасцинологии, стартом которому послужил этот журнал, можно увидеть на fascinology.narod.ru и в моих книгах («Фасцинология», «Фасцинолог», «Что такое фасцинация») на <http://www.koob.ru/sokovnin/> Их можно бесплатно скачать.

Уважаемые читатели! Буду признателен за ваши отзывы, пожелания, рекомендации и подсказки об ошибках и недочетах. Пишите мне на vmss@mail.ru

Владимир Соковнин

Научный и научно-популярный журнал

Ф А С Ц И Н О Л О Г И Я

F a s c i n o l o g y

январь-февраль, 2003 № 1

В Н О М Е Р Е:

От редактора

Научные статьи и сообщения

В. Соковнин. Закон актуального демонстрирования тела и внешнего облика и фасцинация	3 - 8
В. Соковнин. Фасцинология как наука	9-14
Б. Багиров. Фасцинология нужна всем! (<i>интервью</i>)	15
Б. Ушаков. Фасцинация как прием управления персоналом	16-17
О. Рыбакова. О «фасцинативном комфорте» в социологическом исследовании	17-18
С. Некрасов. Фасцинация кич-культуры и сумерки эстетов	19-20

Из истории фасцинологии

Гений	21
Г. Ершова. Памяти Юрия Валентиновича Кнорозова	21-23
Ю. Кнорозов. Об изучении фасцинации	23
Собеседование по теории сигнализации с Юрием Валентиновичем Кнорозовым	23-25
А. Войскунский. Я говорю, мы говорим... (из книги)	25-26
В. Соковнин. Стереотипы в восприятии внешнего облика человека и герои театра и кино	27

Практические проблемы

В. Соковнин. Фасцинация в профилактике здоровья	28-29
В. Соковнин. Фасцинация не прощает провокаций и ошибок	29-30
В. Соковнин. О запрете фасцинативных вставок в авторские тексты	30-31

Популярная фасцинология

В. Соковнин. Афродита Каллипида — идеал мужчин Древней Греции (<i>ироническое эссе</i>)	32-35
А. Гиляров. Секреты красоты	36-37
В. Соковнин. Гимн Франту. Часть первая	38-41
Кнуд Расмуссен. Заклинание духов у эскимосов	42
И. Акимущкин. Как пауки очаровывают паучих	43

Сообщения, реклама, объявления

О фасцинологическом обществе	44-45
О конференции «Фасцинология как наука»	45

Проекты и технологии

К проекту создания кафедры фасцинологии	46
«Фасцинативные атаки» в PR	47
Имидж-технологии	47
О создании в России Центра антиэкстремистской фасцинологии	48
В следующем номере	(см. 4 стр. обложки)

научные статьи и сообщения

В. Соковнин

Закон актуального демонстрирования тела и внешнего облика и фасцинация

«Нет лучшей зарядки для исследователя, чем каждое утро перед завтраком перетряхивать свою любимую гипотезу».

Конрад Лоренц

Гипотеза

Все живое следует всеобщему закону, который кратко можно сформулировать так: фасциновое коммуникативно-демонстрационное поведение, наряду с коммуникативно-информационным, является фундаментальной функцией живых субстанций от растений и вирусов до человека. Актуальное демонстрирование тела и внешнего облика, информация и фасцинация — вот тот комплекс, который позволяет живым системам осуществлять гомеостатные взаимодействия, принимать «управленческие решения» и реализовывать «управленческие воздействия». Без этого коммуникативно-аттракционного комплекса невозможна жизнь, естественный отбор, любые социализируемые и социальные сообщества.

Эту гипотезу о законе актуального фасциновое демонстрирования тела и внешнего облика я «перетряхиваю» в течение двух лет и она кажется мне все более корректной.

К. Лоренц в своей знаменитой книге «Агрессия. Так называемое зло» пишет: «Когда я...начал изучать в аквариуме красочных рыб с коралловых рифов, меня влекло не только эстетическая радость от их чарующей красоты — влекло и «чутье» на интересные биологические проблемы. Прежде всего напрашивался вопрос: для чего же все-таки эти рыбы такие яркие?»¹ Похожий вопрос задал и я самому себе, когда углубился в проблему коммуникативно-демонстрационных проявлений тела и внешнего облика у животных и человека. Фактический материал о демонстрировании тела и внешнего облика огромен, а в человеческом обществе еще и подкрепляется поведением буквально каждого человека, озабоченного тем «хорошо ли он выглядит?», почти повседневным прихорашиванием и старательным подчеркиванием лучших своих телесных сторон и особенностей внешности. У людей демонстрирование тела и внешнего облика столь разнообразно и полифонично, что только одно перечисление и описание их заняло бы не одну книгу (хотя, безусловно, это науке предстоит сделать). И попытки описания и классификации демонстрационного поведения человека уже предпринимались не раз.

Уже одно только распространившееся в последнее время как эпидемия стремление людей выглядеть

«экслюзивно» и затрачиваемые на это порою фантастические и дорогостоящие усилия наталкивает на мысль о существовании некоего всеобщего закона биологической и социальной жизни, касающегося коммуникативно-телесной демонстрационности. Думается, совсем не случайно в свое время Пьер Тейяр де Шарден выделил «симпатию-антипатию», «стремление привлекать» как базовые характеристики живого, усиливающиеся в своем значении для социальной жизни по мере усложнения живой материи в сторону разума и в современной цивилизации уже приобретающие роль более важную, чем экономические отношения². Встает вопрос не столь простой, как может показаться на первый взгляд: для чего в процессе биологической и социальной эволюции возникли и заняли столь важное место в поведении животных и человека демонстрационные поведенческие формы?

Частично ответ получен эволюционистами, и особенно велика в этом заслуга Конрада Лоренца: многие (но далеко не все!) демонстрационные формы у животных служат в первую очередь узнаванию соперника и ритуализации борьбы, чтобы снизить риски нанесения ран или гибели от прямой агрессии. Так повелел его величество Закон Естественного Отбора: «Какая видосохраняющая функция вызвала их появление?...Как раз о великолепной боевой раскраске коралловых рыб мы знаем уже вполне твердо, какую особую роль она выполняет: она вызывает у сородича — и только у него — яростный порыв к защите своего участка, если он находится на собственной территории, и устрашающе предупреждает его о боевой готовности хозяина, если он вторгся в чужие владения... Как расцветка коралловой рыбы, так и песня соловья служат для того, чтобы издали предупредить своих сородичей — ибо обращаются только к ним, — что здешний участок уже нашел себе крепкого и воинственного хозяина».³

Но если выйти за рамки агрессивного поведения, то уже простое наблюдение показывает существование демонстрационных форм еще в одной сфере, архиважной по значению для выживания и сохранения вида, какой является воспроизводство популяции и все, что с этим связано. Так что вопрос «зачем?» актуален. Если К. Лоренц в поиске объяснения яркой окраски коралловых рыб и ритуализованных форм борьбы между соперничающими особями пошел путем индукции, то я вынужден был избрать иной путь — логический. Сознавая, что письменное изложение и аргументация всегда страдают неизбежными упрощениями, а то и субъективистской сбивчивостью, я все же осмелюсь воспроизвести логику поиска ответа.

Дискретная множественность живого

Начну с аксиомы, которая, оказавшись она ложной, рушит все здание логического построения. Эта аксиома кажется мне неопровержимой опытной и теоретической базой, зафиксированной человеческим разумом: все живое имеет дискретно-дисперсную природу, то есть существует как пространственно-временные «отдельности» или «самости», резко отграниченные от среды и взаимодействующие с изменчивой средой посредством обмена веществ (метаболизма), поддерживая свою выживаемость и стабильность посредством внутриорганизменного гомеостаза.

Что такое дискретность и дисперсность? Термин «дискретность» в рассматриваемом контексте можно понимать как «отдельность», «единичность». Дисперсность же, по В. И. Вернадскому, это «резкая отграниченность от окружающей среды, в которой они представляют как бы самостоятельные всегда движущиеся резко обособленные от окружающего геометрические тела», размеры которых колеблются от 10^{-6} см. до 10^3 см.⁴ Другими словами, это четкое пространственное ограничение организма внешней оболочкой, это телесность живой субстанции, это то, что можно назвать «особь», «индивидуум» (разумеется, только в органическо-телесном смысле). Если «собственно жизнь начинается с клетки» с этой «естественной крупинки жизни», то уже этот уровень организации живой материи обнаруживает и дискретность и дисперсность, или, как проще сказал Пьер Тейяр де Шарден — «гранулярную жизнь»⁵.

Из дискретности-дисперсности с необходимостью вытекает второй экзистенциал всего живого — множественность организмов, причем в закономерной прогрессии: чем мельче организм, тем больше порядок его множественности. Клетка может существовать и воспроизводиться, как справедливо отметил Пьер Тейяр де Шарден, только в рамках порядка «мириады», по принципу «малость по размерам и множество по числу»⁶, тогда как существование китов или слонов ограничивается порядком «тысячи». Для нашего рассуждения эти порядки несущественны, главное — это факт существования дискретных организмов через способ их воспроизводимой множественности. В самом деле, один единственный дискретный организм, возникни он на Земле, был бы ограничен во времени существования затуханием метаболизма. Необходимо надежное, непрекращающееся воспроизводство «единичностей». Только тогда можно говорить об их существовании во времени, об их эволюции.

Из этого следует очередной вывод: дискретность должна воспроизводиться как изменчивое, адаптирующееся, инвариантное тождество, как некая воспроизводящаяся матрица. Другими словами, дискретные организмы в рамках множества должны быть тождественными, похожими друг на друга, это обеспечивает их воспроизводство во времени. Изменчивость же необходима для адаптации к изменяющейся среде, но это — изменчивость отдельных функций и органов в пределах стабильного множественного тождества. Стремящееся к выживанию и стабильности «множество дискретностей» получило в биологии название «живой вид».

Таким образом, упрощая полученную модель живого, можно сказать, что все живые субстанции дискретно-дисперсны, существуют как множества (виды), и это обеспечивает им индивидуально-видовое выживание и продолжение существования длительное время, во всяком

случае до тех пор, пока не произойдут какие-либо катастрофические для вида изменения во внешней среде.

Если сказанное выше справедливо, возникает вопрос огромнейшей важности: как же вынуждено существовать «дискретное множество», чтобы воспроизводиться как тождественность и адаптирующаяся стабильность? Другими словами, встает вопрос о связях и взаимодействиях живых дискретностей, волей возникновения жизни и естественного отбора поставленных в условия существования среди себе подобных и среди других «дискретных множеств»: нейтральных, дружественных и враждебных.

Феномен узнавания

Пьер Тейяр де Шарден постулировал, что существование живых единиц («гранул») в рамках симбиоза множества неизбежно приводит в движение связи между ними, коммуникацию. Это справедливо. Повернем тем не менее проблему несколько иначе: сосуществование в рамках множества ставит перед дискретной живой единицей вопрос о ее признании равной другим единицам. Разумеется, речь может идти только о **взаимном** признании. Осуществление «акта признания» требует какого-то «введения», вступительного акта и механизма, и этим механизмом не может быть никакой другой как **узнавание**: только узнав другую дискретность как тождественную себе, можно ее признать за таковую и наделить некими общими, а быть может еще и особыми «правами». И первое из этих «прав» — право на существование вместе, среди «своих», то есть «таких же единиц».

И тут логично прийти к тому, что можно, на мой взгляд, назвать всеобщим законом существования живых субстанций. Я имею в виду **активное демонстрирование себя для узнавания и признания**: «единица», чтобы ее «узнали», — а потом и «признали!» — обязана себя каким-то способом «презентовать» перед другими «единицами». Что имеет она в своем безраздельном владении, что можно было бы «показать», и показать активно, направленно, то есть демонстрационно? Разумеется — ее телесность, ее *corpus*. Так тело становится не только объектом органического существования, но и средством активно-направленной коммуникации, воздействия на иных, чем сама «единичная дискретность», существ. Эта «логическая модель», есть, безусловно, некое упрощение. На самом деле существование живого сразу, субстанционально оформилось не только как «организм», но и как «коммуникационный, демонстрирующий себя организм». Особь, не умеющая себя адекватно продемонстрировать, а значит добиться узнавания, обречена на смерть. Это наблюдается на всех этапах живой жизни и примеров тому не счесть.

Говоря о теле, следует иметь в виду не только внешнюю оболочку организма, но также его функции и выделения, которые могут приобретать и приобретают сигнальные свойства: различные звучания, запахи экскрементов и выделений гормональных желез, выбросы, электрические разряды, фосфоренцирующее свечение, и т.д. Все названное в самых разных видах и сочетаниях приобретает у различных живых видов функции опознавательных сигналов. У эволюционно близких видов (особенно у цветов, насекомых и птиц) в ход идут в буквальном смысле слова нюансы «телесно-функциональных» признаков: дополнительное пятнышко в раскраске, лишняя полоска, чуть-чуть иное очертание тела, тембр звучания, «голосовой ключ» или, как у зяблика, особая мелодия песни с индивидуальным «росчерком» в ее конце.⁷ Подобная нюансировка в демонстрировании тела,

внешнего облика и телесно-функциональных проявлений служит не только узнаванию-опознаванию, но и одновременно отторжению от близких видов, не позволяя смешиванию с ними, так как они пахнут, выглядят, звучат не так, как «свои».

Феномен признания и слияние в единую множественность

Следующее звено взаимодействия мы уже назвали – это «**признание**». Если первый этап взаимодействия пройден без сучка и задоринки, следует очередной этап – «дискретная единица» должна быть признана за «свою» другой «дискретной единицей» и всем множеством (колонией, стадом, стайей, семьей). Узнанная, но не признанная особь также обречена на смерть изгнания или прямого физического уничтожения, как это бывает у крыс, когда они встречают соплеменницу без их «родного» стайного запаха. Так часто происходит с отбившейся от стада зеброй или антилопой, когда она находит свое стадо вновь: изменившаяся за время ее отсутствия иерархия стада может ее не принять. Но чаще происходит радостное возвращение с узнаванием и признанием (но непременно с паузами на узнавание и признание, в которые отсутствовавшая особь с нетерпением ждет решения своей участи). То же наблюдается и у многих хищников, ведущих семейно-стаинный образ жизни.

Получается следующий сценарный план поведения «дискретных единиц в рамках множества»: осуществляется демонстрация себя для узнавания, и этим заняты все «единицы» ежедневно, а часто ежемгновенно; параллельно этому происходит узнавание ими друг друга и признание, для чего служат сигналы «признания-одобрения». Это «коммуникативное дружелюбие» совершенно необходимо не только для сосуществования в множестве, но и для поддержания активного тонаса множества, для атмосферы надежности и стабильности его существования. Узнавание и признание, таким образом, создают сплоченность, дискретное монолитное единство, «радость», «душевный комфорт» от такой монолитности. Для высших животных, особенно ведущих социальный образ существования, нет нужды доказывать эту «радостную эмоциональность» их «единства» - она является неотъемлемой частью их бытия. Так что демонстрационные формы поведения являются формами необходимыми, цементирующими дискретное множество, без которых существование всего живого немислимо.

Быть замеченным (функция выделенности), быть узнанным (функция адресной демонстрационной экспрессии), - это шаги к тому, чтобы быть признанным за своего, такого же, с неизменным подтверждением одного. Животное демонстрирует себя и ждет сигнала, что оно узнано и признано своим. Только после этого оно успокаивается и начинает новую адресную демонстрационную порцию – за обладание, за контакт. Но без узнавания и признания эта более актуальная стадия поведения невозможна.

Говоря о феномене признания, я имею в виду не то, что обычно подразумевается под этим словом в человеческом общении, то есть не признание превосходства, заслуг, авторитетности и т. п. Хотя, как мы увидим ниже, это тоже присутствует в высших формах взаимодействия животных, особенно в социально-иерархических. Под признанием мы имеем в виду акт приобщения к своему дискретному множеству, к своей популяции. Узнанный, но непризнанный, означает отвергнутый. В сказке о гадком утенке великолепно

показано, какие страдания достаются на долю отвергнутого. В детском и юношеском возрасте одна из главных проблем общения, чтобы тебя не просто узнавали, но чтобы считали своим, принимали в компанию. Отвергнутость – это мучение юного существа во все времена, ради признания подростки порой идут на все, даже на преступления, на любую девиантность в поведении, вплоть до наркотиков, ранние половые связи, курение и употребление алкоголя. И феномен непризнания столь же страшен своими последствиями и для самых простейших животных, как и для человека. Этологи давно открыли так называемый «эффект группы» – могучую социальную форму выживания.

Не потому ли малыши и подростки кучкуются, любят сидеть потеснее, чувствуя, как сливаются в массу, они прячутся в тесных каморках, залезают под кровати и всегда группой, со сверстниками. Это дает им особое ощущение единства, сплоченности, какого-то необъяснимого восторга от скученности. Скорее всего - это филогенетический атавизм, идущий от многомиллионной эволюции узнавания-признания, тот же биологическо-социальный «эффект группы». Блок сделал ироническую заметку в дневнике: «Как только надену кепи и зайду в трамвай, так хочется потолкаться». Потолкаться – это самое быть может младенческо-юное состояние живого, демонстрирующее сплоченность, принадлежность к роду-племени, дающее эффект защищенности и продолжения во времени, какого-то заложенного в геноме биологического комфорта. Тоска по скученности всегда будет присутствовать в человеческом поведении, каким бы ни стал человек комфортным и обособленным. В. Тернер такого рода солидарные акты массового единения, когда теряются словесные и нематериальные и любые другие социальные различия и на первый план выступает именно единение, солидарность, ощущение «мы», назвал «коммунитас», предположив, что это всеобщее качество человеческого рода, без которого он (как и без социальной иерархии) в принципе невозможен.⁸

Думаю, что явление «коммунитас» можно рассматривать как всеобщее качество всех живых «дискретных множеств». Нечто аналогичное «комфору от слияния дискретных единиц» можно увидеть уже на уровне одноклеточных существ. Известно, что предпосылкой к появлению многоклеточных форм жизни стали колониальные одноклеточные организмы. Их дочерние клетки после воспроизведения не отделяются от материнской и существуют в непосредственном соприкосновении. Являясь, как и все одноклеточные, главным образом принимающей стороной в информационных взаимодействиях, они способны вступать только в самые примитивные виды взаимного обмена информацией, связанные, например, с информацией о физическом их контакте. Внешняя информация из среды принимается и реализуется каждым членом колонии самостоятельно. Их совместная деятельность ограничивается самим фактором создания единого тела, которое по своим физическим параметрам имеет более высокую живучесть, чем составляющие его элементы. В этом плане интересен пример поведения амёб, которые не являясь колониальными организмами, тем не менее способны на создание временных колоний. В голодном состоянии они выпускают вещество (одна из составляющих ДНК), это вещество воспринимается другими как сигнал, заставляющий их сближаться и группироваться. Образуется единая слизь (некое подобие колониального организма). Эта слизь может перемещаться в пространстве под воздействием внешней среды на

значительно большие расстояния, чем отдельные амёбы. При этом сами амёбы не тратят свою энергию на передвижение и потому дольше живут в условиях ее дефицита. Достигая питательной среды, слизь распадается на отдельные амёбы, и они опять действуют как самостоятельные «самости».

Сигналы «коммунистас» являются, по-видимому, одними из самых базовых фасцинаций живых существ, ведущих социальный и социальный образ жизни, а среди них особое место принадлежит тактильным «сигналам-поглаживаниям». Такие сигналы сцепляют в единство муравьиные и пчелиные сообщества: муравьи и пчелы трутся друг о друга, облизывают, касаются усиками и т.д. У китов во время брачных игр самец и самка дотрагиваются друг к другу своими плавниками, поглаживают друг друга, переплетают хвосты, плавают вместе, выпрыгивают из воды одновременно. Многие стадные животные трутся друг о друга, сбиваются в кучки, спят сбившись в клубок. Почти у всех животных детеныши буквально прилипают к матери, у некоторых этот контакт длится по несколько лет, как у обезьян. У шимпанзе касание друг друга, даже чуть-чуть, кончиками пальцев, придает животным уверенность, хорошее эмоциональное расположение. У примитивных племен скученность – норма: общие хижины, клубы, ритуалы, касание друг друга является тоже этикетным правилом и необходимостью поддержания психологического комфорта, ощущения единства и защищенности, демонстрации общего дружелюбия. Во все века влюбленные трутся друг о друга, обнимаются, целуются, гладят, поминутно трогают друг друга. В меньшей степени, но по существу та же кинетика у людей, которые выражают друг другу симпатию: прикоснуться к руке, к плечу, похлопать по плечу, обняться. Приветствия у многих народов не ограничиваются приветливым взглядом и каким-нибудь дистантным знаком (кивок головы, поднятая рука, и т. д.), но включает в себя ритуальное прикосновение к какой-нибудь части тела (к плечу, рукопожатие, к груди, к кончику носа.) или объятие, как это принято у мусульман, а некоторые этносы идут дальше – щупая при приветствии половые органы друг у друга или обнимая за бедра.

Актуализация поведения. Актуализованная демонстрационность тела

Возникает вопрос, есть ли необходимость демонстрации себя живым субстанциям за порогом узнавания и признания? И если это тоже необходимо, то для чего и какими способами это реализуется?

Очевидно, что чем сложнее тело (вид), тем в большее количество связей со средой оно завязано, тем оно полифункциональнее: каждая потребность диктует свои связи и свои способы удовлетворения. Это означает, наряду с прочим, что каждая потребность требует особой «настройки» живого существа, всего его организма и отдельных его частей и функций. Так, дефицит питательных для организма веществ через систему гомеостаза выводит на первый план потребность в пище, приводит в действие гормональную систему, вызывая ощущение голода, что, в свою очередь провоцирует страстное эмоциональное желание удовлетворить голод, снять страдания голода, и животное побуждается к стремлению и действиям, направленным на поиск объекта питания. Весь этот сложный механизм и можно назвать актуализацией живой особи на пищу. Понятно, что таким образом актуализованный организм гасит все другие возможные актуализации, отключает их как мешающие,

лишние, несущественные в данный момент. Тем не менее суровая среда иногда приводит животных к столкновению и переплетению актуализаций. Можно сказать, что конфликт потребностей ведет к конфликту актуализаций. Зебры и антилопы, пройдя тысячи верст к берегам Нила встречают не только благодатную воду, но и полчища поджидающих их крокодилов. Актуализация организма на удовлетворение жажды толкает их к воде. Инстинкт избегания опасности сдерживает – в воде их поджидает возможная смерть. Но и обезвоженный организм тоже смерть! Побеждает неутолимое страдание от жажды. Но в ситуациях, в которых подобного смертельного переплетения актуализаций нет, побеждает та, которая в данный момент сильнее: синицы никогда не перекладываются на межполовой контакт, если голодны и заняты пищей.

Таким образом, актуализация поведения живого существа – это настройка всего его организма на удовлетворение определенных жизненных потребностей. Запуск актуализации происходит через посредство желания, вождения, которые в свою очередь детерминируются действием гормональных систем, проявляющих потребности организма. Спиноза в своем учении об аффектах пожалуй первым выстроил цепочку побуждения тела к деятельности – от желания, как базового аффекта, до удовлетворения разнообразных потребностей вплоть до творческого познания.

Базовыми актуализациями являются прежде всего актуализации на питье и пищу, на сексуального партнера, на безопасность и защиту, и на единение с себе подобными (последнее прекрасно подтверждается так называемым «эффектом группы») и взаимодействие с особями других «полезных» видов.

Каждый вид актуализации включает свою систему перцепции и реакций, в том числе настройку тела на определенные типы сигналов. Некоторые сигналы и настройки тела по форме могут быть теми же, что и в других ситуациях, но их содержательное значение меняется (но, как правило, сигнал все же приобретает некоторые отличительные нюансы). Так, красное брюшко колюшки может служить сигналом для агрессии при защите самцом территории, и он же служит для привлечения самки. Поза подставления у многих обезьян может быть использована и как сигнал для спаривания, и как сигнал уступки в конфликте, и как демонстрация покорности.

Необходимость динамического взаимодействия, ежеминутно, ежечасно и ежедневно разворачивающаяся как жизненная драма каждого конкретного животного, побуждает к защитным реакциям, к сотрудничеству или к соперничеству. В зависимости от того, какая потребность выступает на передний план и в каких условиях оказывается при этом живая особь. Мы предлагаем эту конкретную настройку особи на удовлетворение то или иной потребности, мобилизацию организма на достижение предмета потребности, назвать ситуативной, избирательной актуализацией. Мы имеем в виду в первую очередь то обстоятельство, что даже простейшие организмы полиморфны, или, быть может точнее, – полифоничны в силу обладания не одной, а несколькими потребностями, из которых важнейшие, безусловно, это потребность в пище и питье (в некоторой сумме органических и неорганических веществ для продолжения жизни), потребность в безопасности, в защите своего тела, и потребность в размножении, в производстве потомства. Понятно, что пребывая под властью потребности в пище, особь не может одновременно мобилизоваться на поиск партнера для

воспроизводства потомства. Каждой потребности соответствует особая настройка организма, включение в оптимальное действие целой системы химических и гормональных процессов и соответствующих им чувствований, вплоть до настройки систем восприятия среды (не случайна в этом отношении удачная метафора, что во время брачного тока глухарь ничего не слышит и его можно брать голыми руками). Актуализация на конкретную потребность важнейшее эволюционное достижение живого, позволившее усложнять и совершенствовать живую систему, дифференцировать ее поведение и тем самым оптимальнее достигать удовлетворения потребностей, развивать и отлаживать инструменты адаптации и выживания. Живое становилось многообразнее, богаче функционально, продуктивнее в смысле адаптации и естественного отбора.

Актуализации поведения не бывает без того, чтобы она не была выражена в теле животного. Изменения телесности – вот что происходит с особью в рамках той или иной актуализации. Более того, животное демонстрирует себя и свою актуализацию, и это является экзистенциальным фактом, способом существования-выживания животного. Выскажем предположение о существовании наряду с законом избирательной актуализации закона актуального адресного демонстрирования.

Этологи не смогли найти объяснению такому факту: антилопы Южной Африки пасутся часто неподалеку от семейства львов, не обращая внимания на их перемещения, игры, зевки, но как только лев встал для охоты, антилопы тут же встают в стойку опасности и подают сигнал. При этом «чтобы антилопы обратились в бегство, льву вовсе не достаточно просто подняться. Здесь важны какие-то особенности в поведении льва, которые наблюдатель не может четко описать, но которые безошибочно указывают антилопам, что лев вышел на охоту». Как антилопы узнала, что лев актуализируется для охоты? Вполне возможно - по особому настрою тела льва, по его энергетике, вызванной его избирательной актуализацией, настрою организма, тела на охоту. Этолог не замечает различий в теле льва, антилопа, для которой состояние льва - вопрос жизни или смерти, чувствует изменение и приходит в состояние своей избирательной актуализации сохранения жизни, тогда как секунду назад пребывала в актуализации питания⁹.

Быть может самым ярким феноменом демонстрирования тела и внешнего облика является сигнальное поведение животных в «брачный» период. Актуализация на поиск полового партнера, строительства гнезда, ухаживания, спаривания сопровождается у множества живых существ демонстрированием поз, раскраски, «танцев» и ритуалов. Демонстрирования сигналов для узнавания и признания недостаточно. Необходим целый дополнительный арсенал демонстрационных форм поведения и сигналов. Способы обнаружения и привлечения брачного партнера в животном мире просто неисчислимы.¹⁰

Неисчислимы способы и формы актуального демонстрирования тела и внешнего облика и у человека.

Конкуренция, выбор, демонстрирование

Все актуализации поведения животного реализуются не только во взаимодействии с окружающей средой, но также во взаимодействии с соплеменниками и особями других живых видов. А это означает, наряду с прочим, столкновение интересов и влечений, конкуренцию, борьбу, соперничество. Закон естественного отбора суров и

неумолим – продолжает существование рода сильнейший, лучший, наиболее приспособленный. Он диктует актуализацию соперничества, конкуренции, выбора лучшего.

Так, эволюционные функции демонстрирования тела и внешнего облика направлены на **выбор** лучшего сексуального партнера, более оптимального для видовой развитости и продолжения рода, а также выбор оптимального для сообщества лидера, вожака, собственного места в иерархии.

Самка у множества видов живых существ выбирает самца по его демонстрационному имиджу и поведению. Самец предпочитает очень часто очаровывать своими демонстрациями ту самку, которая имеет лучшие признаки, демонстрируемые в ее внешнем облике: энергетику движений, симметричность, чарующий биологический запах и т.д. – все это, как правило, коррелировано у самки лучшей породистости и действует на самца как фасцина, то есть очаровывающий облик. Такая самка как бы демонстрирует свою лучшую репродуктивность. Так осуществляется в природе сексуального общения и ухаживания выбор оптимального, лучшего – через демонстрирование. Это замечательно показал Р. Докинз в своей знаменитой книге «Эгоистичный ген»

По сходной схеме осуществляется выбор особи, которая в социабильных организациях занимает статус вожака: соперничество реализуется чаще всего не физическим воздействием, а достижением превосходства в турнирных демонстрациях.

Этот механизм сохраняется и в человеческом общении, в первую очередь сексуальном. Прихорашивание, кокетство и другие формы демонстрационного поведения нацелены на то, чтобы привлечь внимание, сигнализировать о своей исключительности или, во всяком случае, значительности и привлекательности в соревновании за привлечение партнера. Взаимный выбор – вот основа основ сексуального общения, влюбленности и любви. Без демонстрационного поведения выбор исключался бы и отношения сводились бы к упрощенно случайным контактам, без поиска, тревожности, напряжения и стремления стать и показать себя лучшим, исключительным. Естественно, что в таком варианте отношений снижались бы возможности образования оптимальных биологических пар, дающих оптимальное потомство и, следовательно, вклад в генофонд этноса, создающий основу его совершенствования, укрепления, лучшей адаптации. Мы уже не говорим о той драматургии и энергии жизни, потеря которых в данном варианте снижала бы биологическую потенцию этноса, что также умаляло бы его адаптационно-репродуктивную функцию. Энергия ухаживания, выбора и любви – это энергия повышения биологических возможностей человека к выживанию. И без демонстрирования и выбора ее не существовало бы. Одним словом, демонстрирование – базовая биологическая функция живых существ, создающая возможности активного влияния на выбор лучшего варианта сексуальных и социальных соединений особей. Выбор – это восприятие и активное отношение к демонстрационному поведению других особей, это включение всех особей в рынок тел, в процесс репродукции.

С точки зрения неотвратимости демонстрационного поведения, можно вновь подтвердить то, что выведено нами выше – дискретность живого как неизбежная форма организменной эволюции, предполагает наличие некоего множества особей, каждая из которых вынуждена

предлагать себя для использования, чтобы быть включенной в жизнь, в ее продолжение, в иерархию сообщества особей. А предложить себя особь не может иначе, как демонстрируя себя, показывая себя и непременно с оптимально возможной для себя стороны. Это – своеобразное выставление себя как товара на рынке. С той лишь разницей, что это зывание активно еще и тем, что особь сама тоже совершает сравнение других особей с точки зрения их нужности, привлекательности для нее, то есть сама тоже осуществляет выбор. Таким образом, жизнь сообществ особей представляет собой постоянный, перманентный процесс взаимного влияния-выбора, демонстрация ради выбора. На этом фундаменте и происходит соединение в пары, семьи, сообщества, происходит движение жизни, ее репродукция в формах рода, племени, этноса.

Выбор – фундаментальное качество психики живого, как и влеченное в него или сопровождаемое им демонстрационное поведение. «И быть, и казаться» – вот мучащая диалектика отношений дискретно-организменного живого от амебы до человека. При этом человек демонстрирует наиболее развитые, многообразные и разносторонние формы демонстрационности во всех сферах социальной жизни и в первую очередь сексуальной и иерархической. Показать себя во всем блеске, чтобы тебя выбрали и чтобы у тебя появилась возможность оптимально широкого выбора – вот закон живого. Именно необходимость выбора порождает такой феномен как демонстрационное соперничество, соревнование. У многих животных и птиц такое соревнование-соперничество принимает форму сложных красочных ритуалов, подношений “подарка” и т.д. Не будь необходимости выбора, не было бы и необходимости демонстрировать свое тело и внешний облик, свои сексуальные и лидерские потенциалы.

Оптимальность демонстрационных форм и фасцинация

Направленное демонстрирование тела и внешнего облика реализуется в виде двух главных моделей демонстрационного поведения – «отпугивания» и «привлечения». Функция привлечения выливается в такие формы, как очаровывание, вызывание доверия и симпатии, обольщение, привлекающей мимикрии. Отпугивание служит обеспечению безопасности и выливается в формы избегания опасного контакта, предупреждения об опасности, защиты от «врагов», реализации иерархических связей внутри «единой множественности». Отпугивание выражается в «наведении страха», активном отторжении, демонстрации злобы, гнева и истерии, отпугивающей мимикрии. В экзистенциальном плане отпугивание лежит в основе экзистенциала Агрессии, а привлечение – экзистенциала Заботы (альтруизма). Забота и Агрессия образуют единство социально-иерархического поведения всего живого, обеспечивая его выживание и размножение.

Актуализация требует от животного оснати намерений, особого адекватного сигнального кода. Не информация (или не в первую очередь информация), а именно фасцинация является филогенетически изначальной формой самоутверждения «самости» и активного воздействия дискретных живых субстанций друг на друга. Необходимо так привлечь, призвать, напугать, направить, чтобы не было «разночтений» и

неадекватных реакций. Это означает, что чарующий или пугающий сигнал должен быть избыточно эффективным, не проходящим мимо, достигающим цели в «десятку» и только в «десятку». Такой сигнал может быть только фасциновым, мгновенно привлекающим внимание, бьющим в «центр удовольствия или страха». В другом контексте, но очень точно Майя Плисецкая выразила этот закон фасциновости словами (в одной из телевизионных передач): «Вначале было не Слово. Вначале был Жест». Неизбежно и неумолимо, силой Закона, актуализованное поведение живых существ стало облекаться в фасциновы формы, живые субстанции стали страстно пахнуть, ярко светиться и звучать, а также вибрировать, «надуваться», выплескивать различные суспензии, создавать вихри, извергать струи и электрические разряды, и т.д. и т.д. Но этого мало. Каждый такой сигнал мог быть эффективным только тогда, когда он обладал сверхизбыточностью, надежностью, абсолютной проникаемостью в воспринимающие системы адресатов. Так сигналы были дополнены такими формами фасциновости, как высочайшая энергетика, повторы, ритмы, диссонансы, усилители. Развитие фасциновости сигнализации у многих живых существ достигало порога опасности для выживания вида – только бы сигнал «стал более заметным и легче распознавался»¹¹. Отсюда эти причудливые яркие окраски у множества видов растений, рыб, птиц, насекомых. Так, «успех при размножении наиболее нарядно «одетых» самцов послужил причиной возникновения почти абсурдных украшений у самцов»¹²

В качестве избыточного неопровержимого воздействия, фасцинация стала, с одной стороны, драматическим средством коммуникации, снижающим энтропию социальных и социальных организаций (чего стоит только экстравагантные и сенсационные фасциновости в человеческом обществе!), а с другой – оптимальным «управленческо-организационным» средством (достаточно проследить формы управленческой фасциновости вожак во всех социальных структурах, как у животных, так и у человека). Логичен вывод о том, что закон актуального демонстрирования тела и внешнего облика в животном и человеческом мире был бы невозможен как закон без фасциновости. Именно фасцинация наполнила актуальное поведение такими демонстрационными формами и сигналами, которые позволили живым субстанциям добиваться своего – выбирать, соперничать, наслаждаться единением, достигать успеха и стабильного продолжения рода. То есть – Жизни.

Литература:

- 1 К. Лоренц. Агрессия (так называемое зло). С-Пг., «Амфора», 2001, с.22
- 2 Пьер Тейяр де Шарден. Феномен человека. М., «Наука», 1987, с.230-233
- 3 К. Лоренц. Там же, с. 34
- 4 В. И. Вернадский. Философские мысли натуралиста. М., «Наука», 1988, с.272
- 5 Пьер Тейяр де Шарден. Там же, с. 73, 82
- 6 Пьер Тейяр де Шарден. Там же, с. 80
- 7 Р. Хайнд. Поведение животных. М., «Мир», 1975, с. 481
- 8 В. Тернер. Символ и ритуал. М., 1983.
- 9 Р. Шовен. Поведение животных. М., «Мир», 1972, с.363
- 10 Р. Шовен. Там же, с. 50
- 11 Р. Шовен. Там же, с. 40
- 12 Э.Майр. Популяции, виды и эволюция. Изд-во «Мир», М., 1974, с. 134

В. Соковнин

ФАСЦИНОЛОГИЯ КАК НАУКА

К семантике термина «фасцинология»

В речевом обиходе древних римлян широко использовались слова: *fascino* — зачаровывать, околдовывать; портить глазом, наговором, сглазить, и *fascinum* — колдовство, чары; дурной глаз¹.

Всемирно известный амулет в форме фаллоса также восходит к древним римлянам и их фаллическому божеству плодородия — Приапу, другое имя которого — *Фасцинус*. Римляне использовали фаллический символ для защиты от дурного глаза и он был всюду: и на воротах в Рим, и в каждом доме, и на шеях римских детей.

От древних римлян слова «*фасцина*» и «*фасцинация*» вошли в обиход почти всех европейских народов и постепенно семантика их изменялась от амулетно-колдовского содержания в сторону очарования и очаровывания как таковых, хотя магический смысловый оттенок сохранялся.

Эдуард Фукс, автор всемирно известной трехтомной «Истории эротики», изданной в Германии в 1909 году, следуя европейской традиции, использовал слово «*фасцинация*» для обозначения неотразимого воздействия сексуально-чарующих деталей во внешнем облике дам и кавалеров Европы эпох Ренессанса и Абсолютизма². В частности, он описывал технику массового применения в галантном веке такой фасцины, как мушка. Но техника мушки опирается на природное, естественное очарование маленькой черной родинки на лице, шее или груди. Женщины во все времена понимали сексапильное значение этой детали. Рассказывают, как Мерилин Монро замаскировала руками на известного косметолога, предложившего избавиться ее от знаменитой родинки на шее: «Что Вы! Это же самая сексуальная часть моего тела!»

З. Фрейд термином «*фасцинация*» обозначал, как было принято в психиатрии того времени, «влюбленность в ее высших выражениях», то есть почти наркотическую «*влюбленную зависимость*»³.

В современном английском языке содержатся слова с корнем «*fascin*»: *fascinate* — 1) очаровывать, пленять 2) зачаровывать взглядом; *fascinating* — обворожительный, очаровательный, пленительный; *fascination* — очарование, обаяние; прелесть; *fascinator* — чародей.

Ю. Кнорозов, прославившийся гениальной расшифровкой письменности индейцев майя, предложил называть *фасцинацией* специально настроенный «шум в анализаторе, который помешал бы выполнять другие команды и создал бы тем самым благоприятные условия для восприятия именно данной информации»⁴, другими словам, «шум», способствующий прохождению информации сквозь разрушающие или затормаживающие фильтры до аналитических структур принимающей системы. А в докладе «Об изучении фасцинации»⁵ он определил фасцинацию как «такое действие сигнала, при котором ранее принятая информация полностью или частично стирается». Как свидетельствует А. Войскунский⁶, Ю. Кнорозов обратился к термину «*фасцинация*» под влиянием французских психиатров XIX столетия. Действительно, французские психиатры широко практиковали такую эффективную технику гипноза как пристальный взгляд гипнотизирующего в глаза гипнотизируемому и другие фасцинативные техники.

Нельзя обойти вниманием и историческую практику использования фасцинации европейскими колдунами и алхимиками XIV-XV веков. А достопочтенный маркиз Энрико де Вильена, драматург, поэт и чернокнижник, в начале XV века впервые и, кажется, без продолжения применил термин «*fasciniologia*» («*Libre d'ullprendre o fasciniologia*»). Пусть значение этого термина было наполнено у него магическо-колдовским содержанием, обозначением «науки о способах защиты от дурного глаза», слово было записано и означало «*logia*», то есть теорию, «науку», а это очень важно для продолжения традиции.

Таким образом, предлагая назвать *фасцинологией* науку о чарующем (фасцинативном) поведении животных и

человека, фасцинах и фасцинации мы опираемся на многовековую традицию использования слова «*фасцина*» (*fascino, fascinate*) в языковой практике европейских народов, восходящей к древнеримской речи, на применение введенного в научный оборот Ю. Кнорозовым термина «*фасцинация*», а также на письменно зафиксированный в начале XV столетия Энрико де Вильена термин «*fasciniologia*».

Фасцинация и информация

Исследователей, обративших свои взоры к фасцинации как особому коммуникативному явлению совсем не много, да и те, по сути, ограничили свой интерес констатацией факта ее особого коммуникативного значения как «спутника информации», средства для повышения эффективности речи и передачи сообщений. Скорее всего это случилось потому, что исследователи выступили главным образом в качестве лингвистов и психолингвистов. В более широком аспекте внимание явлению фасцинации уделяли и уделяют практики: стилисты, модельеры, ювелиры, рекламисты, психотерапевты, психиатры и политехнологи. Их разработки показали, что феномен фасцинации настолько необъятно широк в его использовании во всех сферах человеческой жизни, что психолингвистический аспект фасцинации отнюдь не единственный и, по всей очевидности, не исключительный, и отнюдь не самый важный. А сведение фасцинации к «позывным» (Ю. Шрейдер), понуждающим адресата настроиться на прием сообщения, далеко недостаточно для понимания ее природы, экзистенциального назначения и техники. Уже применение фасцинации в смехо-цвето-, аромо- и музыкотерапии, как видах *фасциотерапии* (термин наш — В.С.) раскрывает всю ее полифоничность и силу воздействия на человеческую психику и без функции «позывных» или с незначительным ее включением.

Опираясь на эти практические разработки, а также на огромный материал этологов о фасцинативном поведении животных, я предлагаю определять фасцинацию более широко — как способность внешней формы, демонстрационного коммуникативного сигнала или даже природного явления (закат или восход солнца, северное сияние, причудливые формы скал и т.д.) приковывать внимание, вызывать повышенный интерес, удивление, радость, восхищение, восторг, симпатию, очарование, шок, испуг, экстаз, минуя или отключая какое-либо логико-вербальное объяснение, интеллектуальное аргументирование и тем более критику. После фасцинативного эффекта (а часто и аффекта), возможны комментарии, но, как правило, они бледны и совершенно ни к чему, потому что реакция уже последовала, ошеломляющее пленение, колдовство очарования уже произошли. Так влюбляются с первого взгляда. Так гипнотически внемлют замечательному оратору. Так упоенно слушают чарующие мелодии и пение. Так молитвенно поднимают взор к великолепию горных снежных вершин, устремленных в небо. Так восхищаются любимым человеком. Но так же и столбенеют от страха, испытывают эмоциональный шок с «мурашками по коже» и сжимаются в комок от испуга.

Фасцинации нет и быть не может без особых феноменов — *фасции*.

Фасцина — это очаровывающий или пугающий продуцируемый сигнал или вещь (предмет, объект), вызывающий мощный эмоциональный отклик и переживание вплоть до ледящего страха или эстетического экстаза: дуновение прохлады в жару, глоток чистой воды при жажде, родинка или мушка на лице, лебединая женская шея, завиток волос, походка («как лебедь плывет»), жемчужина на золотой цепочке, тонкая женская талия, зеленые волнующие глаза, стройные ноги, поступок, вызывающий восхищение, залихватский задорный смех, сексуально-волнующий блеск глаз, гипнотический взгляд, поощрительный толчок друга в плечо, сексуальное подмигивание, мелодичный тембр голоса, любимая мелодия, зажигающий ритмический танец,

завораживающий орнамент, но и сигнал угрозы, внезапное появление опасности для жизни, экстремальные сигналы, одним словом — все, что мгновенно привлекает внимание и мобилизует организм и психику, вызывает чарующее удивление или страх, напрямую сигнализирует о насладении или опасности, обещает или мгновенно вызывает чувственный и психологический комфорт и удовольствие или дискомфорт и страх.

Примем за гипотезу, что биологическая и социальная коммуникация включает в себя как передачу информации, так и фасцинативные воздействия. Оба процесса являются разными по структуре и качеству, но дополнительными (в значении принципа дополнительности Н. Бора) и помогают осуществлять коммуникацию оптимально. Передача информации является основой управляющих реакций и решений, тогда как фасцинация избыточно экспрессивна и непосредственно побуждает к тем или иным эмоциональным состояниям и реакциям, часто полностью минуя порог критики и осмысления — последнее если и приходит, то потом, «после того, как». Таким образом, фасцинация так же, как и информация, является процессом, снижающим энтропию системы и создающим организующие, управляющие воздействия, очень эффективно снижающие степень неопределенности. Только реализуется фасцинативное организующее воздействие по-другому — через посредство «чарующих» сигналов-эффектов.

Так воздействуют на людей театральные и праздничные зрелища, любимые мелодии и песни, многие этнические и религиозные фасцины-символы. Так воздействуют и сексуальные фасцины, заложенные самой природой в коммуникативное взаимодействие полов. Опытная кокетка интуитивно знает, как фасцинативными пассажами лишить разума зрелого мужа семейства, уводя его в омут чарующих воображение наслаждений. Совсем не случайно соблазнительные девушки становились во все времена грозным оружием в руках разведок, в том числе и стойкого КГБ. По данным историков, именно в СССР была создана одна из самых мощных в мире спецслужб, которая готовила женщин-шпионов, владевших приемами обольщения мужчин. Бывшая шпионка по имени Вера в одной из книг об истории секс-шпионажа рассказала, как в КГБ вербовали симпатичных студенток в секретные секс-агенты: «Говорили, что мы солдаты и наше оружие — собственные тела. К концу тренировок мы становились циничными, искушенными, готовымы по приказу лечь в постель с любым мужчиной и сделать его самым счастливым человеком на свете». Не менее аппетитных девушек (как правило, очаровательных старших пионервожатых) «подставляли» для встреч комиссий и секретарей вышестоящих комитетов ВЛКСМ районные комитеты. Очень любил высокие комсомольские функционеры ездить в «ревизорские» командировки!

Таково воздействие всего яркого, необычного, не требующего никаких разъяснений, понятного и возбуждающего интерес и волнение мгновенно и часто — безрассудно.

Именно потому, что информация и фасцинация хоть и дополнительны, но по содержанию и формам реализации различны, они могут осуществляться раздельно. Трудно представить себе речевое поведение человека без таких фасцинативных элементов общения, как особые усиливающие эффект сказанного словечки, зачастую сленговые (типа «мочить в сортире»), или эффектные интонационные модуляции: от шепота до гомерических хохота. Есть, разумеется, мастера, гении речевого искусства, но и обычные люди эту сторону речи никогда не забывают. Тем не менее бывают совершенно невероятные, казусные случаи речевого поведения, начисто лишённого фасцинативности. Что из этого следует, донесла до нас историческая мифология, описывающая лекции знаменитого Гегеля. На его лекции стремилась вся молодая мыслящая Европа. Открытие лекционного курса знаменовалось собранием аудитории студентов самых разных университетов числом до 100 человек. Гегель входил в аудиторию хмурым (первая антифасцинация!), молча проходил к кафедре, не глядя на студентов (вторая антифасцинация), разворачивал свои манускрипты и начинал тихо, чуть ли не шепотом (третья антифасцинация), монотонно (четвертая антифасцинация) долдонить свои «темные» тексты (пятая антифасцинация) — «темна воица» характеризовал не без иронии гегелевские тексты ехидный В. И. Ленин. К концу в аудитории оставался только один студент, да и тот был ...Шеллинг. Вполне вероятно история пошла бы несколько другим путем, будь Гегель фасцинативным оратором. Число гегельянцев и неогегельянцев

увеличилось бы вдесятеро и, быть может, заженные живым фасцинативным очарованием Гегеля пассионарные революционеры совершили бы победоносную революцию в Германии, и значительно раньше Октябрьской...

Отсутствие фасцинативности характерно для чиновничьих инструкций и канцелярского языка официальных документов, что, вообще говоря, совершенно корректно для коммуникации подобного типа. Сухих, монотонных лекторов, конечно же, не так много, но они есть во всех учебных заведениях и своим примером доказывают существование передачи информации без какого бы то ни было участия фасцинативности. Более того, именно потому, что живое человеческое общение без фасцинативности не осуществляется, такое речевое поведение можно назвать антифасцинативным, разрушающим эффективную коммуникативную связь.

Таким образом, под антифасцинативной следует, на мой взгляд, понимать как действия, активно разрушающие передачу информации (нецензурщину, диковатую и вульгарную жестикуляцию и мимику, плохую дикцию, шепот вместо необходимой громкости звучания голоса, «нечленораздельное мычание» и т.д.), так и отключение фасцинативности там, где она совершенно необходима (в лекциях, в публичном обращении высоких государственных лиц к населению, на предвыборных митингах и т.п.)

Логично предположить, что и фасцинация может осуществляться без информации. Таким свойством обладает во множестве своих проявлений *тактильная фасцинация* (предлагаю этот термин, хотя, быть может, возможен и другой, более точный и корректный), напрямую связанная на прогнозе ощущений боли или наслаждения. Тактильная фасцинация, по всей очевидности, является самой древней, базовой для всех живых субстанций, обладающих телом и сенсорикой. К такой фасцинативности относятся, в частности, многие кинемы биологическо-сексуального кокетства и ухаживания: сексуальные прикосновения, ласковые поглаживания, объятия, толчки и щипки и т. п.

Э.Берн справедливо, на мой взгляд, вознес «поглаживание»⁸ на высоту базового психологического механизма общения и воспитания. Ю. Кнорозов выделял в особый ряд сигналы, слитые с их содержанием⁹. Вполне вероятно, что он имел в виду в первую очередь тактильные сигналы, а они в большинстве своем несут фасцинативный характер (сексуальная тактильность, тактильные ласки, одобрителы и поощрительные, равно как и предостерегающие и осуждающие «щелпки», толчки и т.п.). Быть может, сторонники строгого взгляда, согласно которому все коммуникативное несет в себе информацию, и правы, если скажут, что жаркое прикосновение кокетливой женщины к мужчине содержит массу информации сексуального свойства. Я же хотел бы подчеркнуть лишь то, что даже если «информационное сообщение» или «семантически значимая информация» в такого рода фасцинативности и есть, она в момент совершения фасцинативного действия не осознается и воздействие содержит все качества моментальной огульности и мгновенной эмоциональной реакции. Так же и вся система фасцинативных действий при смертельной опасности у животных и человека апеллирует напрямую к эмоциям страха и действиям избегания или защиты, минуя сколько-нибудь «трезвое осознание» («фасцины страха», как, по-видимому, и все «экстремальные фасцины» по действию во многом аналогичны «фасцинам наслаждения»). Поэтому и в мозгу структуры «отражения удовольствий», открытые в 1953 г. Дж. Олдом¹⁰, соседствуют со структурами «отражения неприятностей»). Далее, множество этнических фасцин (кинемы приветствий, племенной идентификации, ритмические ритуальные танцы, обрядовые песни, гимны, национальная символика) вызывают симпатию мгновенно без какого-либо «смыслового анализа сообщения», в буквальном смысле слова автоматически. Ф. Достоевский писал жене, как на него волнующее подействовало одно только звучание неожиданно услышанной русской речи на немецком курорте, где он лечился и долго не слышал русского говора. Примеров прямого фасцинативного воздействия можно множить и множить.

Ю. Кнорозов относил к разряду фасцинативности, избавленной от информации, инструментальную музыку и орнамент.

Кстати, в сложных предвыборных технологиях профессиональные политтехнологи, воздействуя на массовое сознание, стремятся свести к минимуму смысловое восприятие и критику со стороны избирателей, применяя с большей или меньшей степенью удачности «фасцинативные атаки» (параллельно и во взаимодействии с «информационными

атаками»). Только тогда электорат в своем большинстве проникается бессознательной симпатией к кандидату или партии, и никакая осмысленная критика не может пошатнуть возникшей привлекательности, более того, часто только усиливает эффект. Так ведут себя влюбленные, когда им стараются раскрыть глаза на непривлекательную невесту или жениха.

Если атака была спланирована точно по законам фасциативности, ее воздействие на общественное сознание бывает просто фантастично и политологи долго гадают, как и почему это случилось. Так, никому не ведомое, только что полтора месяца назад созданное из каких-то политических лоскутков перед самими выборами «Единство», которому все прочили почетное пятое, а то и непочетное десятое место, вырвалось на выборах в Государственную Думу 1999 года на второе и стало мощной фракцией Государственной Думы. Технологи «Единства-Медведя» выстроили стройную фасциативную систему: слово «Единство» прекрасно легло «на душу» множеству истолченных «не-единством» россиян (первая фасциация), лейбл-символ «Медведь» (вторая фасциация) соответствовал этнической символике большинства народов России (с русскими «медведями-богатрями», медвежьими праздниками Севера и Сибири, и т.д.), великолепные в узнаваемости и точной знаково-символической соотношенности с «Медведем» Сергей Шойгу и Александр Карелин стали живыми символами сразу и «Единства», и «Медведя» (третья фасциация), замечательный агитплакат с медведем, держащим за шиворот волка, сигнализировал близкое большнству россиян ожидание расправы с ненавистными олигархами (четвертая фасциация), Удивительно ли, что старушкам снился Шойгу, а мужики почти в стиле «Литератрона» Робера Эскарпи, смачно поругивались, глядя на телеэкраны, где суперфасциативный Сергей Доренко субфасциативно утюжил вдруг ставших скучными (а значит антифасциативными!) Ю. Лужкова и Е. Примакова. Подучилась мощная «фасциативная атака», которая вызывала и симпатию к «Единству», и надежду на единение, на желанные изменения в российской измотанной неурядицами и повальными воровством жизни. Это потом пришло отрезвление (как всегда бывает после не очень-то благородных «фасциативных атак»). Не так ли и в 1917 году большевики прекрасно выстроили свою субфасциативную атаку (а по силе воздействия субфасциативность не уступает фасциативности, потому что механизм действия один и тот же, а субфасциативность — всего лишь «низкая» фасциативность, как субпассионарность — пассионарности): «Земля крестьянам!», «Фабрики рабочим!», «Мир народам!», «Власть рабочим и крестьянам!», и знаменитое «Грabb награбленное!» — кто тут устоит в измотанной войной и нищей стране? Отрезвление пришло слишком поздно, когда стали рабами все без исключения, в том числе и те, кто, обезумев от субфасциативных коммунистических посулов, бросился «экспроприировать экспроприаторов».

Но в целом феноменология фасциации и информации слита, образуя дополнительное единство, а не разрозненное ощущение или избегание пересечений. Напротив, именно пересечения, двустороннее слияние и создают ту высокую эффективность информационно-фасциативного воздействия, которая так необходима коммуникации как способу организации жизни. Именно из этой необходимости родились и информация, и фасциация.

Неопределенность, информация, фасциация. Особое назначение фасцин и фасциации

Преобладание фасциативных воздействий над информационными в пранстории человечества, по-видимому, детерминировано тем, что посредством фасциации гораздо легче добиваться желанных реакций и действий, так как фасциативный сигнал достигает напрямую деятельно-эмоциональную сферу психики, мгновенно выводя воспринимающего его из состояния неопределенности и информационного дефицита. Этому способствует всегда также избыточность фасциативных сигналов, достигаемая их яркостью, эффективностью, настойчивостью. Фасциация не оставляет равнодушным, вызывает к немедленной реакции, проникая в центр удовольствия или страха, возбуждая эндорфинную систему организма. Таким образом, и передача информации, снабженная порциями фасциации, также была с точки зрения организации поведения гораздо более

эффективной и достигающей цели. Во всяком случае, огромный период исторического развития человечества (информационный дефицитом и голодом (недостаточность достоверных знаний о природе и обществе) был заполнен эффективно организующей фасциативной коммуникацией: она преобладала над информационной).

Люди осознали особую силу фасциативной коммуникации еще в древности. Социальное общение первобытных людей и древних цивилизаций пронизывают многочисленные фасцины во всех сферах отношений: от бытовых и межполовых до государственно-политических. Высшая государственная и религиозная власть всегда оформляли себя целым арсеналом фасциативных средств: царские блистательные короны, жезлы, мантии, расшитые золотом и драгоценными камнями одеяния, троны, шатры, опахала, и т.д. и т.п. Весь этот фасциативный и строго продуманный антураж приводил поданных не только в эстетический восторг, граничащий с экстазом, но и в трепет почтения перед столь великолепной высшей (божественной) силой. Создавался общий восторженный и почтительный настрой, который невыразим словами и несет сложный комплексно-фасциативный смысл, действующий напрямую на психику, минуя какие-либо разъяснения.

Еще раньше, до появления царской власти, фасциативность была имманентно вплетена в общинно-племенные обряды и ритуалы: пляски и заклинания шаманов и колдунов, приводящие племя в состояние гипнотического транса, анималистические амулеты и знаки охраны от злых сил, общинные театрализованные ритуалы-празднства, специализированные знаки внутриплеменной иерархии, убранство и ритуалы воинов, жертвоприношения, обряды инициации и т.д.

Практическое применение и осознание значения фасциации шло параллельно. Так, огромный вклад в развитие практического использования фасциации внесли софисты и риторы. Со времен древних греков риторические приемы ораторской и публичной речи стали аксиомой для любого профессионала коммуникативных профессий (политика, педагога, менеджера по персоналу, телеведущего, шоумена, психотерапевта). Гениальные фасциаторы речевого воздействия похожи на древних шаманов, которые еще до риториков знали и использовали основные фасциативные приемы речевого воздействия: смену ритма речи, богатейшие голосовые модуляции, семантические паузы, нагнетающийся ритм речевых повторов, драматизацию и др. Риторы добавили речевую интригу, ритм шуток и «занимательных историй, оживляющих внимание», притчи, анекдоты, повторы ключевых фраз. Без риторических приемов все ораторы и лекторы были бы обречены на участь антифасциативного (в плане лекционной речи, разумеется) Гегеля, к концу лекций которого в аудитории оставался только один студент.

В 60-е годы XX века когнитивная психология и психолингвистика обогатили практику социальной коммуникации знанием о роли фасциации в речи, показав, как с ее помощью увеличивать «семантически значимую информацию» (термин Н. Винера), то есть ту информацию, которая необходима принимающей системе для выбора точного решения. Это безусловно положительное влияние психолингвистики и когнитивной психологии нашло свое применение в построении речевых воздействий на телевидении, в кино, и особенно в товарной и политической рекламе. Но одновременно, как при всякой акцентуации, оно, по-видимому, несколько успокоило исследователей и увело их от внимания к иным видам и способам фасциативных коммуникативных форм. Поэтому определение фасциации в «Психологическом словаре» получилось сугубо психолингвистическим: «Фасциация (от англ. *fascination* — очарование) — специально организованное вербальное (словесное) воздействие, предназначенное для уменьшения потерь семантически значимой информации при восприятии сообщения реципиентами, за счет чего повышается возможность ее воздействия на их поведение. Формы Ф. могут быть различными. В зависимости от акустической организации интенсивность Ф. может варьировать от минимальной (монотонная дикторская речь) до максимальной (специально интонированная речь, декламация, пение). Важным фактором Ф. выступает ритмическая организация сообщения. Существует также семантическая Ф., когда текст сообщения при определенных условиях оказывается жизненно значимым для реципиентов, вызывая резкое

изменение их поведения (например, семантическая Ф. проявилась в «феномене 30 октября 1938 г.», когда радиосценировка «Борьбы миров» Г. Уэллса вызвала в США массовую панику, охватившую свыше миллиона человек. Аналогичный эффект эта радиопостановка вызвала в Эквадоре 15 лет спустя). Эффектом семантической Ф. обладают также слухи». Понятно, что в таком определении фасцинации нет места ни чарующей родинке на лице Мерилин Монро, ни блистательно-петушинному гусарскому мундиру, вводимому девиц XIX столетия в гипнотический транс, ни, тем более, соловьиному свисту.

Внимание к этой ярко-театральной стороне коммуникации уделили, пожалуй, только этологи и этнографы, правда, под своим профессиональным углом зрения. Так, этологов — и это прекрасно выразил Конрад Лоренц (см. его книгу «Агрессия. Так называемое зло») — заинтересовало, почему и зачем в процессе естественного отбора и изменчивости видов образовались поразительные по красоте и броскости яркие узорчатые окрашивания чешуи у многих рыб, разноцветные оперения и заливы трели у птиц, и прочие явно демонстрационные сигналы, казалось бы вредные, на первый взгляд, для вида, так как обнаруживали их носителей, подвергая их повышенной опасности. А оказалось, что очень часто эти фасциативные проявления в биологическом поведении есть не что иное как сигналы предупреждения о занятости территории и, одновременно, регулирования агрессии, сведения ее к демонстрационно-ритуализованным, то есть гораздо менее опасным для выживания вида, формам. Многие из этих демонстрационных форм перешли от животных в человеческое общество и широко используются людьми как коммуникативные сигналы-фасцины (угрожающее демонстрирование, сексуальные кинемы и т. д.)

Этологи, описывая племенные обычаи и ритуалы, почти всегда фиксировали внимание и на таких формах социального поведения, как «театрализованные» общественные ритуалы, раскраски и украшение тел, использование самых разных амулетов и магических знаков, сексуально-возбуждающие сигнальные тонкости в межполовом общении, колоритные речевые формулы заклинаний, и даже этнические интонационные приемы (так у некоторых народов Полинезии мужчина, чтобы выглядеть мужественно-воинственным и сильным, обязан говорить почти криком, подпуская в голос как можно более «свирепые» интонации).

Другими словами, и этологи, и этнографы, собирая «базу данных» особых демонстрационных форм поведения, всегда ярких, заметных, привлекающих внимание и очень часто действующих в буквальном смысле слова гипнотически, неявным образом создавали базу для биологической и социальной фасциологии, так как воочию показывали, что эффективная коммуникация в животном и человеческом мире попросту невозможна без фасцин и фасцинации, а речевая и околоречевая (паралингвистическая) фасцинация является всего лишь частью огромного, разветвленного на тысячи ветвей, системно переплетенного фасциативного процесса, значение которого еще не совсем понято и понятно, но ясно одно — этот процесс является процессом оптимизации коммуникативных взаимодействий, а это способствует выживанию и продолжению вида. Для животных это закон явный, не требующий особой аргументации (без фасциативных демонстрационных форм поведения они просто вымерли бы). Но и для человеческого общества этот закон также безусловен и, быть может, со всей отчетливостью доказывает это множество сексуальных фасцин, от тысячелетиями культивируемых грубовато-тактильных до утонченно-эстетических, оказывающих могучее, если не определяющее, воздействие на складывание любовных отношений между мужчиной и женщиной, а без этих отношений, как это ни банально звучит, нет ни общества, ни его продолжения. Именно фасциативная, а не информационная, коммуникация лежит в глубинной архитектонике межполовых отношений. Писатель Валентин Катаев очень метко сказал, что «любовь начинается с удивления». Удивить же может только фасциативный сигнал, не понимаемый умом, но четко регистрируемый психикой и подсознанием как «удивительный» (отключать критику и разум — особое и чуть ли не важнейшее свойство фасцинации!). «Любовь с первого взгляда», о природе которой люди спорят уже много веков, исключительно фасциативна, или точнее, быть может, надо сказать так: провоцируется некоей суммой фасциативных сигналов, исходящих от «объекта любви» и воздействующих мгновенно

и чарующе: мастью, запахом (фасциативность запаховых предпочтений уже открыта биологами), «породистой» фигурой, особыми фасциативными чертами лица (к биологическим основаниям чувства красоты, симпатичности особого типа лица психологи уже подобрались), цветом и блеском глаз, кинетическими повадками (вскидывание головы, особая поза и т. д.), мелодикой и тембром голоса, и т. д. и т. п. При этом бесполезно что либо объяснять и доказывать. Да, невеста, конечно, стержовна, но как божественно очаровательна, как кокетливо-обворожительна, как сводит с ума. А вот эта добродетельна и с замечательной душой. Но почему рядом с ней так скучно. Не является ли этот довольно частый факт отношений между мужчинами и женщинами ярким доказательством самостоятельного и могучего по действию существования фасцинации без информации? Или помимо информации.

Фасцинация природы

Может вызвать возражение включение в круг фасциативных феноменов **явлений природы**. Проблема эта очень широка и сложна, поэтому здесь я ограничусь лишь аргументацией корректности такого включения.

Вряд ли вызовет возражение утверждение, что восприятие окружающей действительности, в том числе природных явлений, зависит от типа актуализации поведения, «спровоцированного» той или иной потребностью живого организма и его психики: голодному мир видится совсем иначе, чем сытому. На восприятие накладывает отпечаток и имманентная для человека форма труда: взгляд со скалы на долину пастуха, земледельца и охотника существенно отличается — они выделяют в пейзаже разные доминанты. И эти доминанты, сотни и тысячи раз повторенные, непременно закрепляются в психике своими «красотами». Наконец, необходимо учесть и то, что окружающая первобытного человека природа содержала в себе все то, что современный человек осознал, «вычислил» как фасцинацию. Я имею в виду заложенные в природе игру красок, ритмы, орнаменты, «золотое сечение» форм, гармоничные объемы, линии, контуры, и то, что все времена восхищало художников — удивительные, чарующие природные композиции. Первобытный человек, слитый с окружающей его природой, не мог не испытывать восторга и страха от могучих природных явлений: молнии, северного сияния, восполюхов, ночного звездного неба, причудливости облаков, величия горных вершин и скал. Обожествляя природу, фетишизируя ее, наделяя ее душой и духом, он воспринимал, отражал и включал в этот процесс поклонения и обожествления и фасцинацию Природы. Он наделял явления природы смыслом, и этот смысл, закрепленный в мифах и сказаниях, был семантически фасциативен. Из этой фасциативности родилось чувство художественности и красоты. А природа как первоисточник фасцинации всегда была и останется навсегда нескончаемым фасциативным арсеналом образов, метафор, сюжетов, используемых человечеством в своем повседневном и художественно-эстетическом общении.

Продолжая анализ феноменологии фасцинации, уместно, мне кажется, шире ввести в научный оборот категорию **«семантическая фасцинация»**, а также обозначить и исследовать категории **«субфасцинация»**, **«дезфасцинация»** и **«экстремальная фасцинация»**, отражающие специфические фасциативные процессы.

Субфасцинация

Под субфасцинацией я предлагаю понимать фасцинацию вычурно-гиперболическую и эпатажно-акцентированную. Когда Маяковский создавал оригинальные стихи и блестяще их декламировал, он творил фасцинацию в чистом виде. Но когда он натягивал на себя желтую кофту и в «Бродячей собаке» эпатировал публику, он являл своим поведением образец оригинальничания и субфасциативности. Как на век раньше молодой Пушкин в наряде янычара эпатировал светскую публику Петербурга. Поведение множества современных поп-звезд с их сценическим эксгибиционизмом, «украшиванием» оголяемого на эстраде тела шокирующими татуировками и пирсингом, с их шокирующими сленговыми фразами в песнях, имитацией копусных движений тела, и т. п. — ярко субфасциативно. В этом смысле субфасцинация во многих своих проявлениях представляет собой *«шоковую»*

фасцинацию» (термин А. Войскунского), то есть нацеленную, главным образом, на создание «удивления-шока» в психике адресата.

К субфасцинации можно отнести символическую экстремальность (экстремальный пирсинг, деформации различных частей тела, и т. п.), имидж-акцентуации (экстравагантность, экзальтированность, демонстрация демонизма, вампиризма и т. п.), субфасцинативные патологии (нарциссизм, нимфомания, эксгибиционизм и др.).

Обаятельная улыбка всегда фасцинативна. Но привлечь внимание, отогнать скуку, запомниться надолго и эмоционально можно и «скорчив рожу», опустив улыбку до яркой гримасы, то есть до субфасцинации. Семантика «похабного» передразнивания в основе своей субфасцинативна и входила в древние праздничные обряды и ритуалы всех народов, особенно в их оргастические виды. На современной эстраде с какого-то времени вошли в моду энергетические кинемы «а la coitus», великолепно исполняемые Майклом Джексонем и заразившие своей впечатляющей субфасцинативностью чуть ли не все молодые поколения планеты. Соединенные с массовым эстрадным оголением, пирсингом и шокирующей татуировкой поп-звезд, эти кинемы образуют своеобразную субкультуру коммуникативной пластики тел поколения. Правда, гораздо более чарующая субфасцинативность включена в сексуальные этнические танцы многих народов (к примеру, в знаменитые восточные «танцы живота»), в мастерском исполнении превращающиеся в подлинное искусство эстетической сексуальной фасцинации.

Жюль Ренар писал: «Если в фразе есть слово «задница», публика, как бы она ни была изыскана, услышит только это слово. Вспоминаются слова, которые вложили в уста Остапа Бендера Ильф и Петров: «Побольше цинизма, Киса. Люди это любят». Крепкое слово в речи, а особенно на сцене или в выступлении политика становится фасцинативным элементом именно в силу своей неожиданности, нелитературности, «яркого» нарушения нормы. Так же действовали на протяжении тысячелетий ругательства в ситуациях паники, настроя на драку (сражение), при отдаче приказов и др. экстремальных ситуациях. Ругательства в конфликтах тоже субфасцинативны — они на порядок повышают наносимую обиду и возбуждают агрессию. В этом смысле ругательство, обидное ненужное выражение или сравнение служат провоцирующим средством и могут привести в ярость самого сдержанного человека.

Дезфасцинация

По аналогии с дезинформацией можно говорить, как мне кажется, и о дезфасцинации — обманной фасцинации, достижением живым существом тех или иных актуальных для себя целей обманно-чарующим воздействием. Так во все века невзрачные женщины пускали в ход разного рода фасцинирующие средства и приемы: «подкладки-накладки», ароматические средства, румяна и проч., и проч., превращаясь в «мечту для мужчины».

Ричард Докинз в дополнении к главе 4-й «Генная машина» во втором издании (1989 г.) своей замечательной книги «Эгоистичный ген» делает следующее уточнение в своих взглядах на биокоммуникацию: «Меня теперь не удовлетворяет то, как я изложил проблему коммуникации, или передачу информации, у животных. Мы с Джоном Кребсом в двух статьях настаиваем на том, что большая часть используемых животными сигналов лучше считать не информативными и не вводящими в заблуждение, но манипулятивными. ...Песня соловья не несет в себе никакой информации, даже обманчивой. Это красноречие, которое убеждает, гипнотизирует, очаровывает. ...Мы с Кребсом считаем, что сигналы развиваются из взаимодействия того, что мы называем чтением мыслей, и манипуляции»¹³. Термин, предложенный Докинзом, представляется мне не совсем корректным. Манипулирование достигается и средствами информации, принимающей форму дезинформации. На мой взгляд, «обманное очарование» и мимикрию точнее было бы назвать дезфасцинацией.

В категорию дезфасцинации попадает прежде всего «чарующая» мимикрия. Так, некоторые насекомоядные растения используют для «чарующего обмана» насекомых такие фасцикации как яркая, привлекающая визуальное внимание окраска и «чарующие» запахи, вызывающие у насекомых удовольствие. Есть яркие цветы, продуцирующие запах гнилого мяса, на который слетаются мухи и откладывают внутри цветка

свои яйца, служащие для «коварного» цветка-обольстителя пищей.

Надо сразу отметить, что не всякая мимикрия фасцинативна. Широко используемая многими растениями, рыбами, птицами, насекомыми, рептилиями мимикрия в виде маскировки, антифасцинативна — обман достигается средствами «исчезновения с глаз». Это есть способ дезинформации: живое существо мимикрирует под «невидимку» и тем самым как бы уничтожает информацию о себе — оно на самом деле здесь, но для всех своих недругов и жертв его нету.

Совсем иное дело, когда живое существо становится ярким, сверкающим всеми цветами радуги, праздничным и привлекающим всеобщее внимание. Оно всем своим видом «говорит»: «попробуй, но запомни — это будет первый и последний раз в твоей жизни». Так действуют многие ядовитые бабочки яркой раскраски и все «божьи коровки».

Другой вид дезфасцинации — это мимикрия слабых видов под хищных или ядовитых. Многие неядовитые, вполне съедобные для птиц бабочки «рядятся» в одежды своих ярких ядовитых соседей и этим фасцинативным театром спасают свои жизни. Р. Докинз в книге «Эгоистичный ген» сделал, на мой взгляд, совершенно справедливое предположение: «Вполне возможно, что все коммуникации между животными с самого начала содержат в себе элемент обмана, ибо любые взаимодействия между животными всегда сопряжены с некоторым столкновением интересов». Закон актуального демонстрирования тела и внешнего облика полностью совпадает в этом с идеей Р. Докинза: все живое занято не только демонстрированием в актуальных ситуациях своих истинных качеств, но еще и «притворством», «пусканием пыли в глаза», разыгрыванием ложные спектаклей-дезфасциаций, как чайка, притворяющаяся раненой, волоча подбитое крыло по земле — чтобы увести от своего гнезда лисичу.

В человеческом обществе дезфасцинация применяется не реже, а скорее чаще дезинформации и выступает в форме семантической дезфасцинации (об этом см. ниже). А точнее — дезинформация и дезфасцинация образуют взаимодополнительный симбиоз, обрушиваемый людьми и человеческими сообществами друг на друга в эффективном обманном единстве. Так ведет себя недобросовестный рекламодатель, включающий в красочную рекламу яркие фасцинативные средства (например, знаменитых, любимых всеми актеров театра и кино, певцов, ученых) и лживую информацию о якобы великоленных товарах и их свойствах, которыми они на самом деле не обладают. Такова же природа так называемых «пиар-мифов» о кандидатах на выборные должности, ведущих недобросовестную избирательную кампанию: вор и мошенник вдруг превращается приемами дезфасцинации в ангела, не избрать которого было бы со стороны избирателей чуть ли не преступлением.

Стремление множества людей выглядеть лучше, чем они являются на самом деле, есть не что иное как естественная, вытекающая из действия закона актуального демонстрирования, дезфасцинация, давно известная людям как феномен «казаться». К этому же ряду коммуникативной семантики следует отнести такие явления как франтизм, дендизм и снобизм.

Все приемы профессиональных мошенников и шулеров суперфасцинативны, но используются они исключительно как дезфасцинации. Прежде всего это приемы «вызывания полного доверия» у жертвы (у «лоха» на языке мошенников): мягкая улыбка, доверительный взгляд, тактильные «поглаживания», ряжение под «уважаемого» или «солидного, серьезного» человека (форма офицера, ордена, удостоверения и дипломы и т. п.), вызывающая симпатию голосовая модуляция, и т. п. Сюда же можно отнести и манипулирование сексуально-возбуждающими приемами в ситуациях обманного обольщения: «Нет ничего невозможного для женщины, которая может расплакаться в нужный момент перед нужным мужчиной». — остроумно заметил У. Нокер. То, что отмечено выше как сексуально-обольстительная «спецподготовка» агентов-девушек, конечно же, является замечательным примером овладения дезфасцинацией.

Экстремальная фасцинация

Особое и в последние десятилетия все более увеличивающееся значение занимает в фасцинативном человеческом взаимодействии **экстремальная фасцинация**, создающая эффект жути, «ужасного очарования» с «мурашками по коже» и вбросом в организм повышенной порции адреналина.

Экстремальная фасцинация — это импрессионизм и экстастический всплеск острых эмоций, часто на грани возможного, когда холодеет и замирает сердце, охватывает столбняк и округляются глаза от шокового удивления, а то и страха. Так, в частности, действует на зрителей фильмы ужасов, захватывающие экстрим-триллеры, экстремальные зрелища скоростных автомобильных гонок, боев без правил, затяжных прыжков парашютистов, фиксированных канатом прыжков с мостов и скал.

Так называемое экстремальное поведение (поведение «на грани возможного») не только приковывает внимание и «разжигает страсти», но, по-видимому, является в филогенезе необходимым этапом своеобразной «тренировки» живых существ в молодом возрасте, освоения ими форм «дерзости», «авантюризма», телесной «эквилибристики» на этой самой «границе возможного». А часть такого поведения закрепляется в системе демонстрационного поведения вида в межполовых отношениях, защите территории и «рода-племени», и т.д.

Возможно, именно этот филогенетический механизм экстремальности движет поведением детей, подростков и юношей, когда они проделывают «телесные подвиги», трюкачество, разного рода «демонстрационный героизм» (кто прыгнет с самой высокой точки в воду, кто залезет на самое высокое дерево, кто дальше всех нырнет, дольше продержится под водой и т. п.), часто опасный для здоровья и жизни.

В экстремальной ситуации (опасность для жизни, угроза и т.п.) у человека происходит стрессовая мобилизация всех сил организма. В особом режиме работают сердце, печень, почки, желудочно-кишечный тракт. Кровь приливает в мышцы рук и ног, дыхание становится прерывистым. В небольших дозах стресс полезен, более того — может быть приятен. Существует соблазн никогда не выходить из запоя этим феерическим коктейлем из страха, любопытства, удовольствия и ощущения собственного могущества. Сегодня психологи много говорят о своеобразной адреналиновой наркомании. В этом состоянии человек может жить только на пределе, он фактически питается ситуациями, провоцирующими выброс адреналина. Причем, как и при любой зависимости, ему требуется все большая доза риска. Человек забирается все выше, погружается все глубже, едет все быстрее. Более того, он и в обычной жизни бессознательно ищет риск и опасность, провоцирует критические ситуации. Преодоление смерти перестает быть жизнеутверждающим. Экстрим — это в конечном счете игра со смертью. Смерть завораживает. Вероятность смерти действует как фасцинация. Но и у созерцателей демонстрируемой перед их глазами экстремальности тоже возникает экстремальные ощущения и удовольствия. Своеобразный экстримимпрессионизм чувственности. Они тоже попадают в зависимость от адреналина и острых впечатлений — их психика и «центр удовольствия» требуют все более острых зрелищ.

Массово-праздничная культура у всех этносов содержит такого рода экстрим-соревнования, которые являются сценарно-сценической сердцевиной празднеств. Лев Толстой прекрасно описал такой тип поведения в знаменитой сцене в «Войне и мире», когда дуэлянт и повеса Долохов встал на подоконник и, не держась ни за что, осушил бутылку шампанского. Большая часть дуэлей совершалась из этой же потребности экстремально покрасоваться, очаровать всех своей храбростью и дерзостью. Подпал под влияние этой массовой тяги к дуэлянтскому экстриму и Пушкин, в молодости буквально искавший повода «кого бы вызвать на дуэль». В мужской моде был «шрам от дуэли» на лице.

Развитие скоростной техники, воздухоплавания и подводного плавания привело к резкому скачку демонстрационной экстремальности, ставшей во многих случаях профессией. Такой повальной и сценической экстремальности не могло бы быть, если бы экстремальное поведение не было фасциативным, ярким, приводящим в движение физиолого-психологические эмоциональные структуры, создающие настроение восторга, жутти, «мурашек по коже», экстаза, суггестии. Гладаторские бои, коррида, бокс, опасные цирковые трюки, цирковая дрессировка хищников — всего этого не могло бы быть без таких психофизиологических структур и тяги человека к экстремальной яркости, страстности и «жутти», в буквальном смысле наркотической. Очевидно, именно здесь необходимо искать истинные причины массового распространения во все века своеобразной этнической «культуры экстремальности», кич-

экстрима, экстремального эпатажа и прочей экстремальной фасциативности. Не исключено, что фасциативные механизмы являются провоцирующими для экстремистского и даже террористического поведения.

Семантическая фасцинация

Ю. Кнорозов выдвинул идею о существовании семантической фасцинации, обозначив такие ее важные свойства, как «неясность, многозначность описания», действующие как сильнейшее фасцинирующее средство, и отметив, что «искусство собственно и начинается с семантической фасцинации, с того момента, когда человек сделал великое открытие возможности выдумки. В качестве средства семантической фасцинации выступают выдуманные события и мнимые личности»¹⁴.

Вслед за Ю. Кнорозовым предложение о необходимости изучения проблемы семантической фасцинации высказал А. Брудный: «Существует и «семантическая фасцинация». Поступление информации, вообще говоря, обязательно связано с тем, что она снимает неопределенность ситуации; это, однако, не исключает элемента неопределенности в самом содержании поступившего сообщения, допускающего ряд прагматически неравнозначных интерпретаций. Такая неопределенность в семантике сообщения (или, точнее, в семантике некоторого данного отрезка текста) может играть фасцинирующую роль»¹⁵.

Любопытно, что сходное понимание семантической фасцинации присутствовало в интеллектуально-речевом обиходе XIX столетия. Так, А. И. Герцен, характеризуя энциклопедический ум и необыкновенно привлекательный стиль общения известного просветителя и славянофила Алексея Хомякова, говорил, что тот наделен «удивительным даром логической фасцинации».

В самом деле, в коммуникативно-образных воздействиях людей широко используются самые разные яркие, приковывающие внимание, чарующие логически и семантически значимые конструкты, имеющие своей природой игру ума, фантазии, воображения, выдумки. Границы семантической фасцинации безбрежны, без нее общение людей было бы серо и скучно. Попытаемся определить специфику и дать обзор коммуникативных явлений, которые могут быть отнесены к семантической фасцинации.

(продолжение в следующем номере)

Литература:

- 1 См.: Латинско-русский словарь. М., 1961
- 2 Э. Фукс. *Erotica*. Галантный век: пиршество страсти. «Диалог-Пресс», 2001.
- 3 См.: З. Фрейд. *Массовая психология*. Глава VIII «Влюбленность и гиноз».
- 4 См.: Собеседование по общей теории сигнализации с Ю. В. Кнорозовым. Структурно-типологические исследования (сб. статей). Отв. редактор Т. Н. Моложная. Изд-во АН СССР. М., 1962.
- 5 А. Войцунский. Я говорю, мы говорим... М., «Знание», 1990, с. 118
- 6 «Вопросы языкознания», 1962, № 1, с. 163. Достоинство глубокого сожаления, что, насколько мне известно, не были подробно зафиксированы (кроме собеседования по теории сигнализации), другие выступления Ю. Кнорозова о фасцинации, особенно его доклад «Об изучении фасцинации» в г. Горьком в 1961 году. Уверен, что в нем Ю. Кнорозов дал и более точное определение фасцинации, и более развернутое представление о круге психофизиологических проблем. В любом случае можно без всякого преувеличения сказать, что **научное исследование феномена фасцинации начинается с гипотезы Ю. Кнорозова**.
- 8 Эрик Берн. *Игры, в которые играют люди*. Лениздат, 1992
- 9 Собеседование по общей теории сигнализации с Ю. В. Кнорозовым.
- 10 Olds J. Milner P., Positive reinforcement produced by electrical stimulation of septal area and other regions of rat brain, *Journal of Comparative and Physiological Psychology*, 47, 419-427 (1954)
- 11 См.: Собеседование по общей теории сигнализации с Ю. В. Кнорозовым
- 12 Психология. Словарь / Под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. — 2-е изд. М., 1990.
- 13 Доккинз Р. Эгоистичный ген. Перевод с английского Н.О. Фоминой. М., Мир, 1993. — электронный вариант: <http://grokhovs.chat.ru/dawkins/dawkins.html>
- 14 «Вопросы языкознания», 1962, № 1, с. 163
- 15 А. А. Брудный. *Семантика языка и психология человека*. Фрунзе, 1972, стр. 78-80

интервью

Фасцинология нужна всем!

— Борис Борисович! Насколько уместным и своевременным является опыт проведения спецкурса «Политическая фасцинология» для студентов-политологов? Не уместнее ли курс фасцинологии для искусствоведов или журналистов? Чем он может быть интересен политологам?

— Думаю, что фасцинология нужна и для искусствоведов, и для журналистов, и для многих других специальностей и профессий, в содержании которых имеются технологии и техники влияния людей и человеческих сообществ друг на друга. Я полностью согласен с Владимиром Михайловичем Соковниным, что фасцинация — феномен, пронизывающий все коммуникативные процессы в природе и обществе. Мы привыкли к сознанию того, что все коммуникативные явления основаны на информации. На фасцинацию до сих пор обращали мало внимания. Разве только те специалисты, которые связаны с модой, прикладным дизайном. А на самом деле человек живет не только в мире информации, но и в мире фасцинации, активного «чарующего» взаимодействия, вплоть до всяческого «обмана». Биологи, кстати сказать, увидели «обманные» и «чарующие» процессы на уровне простейших живых организмов. Пришло время осознать значение фасцинации для социальной жизни, проникнуть в ее особенности и закономерности для того, чтобы использовать их в практической деятельности. С этой точки зрения спецкурс о фасцинации мне показался очень полезным для студентов-политологов. Поэтому я и предложил Владимиру Михайловичу провести этот спецкурс на нашем факультете и благодарен ему за то, что он согласился и провел такой спецкурс.

Если еще конкретнее, то я могу назвать некоторые проблемные сферы практической политологии, где фасцинология крайне полезна. Одна из сфер такого рода проблем связана с политической рекламой. Поиск в этой области ведется давно, есть безусловные находки в проектировании лозунгов, слоганов, рекламных текстов, графических средств в уличной рекламе. Но посмотрите, как много серого, невыразительного, а то и попросту безграмотного обрушивается на избирателей в ходе

Борис Багиров
декан факультета политологии и
социологии Уральского государственного
университета им. А.М. Горького

выборов. А ведь совершенно ясно, что реклама действует только тогда, когда она фасцинативна, то есть когда она «чарует», не оставляет равнодушным, увлекает воображение, действует на чувства, вызывая удивление, симпатию, а то и шок. Как этого добиться? Нужно знать законы и принципы фасцинации. Назову лишь некоторые: «золотое сечение», принципы парадокса и метафоры, особенности диссонансных форм, законы цветовой гармонии, ритмики, «асимметричной симметрии». И эти законы действуют не только в сфере рекламы и дизайна. Посмотрите с этой точки зрения на конструирование политического имиджа и вы увидите, что без фасцинации имидж — всего лишь внешняя обертка, часто безвкусная и нелепая. Имидж без фасцинации — как дружеское приветствие без улыбки. А так называемый «пиар»? Изымите из пиар-деятельности использование фасцинативных приемов и средств и останется сухое информирование и нечто вроде инструкций. Вот и получается, что если студент хотел бы после университета стать политологом-практиком, то есть специалистом по политическому «PR», планированию выборных кампаний, конструированию имиджа политических деятелей и партий, политическому консультированию, он с неизбежностью столкнется со всем тем, что я перечислил, а это всего лишь небольшая часть фасцинологической проблематики.

Не могу не сказать и об опасностях, заложенных в феномене фасцинации. Я уже отметил, что наряду с прочим фасцинация — это «чарующий обман». Способами фасцинации можно создавать такие виртуальные имидж-мифы, что они окажутся эффективнее имиджа политика, сформированного на реальных позитивно-фасцинативных поступках, таких, скажем, как самоотверженность, героизм, неподкупность. Еще опаснее игра в фасцинативные эффекты на уровне разжигания страстей. Этим, кстати сказать, широко пользуется так называемый «черный пиар» с его методами запуска порочащих слухов, гаденьких коллажей и изображений типа «что там в спальне...», «информации» из «подсматривания в замочную скважину», и т.п. Увлечение подобной субфасцинативностью опасно и тем, что такой политтехнолог-«конструктор» рано или поздно становится сам глубоко безнравственным человеком, циником и провокатором. И таких уже предостаточно. Значит и с этой точки зрения курс фасцинологии полезен для политологов — как прививка иммунитета против деструктивных фасцинативных технологий.

Уверен, что политическая фасцинология через некоторое время оформится в актуальную дисциплину для всех политологических специальностей. И не только политологических. **Фасцинология нужна всем.**

ФАСЦИНАЦИЯ КАК ПРИЕМ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ

Борис Ушаков

*профессор, зав. кафедрой социально-психологического менеджмента
Северо-Западного университета психологии и организации управления,
г. Санкт-Петербург*

Введение научной категории «фасцинация» и становление фасцинологии как специфической дисциплины (исследовательской, учебной и прикладной) представляется мне актуальной задачей как для теоретиков, так и для практиков управления персоналом.

Случилось исторически так, что понятие «фасцинация» как-то робко входило в социальную психологию и современное гуманитарное знание в целом, несмотря на универсальную представленность феноменов (и приемов) фасцинации в житейском обиходе и опыте профессионального управления персоналом, политике и т.д.

Но в последнее десятилетие идет интенсивное развитие различного рода управленческих практик, которое объективно заказывает активизацию интереса к разработке теоретико-методологических оснований фасцинации (и фасцинологии), на базе которых можно (и нужно!) развивать качественные и практически эффективные социально-психологические технологии фасцинации, без которых невозможно успешное управление персоналом, да и эффективный менеджмент XXI века в целом.

В этом контексте фасцинацию можно определить как специфический социально-психологический закон. Социально-психологические законы в их совокупности предстают как законы развития и функционирования явлений массовой психики, процессов, поведения, движущей силой которых выступают потребности и интересы как индивидуальных, так и массовидных социальных субъектов.

Известные издревле психические механизмы подражания, заражения, идентификации, сублимации, трансфера, социальной фасилитации, фасцинации и др. представляют собой, в сущности, специфические формы проявления социально-психологических законов в системе целостного человеческого поведения

в конкретной социально-культурной ситуации. Сущностное содержание социально-психологических законов реализуется не только на сознательном, рациональном уровне, но и на бессознательном, иррациональном. Примерами последнего служат религиозные и социально-культурные стереотипы, архетипы, мифы, нравы, обычаи, традиции, сказания, пословицы и поговорки и т.п. На обращении к глубинным истокам, родной «почве» многократно играли самые различные лидеры, пытаясь создать фасцинативно выигрышный имидж в глазах аудитории, персонала, населения.

Фасцинация здесь выступает как нечто сущностное и целостное в социуме, отраженное в лидере и закономерно и безошибочно привлекающее людей к нему. Потому что в этом феномене органично сливаются не только рациональная программа поведения людей, но и их таинственная и невыразимая душа, как глубинный, не до конца осознаваемый, скрытый, чувственно-сверхчувственный мотив самых важных, «судьбоносных» действий.

Многообразие и противоречивость человеческого поведения неисчерпаемы. Поэтому многие проблемы человеческой жизни, особенно драматические, понимались во многих странах (культурах) как следствие особых силовых полей (поле энергии Инь и Янь) и всевозможных таинственных духов.

Поэтому исторически первыми и во многом успешными лидерами и управленцами человеческим поведением были жрецы, шаманы, маги, колдуны и т.п. Недаром они и сегодня быстро нашли свою нишу на рынке человеческого общения. Несомненно, что им приходилось (и приходится) включать в свой арсенал и фасцинативные технологии, без которых их действия теряют всякую эффективность. У них есть чему поучиться и современным управленцам-профессионалам, лидерам, политикам и др.

Информационно-энергетические поля отражают основные социально-психологические закономерности человеческой деятельности: пассионарность и пассивность, энтузиазм и апатию, любовь и ненависть, уверенность и страх, социальное спокойствие и напряженность, привлекательность и отторжение. Часто то и другое вместе, иногда – с преобладанием одной из компонент. Эти поля и определяют, в

конечном счете, мотивацию социального поведения. А привлекательность и fascinoативность одних феноменов оппонирует отчужденности и индифферентности других. Поэтому fascinoативная составляющая – необходимый компонент эффективного управления человеческим поведением. А теоретико-методологическая обоснованность ее и технологическая обеспеченность – достаточные условия этой эффективности.

О «fascinoативном комфорте» в социологическом исследовании

Ольга Рыбакова

*кандидат философских наук,
доцент кафедры прикладной социологии
Уральского государственного
университета им. А. М. Горького,*

предпочитаемой периодики, не претендуя на объективность.

Новая информация может извлекаться и конструироваться в процессе неформального межличностного общения или быть результатом воздействия СМИ. В качестве иллюстрации можно привести постоянно появляющиеся слухи о коррумпированности того или иного государственного чиновника, которым часть населения верит как правдоподобным, потому что «так говорят все» или «так пишут в газетах». Такая информация составляет повседневный фон функционирования массового сознания и не требует научной верификации. В том и другом случае информация, приобретаемая людьми, комфортна для них, поскольку правдоподобна и достаточна для использования в повседневных коммуникациях.

Совершенно иначе выглядит процесс генерации и статус информации в том случае, когда исследователь (и Заказчик) стремится получить достоверные и надежные

Методология социальных исследований основана на способности людей приобретать и передавать другим информацию о мире повседневности. Человек судит о мире с помощью понятийных систем, которые он конструирует и, затем, принимает в качестве смысловых стандартов объяснений и ожиданий.¹

В повседневной практике люди получают информативные знания разными способами. Например, читая некоторое время одни и те же газеты, довольно точно отличают тематику деловых изданий от тематики «развлекательного чтения». В этом случае информация выстраивается на субъективном практическом опыте и служит ориентиром в выборе

доказательства, подтверждающие или опровергающие их теоретические модели каких-либо социальных закономерностей. Если, например, исследователь предполагает, что невысокий уровень доверия к институтам власти в переходном обществе неизбежен и объясняется тем, что патерналистское сознание уже разрушено, а демократическое политическое сознание еще недостаточно развито,² он должен подтвердить или опровергнуть наличие закономерной связи между составляющими разработанной им теоретической модели. Социологическое исследование не может быть реализовано вне социального контекста, частью которого является сам исследователь, конструирующий социологическое знание. Выбор смыслового контекста, обозначающего, именуемого изучаемый объект отнюдь не свободен. Исследователь — это конструктор, который стремится создать «работающую»

смыслов) и коммуникативной фасциативности (используемый языковой репертуар, речевой стиль, подтексты и т.д.) всех партнеров по диалогу.

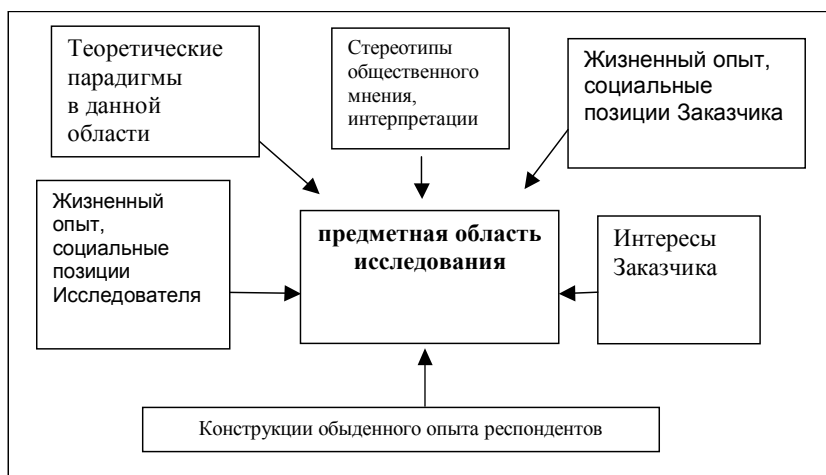
В эпоху массовой культуры и массовых коммуникаций социология является уникальным инструментом, позволяющим не только распознавать язык больших социальных общностей, но и использовать его в управлении массовым сознанием. Именно этим можно объяснить растущую популярность опросов общественного мнения, которые придают форму **«фасциативно-лигитимной научности»** обыденному сознанию, превращая разрозненный, фрагментарный опыт индивидов в **статистически и семантически значимые картины мнений**, позволяющие прогнозировать поведение большинства. И хотя их достоверность очень бывает сомнительной³, сконструированные таким способом **семантически-фасциативные**

модели объяснения служат

эффективным средством **м а н и п у л и р о в а н и я** общественным мнением, будь то позиционирование бренда, политика, фирмы или идеологии. Вне семантической фасциации такого рода «статистические картины» общественного мнения теряют способность выступать инструментом **с о ц и а л ь н о г о** манипулирования.

Привлекательность информации, полученной в ходе опросов общественного мнения, заключается в их

своеобразном «фасциативном комфорте»: достигнутой intersubъективной конвенции между теми, кто инициирует производство такой информации (Заказчик и Исследователь) и теми, кто является ее инвариантным источником (Респонденты).

модель, комфортную по смысловым нагрузкам для всех участников коммуникации, вписывающуюся в их языковой репертуар. П. Лазарсфельд очень точно сформулировал идею производства социального знания: «Социальная наука анализирует не просто факты, а язык, используемый для описания этих фактов». Моделирование предметной области исследования подвержено влиянию целого ряда факторов и представляет собой своеобразную логическую конвенцию различных исходных знаний.

Социальное же измерение — это не что иное как сконструированный исследователем способ общения, который выступает в качестве инструмента и может состояться только при условии взаимного понимания (тождества

Литература:

- ¹ Хьел Л., Зиглер Д. Теория личности, С-Пб: «Питер», 1997.
- ² См.: Левада Ю. Пирамида общественного мнения в электоральном зеркале // Мониторинг ВЦИОМ 1996, №1 (21), С. 17.
- ³ Шампань П., Ленуар Р., Мерлье Д., Пэнто Л. Начала практической социологии. М., Институт экспериментальной социологии, 1996, С. 172.

ФАСЦИНАЦИЯ КИЧ-КУЛЬТУРЫ И СУМЕРКИ ЭСТЕТОВ

Станислав Некрасов

доктор философских наук, профессор

Массовая культура постсовременности реализуется и отливается в форму кич-культуры, культуры подделки и отброса. Выставки «габитус кич» сегодня представляют повседневную реальность Запада и России — на выставках представлены коллекции кич-предметов как коллекций габитуса — окружения жизни человека. Казалось бы, очевидно, что среда первична, а ее продукты вторичны, сама культура является «второй натурой», то есть результатом деятельности человека. В постсовременности все наоборот: кич производит среду, что в принципе неверно и отражает отсутствие методологического мышления и общекультурной подготовки у искусствоведов, которые ставят телегу впереди лошади!

В современной России коллекции отбросов вызывают двойные чувства — с одной стороны, вызывает интерес коллекция этикеток и открыток массового производства как наглядный и материально-чувственный срез менталитета эпохи, с другой стороны, фетишизация коллекций стандарта и искусственная фиксация внимания общества на пустяках, на ерунде выполняет вполне определенную социальную задачу отвлечения внимания, дымовой завесы. Между тем еще 15-20 лет назад в учебниках и словарях, в известных книгах А.В. Кукаркина «кич-культура» однозначно проходила по разряду «буржуазной массовой культуры». Тогда предполагалось, что при социализме с его плановым и рациональным ведением хозяйства, с гармоничным устройством общественной жизни, просто не может быть такой ерунды, равно как и благосклонного внимания искусствоведов к ней. Разумеется, и тогда отдельные диссиденты-интеллектуалы собирали заморские пивные бутылки в мусорных баках международных отелей, отмывали их ночами в ваннах и гордились своими собраниями, но эти люди не проходили по разряду коллекционеров. В лучшем случае они были «придурками» для официальной культуры (вспомним сатирические фильмы о фарцовщиках), о тех же персонажах распевали на летних эстрадах куплетисты: «Однако есть еще семейки, что с удивлением глядят на заграничные наклейки, а сало русское едят!».

Кич вышел из культурного подполья в годы перестройки. Оказалось, что есть социалистический кич и

«соц-арт» это обстоятельство наглядно обнаружил в своем творчестве. Вся наша история стала пониматься как кич из анекдота «70 лет Советскому цирку», где подразумевался вовсе не цирк на Цветном бульваре, но все наше общественное устройство. Шутки и «хохмы» стали тотальными именно в перестройку, в период реформ они стали разрушительными действиями, а в период нового собрания России эти шутки вернулись в виде сублимации, вложения (в том числе финансового) интенций ненавистников своей Родины в коллекции объектов кича, который получил в новой ипостаси новое имя — кич (без буквы т). Этот кич, несомненно, сублимация зубоскалов былых времен, их новое культурное гетто. Выяснилось, что кич универсален и пронизывает различные и даже противоположные культурные системы, ибо выступает как продукт массового производства и переопределения нормы и патологии художественного вкуса.

Однако кичу нет места в будущем — постмодернистское любовно-эстетическое коллекционирование и нанизывание систем объектов в мозаику культуры имеет смысл только в постсовременности. Протекающие ныне «сумерки постсовременности», закат глобальной постсовременности отказывают постмодернистскому мировосприятию в праве на существование. Постсовременность и постмодернизм уже в прошлом! Поэтому стоит повеселиться, расставаясь с этим прошлым и его забавными, но страшно серьезными «искусствооведами в штатском» — сегодня они выступают обязательно в свитерах и без галстуков, ибо человечество всегда смеясь расставалось с прошлым. Как говорил обаятельный киногерой фильма «Тот самый Мюнхгаузен»: «улыбайтесь, господа, ибо серьезное выражение лица — еще не признак ума!».

С другой стороны, коллекционеры кича всерьез полагают, что их деятельность смертельно опасна для Власти, ибо в кичевых поделках можно разглядеть матрицы и коды культуры, поставленной Властью себе на службу, поскольку кич, по определению, это попытка очеловечить стандарт. Фрейдомарксисты обычно подчеркивают, что всякая экономика начинается с производства желаний (это они «прочли у Маркса», но на самом деле Маркс говорил о потребностях как продуктах социальной истории). Они же настаивают, что кич усиливает желанность вещи, в результате чего вещь облегчается, бьютифицируется (становится «лайт», подобно легким сигаретам) и очеловечивается, подобно выходной форме советского «демобиля». При тиражировании образца массовой культуры оригинал обедняется в пропорции равной тиражу, кич же изображает богатство копии. Кич выступает здесь как реакция людей на невроз цивилизации, задающей массовое производство, и единственной освободительной стратегией в борьбе (?) или в понимании (?) кича может стать его коллекционирование. Благодаря творческому поиску в помойке советских времен или нынешнему походу в ближайший ларек мы сможем «видеть и сохранить профиль

эпохи». Получается, что коллекционерам-освободителям не нравилась Советская власть потому, что она заставляла их тайно рыться в помойках в поисках оригинального кича, подобно тому, как нынешняя власть заставляет миллионы обездоленных «совков» открыто рыться в демократических помойках ради пропитания. Их гонит к бакам не любовь к эстетическим извращениям, но «невидимая рука рынка»!

Предметы из баков, извлеченные усилиями коллекционеров, следует помещать в «музейное пространство», которое преобразует их в коллекцию, но не рекламирует как кич. Ведь нельзя же всерьез полагать выставленные в музее писсуары и унитазы в качестве их практической рекламы – к действующим унитазам посетители вынуждены обращаться сразу после посещения таких очень оригинальных музеев. В старое время наряду с тарелками, маркированными «Общепит», по отношению к предметам кича употреблялся официальный термин – «Ширпотреб», а к работе коллекционеров применялся мягкий термин «Халтура». Забавно, но на фотографии из американского журнала, демонстрирующей Василия Аксенова, читающего лекции по русской литературе в американском же университете на доске четко читается в латинской графике резюмирующее изложение лектора слово «Haltura».

Искусствоведы-халтурщики сравнивают шедевры традиционной культуры, культуры русского Серебряного века с предметами из мусора. При этом они исходят из благого пожелания – быть как дети, для которых вещи еще не товар и не полезные предметы с потребительной стоимостью. С этой точки зрения можно согласиться с существованием кича в технике, в знаковом мире как продукта иных и внеэстетических закономерностей – социального заказа (на «круглый корабль», например), особенностей финансирования, стремления обмануть клиента (художник-портретист на уличном «пятак»), наконец, из стремления к красивой заграничной жизни, достижимой в обретении упорно красивых вещей из дорогих («жукто воздушных», т.е. очень дорогих) валютных магазинов. В условиях слишком большого выбора вещей и появления разнообразия вещей на первый план выходит проблема индивидуальности в потоке вещей – советская жизнь была значительно проще, ибо «железный занавес» не пропускал многостильные и некачественные предметы. Теперь не то – молодежь жалуется на проблемы выбора и властям Санкт-Петербурга уже кажется ужасно неприличным сочетание открытия выставки советского нижнего белья под названием «Ближе к телу» (реального белья – многократно заштопанных на «причинном месте» ношенных панталон с выставки Петлюры) с годовщиной Октябрьской революции.

В глобализованном мире оригинального все меньше и меньше, и Россия сегодня ищет свой собственный неповторимый облик. С момента реформ Петра 1 русский стиль одежды и поведения исчез, сохранившись лишь в деревне, а собственно новый русский стиль возник в начале XX в. и в нашу революцию. Еще Л.Н. Толстой удивлялся своей Наташе Ростовской, этой дворяночке, которая пела народные песни, но в баню не ходила, а мыла шею перед балом по-французски, т.е. под «малое декольте» и «большое декольте». Новый поиск красоты (журналы «Бьюти», «Мода и красота» против старых журналов «Работница» и «Крестьянка») говорит о поиске индивидами своего тела как некоей вещи выставленной на продажу в соответствии с социально-заданными критериями и эффектом внешней красоты как некоей упаковки на рынке, – всех этих элементов предметного мира, но не чувств и дружбы. Налицо новый крен в культуре – отчуждение своего тела от себя, а предметов от людей. Прежде дружба предпологала помощь в ремонте, в доставании дефицита, в сидении соседей с ребенком – из этой специфики национальной психологии и дефицитарной экономики выковывался «гомо советикус». Для новых людей пресловутого «поколения некст» и

«поколения пепси» обличительное название придумает следующее поколение. Н.С. Хрущев полагал, что «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме», советские люди дали свой последний бой в 1993 г. и их место заняло «поколение некст».

Обратной стороной массовой культуры выступает контркультура, всегда готовая перелиться в форму официальной массовой культуры. Контркультура не совпадает с культурой андеграунда, ни при каких условиях не выходящей из подполья. Опыт молодежной сексуальной и культурной революции 60-х годов позволяет не просто классифицировать уровни организации массовой культуры, но и поставить акценты социального приоритета и значимости постмодернистского культурного развития.

Так, в 70 г. стало ясно, что возникла новая эстетика прекрасного, новое формирование канона культуры в ходе которого модернистская культура прекратила свое развитие, иначе говоря, в 80 г. западная культура в ее мондиалистской форме содержательно перешла в форму постмодерна. В 1977 г. английский архитектор Ч. Дженкс выпустил книгу «Язык постсовременной архитектуры» в которой показал, что наступила пора переоценки ценностей, ибо постмодерн вообще отказывается от иерархии и оценок, вообще от какого-либо сравнения с прошлым. Если постмодернисты XIX века (Ф. Ницше, С. Кьеркегор и другие) были объявлены безумцами и рассматривались в лучшем случае наравне с «проклятыми поэтами» («поэты помойки» – «Цветы зла» Ш. Бодлера), то в XX в. постмодерн становится нормой, проявляясь как готовность жить без опоры на разум, традицию и культуру прошлого. Так, до конца XIX в. высокая классическая социальная мысль избегала размышлять на темы секса, безумия, тюрьмы, насилия и наказания. В XX в. под влиянием процессов эгалитаризации и либерализации в культуре возникают новые ранее запрещенные темы. Постмодерн как высоколиквидное мышление проявляет претензии к разуму и отрицает понятие «объективная истина», вводит процедуру деконструкции (разложение смысла и поиск новых смыслов), интерпретации (работы Г.Г. Гадамера, Ж. Деррида) организует новые правила интеллектуальной деятельности на основе негативного и агрессивного отношения к прошлому, традициям, классике. В итоге постмодерн смешал даты и времена, стер стили и имена, превратил язык в буквальное поклонение телу (бодиченризм), выдающееся и индустрию моды, профессиональный спорт и экстремальные испытания, рок-музыку и классику. Ночные эротические телепрограммы взяли на себя функции организаторов массовых оргий, воздействующих на животную чувственность человека.

Нашу страну в последние пятнадцать лет захлестнула волна постмодерна. Западное неоязычество как нож в масло вошло в атенстическую культуру СНГ – все в ней превратилось в игру и случай. Бизнес оказался диалогом, секс – общением, жизнь утратила смысл. Нигилизм постмодерна завершает богорборческий порыв западной цивилизации, начатый Возрождением, а психоанализ становится единой скрытой связующей нитью этой новой культуры. Возврат из постсовременности в несовременность возможен только при помощи традиционной народной культуры, а потому методики деконструкции должны быть заменены на методологию реконструкции. Все сказанное означает, что территориальные управления России по охране культурных ценностей должны обратить свои усилия на сохранение артефактов традиционной культуры. Шедеврам же постмодерна следует предоставить свободный выход за пределы страны. Территориальным управлениям не следует уподобляться министру культуры СССР Е.Фурцевой, прятаяшей модернистские шедевры в музейных запасниках с тем, чтобы не позорить страну за рубежом. Свободная циркуляция новоделов от постмодерна вообще представляет императив постсовременности.

Кнорозов Юрий Валентинович

(19.11.1922 - 30.03.1999)

Гений

Гипотеза о существовании в коммуникации процессов, не сводимых к информации, сопрягающихся с информацией для оптимизации передачи сообщений, но могущих существовать и существующих без информации, на мой взгляд гениальна. Высказав эту гипотезу, назвав эти процессы фасцинацией и определив — пусть в общих чертах — феномен фасцинации и круг связанных с ним проблем, Юрий Кнорозов предстает перед нами как основоположник теории фасцинации и фасцинологии как науки. Можно только сожалеть, что он не опубликовал свои идеи и мысли о фасцинации более подробно, чем это сделано в кратких изложениях его доклада и собеседования, которые воспроизводятся нами ниже.

В. Соковнин

Г. Ершова

Памяти Юрия Валентиновича Кнорозова

Это событие стало научной и культурной сенсацией не только в Советском Союзе, но и во всем мире. Ни разу не бывавший в Мексике советский исследователь сделал то, чего не удалось ведущим мировым ученым, годами проводившим полевые исследования! Не выходя из кабинета, он дешифровал древнее письмо индейцев майя. Как бы оправдываясь, Ю.В. Кнорозов впоследствии придумал оборонительную фразу: «Я — кабинетный ученый. Чтобы работать с текстами, нет необходимости лазать по пирамидам».

В действительности ему очень хотелось оказаться в Мексике. Но это было невозможно — он слишком долго был «невыездным».

В то утро 29 марта 1955 года он шел на защиту кандидатской и не знал, чем все закончится, допуская даже обвинение в ревизионизме марксизма и арест. Дело в том, что Ф. Энгельс утверждал, будто в доколумбовой Америке государства отсутствовали. Согласно той же догме, фонетическое письмо могло существовать только при возникновении классовых государственных образований. Заявление же о наличии у индейцев-майя фонетического письма автоматически опровергало сразу два положения «основоположника». Защита проходила в Москве и уже на следующий день превратилась в легенду. Выступление 33-летнего Юрия Кнорозова на ученом совете длилось ровно три с половиной минуты, а результатом стало присвоение звания не кандидата, а доктора исторических наук, чего в

гуманитарных науках практически не случается. С этого момента история дешифровки древних систем письма стала вписываться между двумя именами: Шампольона (знаменитый французский египтолог, разработавший основные принципы дешифровки древнеегипетского иероглифического письма) и Кнорозова. Его жизнь, полная тяжелых испытаний, парадоксов и даже мистификаций, полностью соответствует легенде о гениальной личности.

Бабушка по отцу Кнорозова — первая народная артистка Армении, выступавшая под артистическим псевдонимом Мари Забель. Дед был русским. Юрий Валентинович родился под Харьковом в семье русских интеллигентов, что подчеркивал особо. Здесь в 1941 г. оказалась в оккупации его мать, и этот факт после войны надолго закрыл для него двери аспирантуры и лишил возможности выезда за рубеж. Из школы его пытались исключить за «плохое поведение», неуспеваемость по некоторым предметам и, главное, за своевольный нрав. Неординарность Кнорозова раздражала многих уже тогда. Он великолепно играл на скрипке, прекрасно рисовал и писал романтические стихи. Позже, объясняя свой успех в дешифровке, он очень серьезно рассказывал: «Когда мне было не больше пяти лет, братья стукнули меня по лбу крокетным шаром... Зрение восстановили, хотя и с трудом. Видимо, это и была своего рода «колдовская травма». Могу дать рекомендацию: будущих дешифровщиков бить по башке, только неясно, как. Можно для эксперимента взять контрольную группу, - а если кто концы отдаст, тому

так и надо!» – радостно улыбнувшись, он представил, видимо, меня, проводящую подобные эксперименты над студентами.

В 1940 г. Юрий, уехав с Украины, поступил на истфак МГУ. Специализируясь на кафедре этнографии, он питал особый интерес к шаманским практикам. Деталь небезынтересная для понимания темперамента его как ученого.

Война черным цензорским карандашом прошла по плану молодого Кнорозова, приукрасив его биографию легендами – нелепыми, создавшими ему немало мучительных психологических проблем. Но легенды эти он почему-то поддерживал...

Он воевал в частях связи и (согласно записи в военном билете) встретил победу под Москвой телефонистом 158-го артиллерийского полка резерва ставки главнокомандующего. Известно, что Кнорозов не участвовал во взятии Берлина, но тем не менее, согласно возникшей позже официальной(!) версии, именно из Берлина в качестве военного трофея привез две исключительно важные книги, якобы спасенные им из пламени горящей библиотеки. В последние годы, когда советская идеологическая машина была разрушена, Юрий Валентинович пытался избавиться от «дурацкой и нелепой», как он сам говорил, легенды и по-новому представить те далекие события – книги лежали в ящиках подготовленной для эвакуации немецкой библиотеки и отсюда были взяты советскими офицерами. Однако многое продолжает оставаться неясным: во-первых, как, в конце концов, эти книги попали к Кнорозову? А во-вторых, зачем офицеру-связисту понадобились такие издания, как «Сообщение о делах в Юкатане» францисканского монаха XVI века Диего де Ланды и «Кодексы майя» в гватемальской публикации братьев Вильяорта? Индейцами-майя он тогда не занимался. Великий ученый умер, так и не раскрыв до конца эту постыдную для него тайну. Кому и почему он обещал молчать? А ведь без этих книг его сенсационной дешифровки не состоялось бы!

После войны Кнорозову попалась на глаза статья немецкого исследователя Пауля Шелльхаса под названием «Дешифровка письма майя – неразрешимая проблема». Эта публикация круто изменила его научные планы. «Как это неразрешимая проблема? То, что создано одним человеческим умом, не может не быть разгадано другим!» Бросившись в море майянистики, он столкнулся с резким ухудшением отношения к нему со стороны завкафедры профессора С.П. Толстова. Да так, что тот отказался даже дать Кнорозову формальную рекомендацию в аспирантуру. К счастью, здесь же, на кафедре этнографии, работал профессор Токарев, с удовольствием поддерживавший опального дипломника. Тем не менее, по словам Кнорозова, новый руководитель «абсолютно не верил в успех дешифровки письма майя, поскольку, следуя американцам, считал, что письмо не является фонетическим». Пользуясь своим влиянием и связями в научном мире, Токарев устроил ученика младшим научным сотрудником в Музей этнографии народов СССР, что рядом с Русским музеем в Ленинграде. Поселился Кнорозов в самом музее – в длинной, как пенал, комнате. От пола до потолка комната была забита книгами, по стенам висели прорисовки иероглифов майя. Из мебели – только письменный стол и солдатская койка. Рассказывают, что уже тогда под столом стояла батарея бутылок. Беда, которая преследовала ученого всю жизнь...

До него многие пытались дешифровать письмо майя. Первые попытки предпринимались еще в XIX в. Но древние иероглифы упрямо хранили свои тайны. Прежде всего Кнорозов определил, что именно считается лингвистической дешифровкой (*переход к точному фонетическому чтению иероглифов*) и чем она отличается от интерпретаций и разгадываний тайных шифров. Затем он перевел со староспанского на русский язык «Сообщение о делах в Юкатане». И сразу же понял, что алфавит из 29 знаков,

записанный в XVI в. францисканским монахом, является ключом к дешифровке фонетического письма майя. В результате тяжелого кропотливого труда в начале 50-х тексты майя были прочитаны. Первая публикация о результатах дешифровки вышла в 1952 г. За ней последовала диссертация и мировая слава...

Но судьба не готовила букетов роз, чтобы рассыпать их Кнорозову под ноги.

В 1956 г. на волне международного признания исследователя «выпустили» на Международный конгресс американистов в Копенгагене. С тех пор вплоть до 1990 г. он уже нигде не выезжал, даже не подозревая о приходивших на его имя многочисленных приглашения. При этом Юрий Валентинович горько шутил о «бесконечных комиссиях по вывозу его в Мексику, все члены которых там уже побывали». Зарубежные ученые некоторое время недоумевали по поводу отказа коллеги от контактов, но, быстро разобравшись в тонкостях советских нравов, сами потянулись в Ленинград, с особой гордостью Кнорозов рассказывал о том, как в разгар «холодной войны» американская школа признала предложенный им принцип дешифровки. Но он и не подозревал, какую бурю ненависти вызвал его успех у главы американской школы майянистики Эрика Томпсона! И «холодная война» тут была абсолютно ни при чем. Томпсон, узнав о результатах работы молодого советского ученого, сразу же понял, «за кем осталась победа», и мысль об этом оказалась для него невыносимой. В своем послании майянисту Майклу Ко, полном злого сарказма, он назвал американских коллег «ведьмами, летающими верхом на диких нотах по полному небу по приказу Юрия», и убеждал, что дешифровка Кнорозова несостоятельна. Заканчивал свое послание Томпсон следующими словами: «Хорошо, Майк, ты доживешь до 2000 года. Вложи это послание к Введению в «Иероглифическое письмо майя» и рассуди потом, был ли я прав...» Майкл Ко сохранил письмо и в первый день 2000 года, перечитав его, заявил: «Томпсон был не прав. Прав оказался Кнорозов, и теперь мы все, занимающиеся майя, являемся кнорозовистами».

В начале 60-х Кнорозову предложили участвовать в составлении первой компьютерной программы для машинной обработки текстов майя. Группа программистов из Новосибирска собралась странная. Забрав все материалы Кнорозов, они попытались создать некую, как это теперь бы назвали, базу данных по знакам рукописей. При этом постоянно намекали на свое сотрудничество с военными ведомствами и заявляли, что занимаются «теорией дешифровки». Через некоторое время «компьютерщики» объявили о том, что у них разработана теория машинной дешифровки, и издали в 4 томах под своим именем данные Кнорозова. Издание подписали на языке майя и преподнесли Хрущеву. С точки зрения специалистов, объявленная «машинная дешифровка» была полной глупостью и никакого впечатления на специалистов не произвела. Тем более что в 1963 г. вышла великолепная монография Кнорозова «Письменность индейцев-майя». Однако это нелепое недоразумение поставило для малосведущей публики под сомнение подлинные результаты дешифровки. Только после публикации в 1975 г. перевода рукописей майя пришло признание: Кнорозову присудили Государственную премию СССР.

Круг научных интересов Кнорозова был удивительно широк – от дешифровки древних систем письма, лингвистики и семантики до проблем заселения Америки, археоастрономии, шаманизма, эволюции мозга и теории коллектива. Он щедро раздавал научные идеи в надежде, что кто-нибудь завершит их разработку. «Я же не осьминог», – часто повторял он.

В стране майя великому дешифровщику удалось побывать лишь в 1990 году, когда он был приглашен президентом страны Винисио Сересо Аревало. Приглашение

совпало с размораживанием дипломатических отношений с Гватемалой. Кнорозову устроили посещение главных достопримечательностей страны, вручили Большую золотую медаль президента Гватемалы. Поднявшись в одиночку на пирамиду Тикаля, он долго молча стоял там... Не обошлось без обычных для него неожиданностей: террористы, устроив за нашей машиной демонстративную слежку, обещали взорвать делегацию. Юрий Валентинович был доволен.

Судьба подарила ему уже почти под конец жизни удивительную возможность пожить в тропической сельве у Карибского моря, рядом с любимыми им индейцами-майя. Ученики работали над подготовкой к печати его монографии, а Кнорозов наслаждался тропической природой, национальной мексиканской кухней, наблюдал по вечерам за невиданными звездами. Сидя рядом с президентом Мексики на концерте Паваротти в Чичен-Ице, он с улыбкой говорил, что великий певец значительно уступает юкатанскому хору, исполнявшему Кантату о Кукулькане. Его слова «У итальянца — техника, а у юкатанцев — душа» повторялись многими в Мексике...

Кнорозов всегда ощущал себя прежде всего гражданином своей страны — как бы она ни называлась. Грянувшая перестройка была воспринята им с воодушевлением, которое вскоре сменилось скепсисом. «Опять митингуют», — ехидно

комментировал он общественные дискуссии в институте, а Ельцина иначе как «котом Базилио» не называл. К сожалению, скепсис Юрия Валентиновича оправдался: последние годы его никто не «держал за руки», но до исследований ученого новым властям не было никакого дела.

Гения не стало 30 марта 1999 г. Кнорозов умер в одиночестве в коридоре одной из городских больниц, где после инсульта у него развилась пневмония. Дирекция Кунсткамеры решила не предоставлять зал музея для прощания с ним, и множество людей собралось в тесном больничном морге, где рядом было выставлено еще несколько гробов. Кнорозов очень любил Невскую лавру, но похоронили его на новом кладбище вдали от города. Петербург стал криминальной столицей России, и даже память о гениях мирового уровня здесь, похоже, больше никому не нужна...

P.S. Научное наследие Ю.В. Кнорозова бережно хранят в Москве. В Столичном Российском государственном гуманитарном университете при помощи мексиканского посольства еще при жизни великого ученого был создан Центр мезоамериканских исследований, который теперь носит его имя.

(«Алфавит» N 39, 2000)

Ю. Кнорозов

Об изучении фасцинации

Осенью 1961 г., а именно с 23 по 27 сентября, в городе Горьком, под эгидой Горьковского государственного университета им. Лобачевского и Горьковского Дома учёных происходило организованное Историко-филологическим факультетом названного университета и Группой прикладной лингвистики и машинного перевода Горьковского физико-технического института «Научное совещание, посвящённое применению математических методов в изучении языка художественных произведений». Пятое заседание открылось докладом Ю. В. Кнорозова (Ленинград) на тему «Об изучении фасцинации».

Под фасцинацией докладчик понимает такое действие сигнала, при котором ранее принятая информация полностью или частично стирается. В частности, таким фасцинирующим воздействием обладает ритм. Как известно, мозг вырабатывает антирезонансную защиту, поэтому интересно проследить, по каким линиям идет преодоление этой антирезонансной защиты. Докладчик обсудил следующие возможности: а) действуют три ряда раздражителей, например равномерное повторение ударных и безударных слогов, повторение рифм, повторение

строфических форм; б) поэт сознательно отходит от заданной метрической схемы; в) применяются замедления и ускорения. Далее докладчик обращается к историческому развитию фасцинации, намечая следующие этапы: 1) раздельная подача фасцинирующих и информирующих сигналов; 2) повторение фасцинации в каждом сигнале; 3) единицы фасцинирующего ряда не совпадают с единицами сигнального ряда. Эту мысль докладчик иллюстрировал на примере развития инструментальной музыки, пения и поэзии из первобытного синкретизма. В конце доклада Ю. В. Кнорозов остановился на том, что он называет «семантической фасцинацией». Он считает, что неясность, многозначность описания действует как сильнейшее фасцинирующее средство. Искусство собственно и начинается с семантической фасцинации, с того момента, когда человек сделал великое открытие возможности выдумки. В качестве средства семантической фасцинации выступают выдуманные события и мнимые личности.

(краткое изложение доклада - Вопросы языкознания. 1962, № 1, с. 163)

Собеседование по теории сигнализации с Юрием Валентиновичем Кнорозовым

28 и 31 января 1961 г. на расширенном заседании сектора структурной типологии славянских языков Института славяноведения АН СССР состоялось собеседование по общей теории сигнализации, предложенной Ю. В. Кнорозовым на Конференции по обработке информации, машинному переводу и автоматическому чтению текста. В ходе беседы Ю. В. Кнорозов уточнил, развил и дополнил ряд положений своего доклада. В беседе приняли активное участие представители ИТМ и ВТ АН СССР — Вяч. Вс. Иванов, КГУ им. Шевченко — Л. А. Калужнин, Института языкознания АН СССР — А. А. Реформатский и др.

Ниже приводится краткое изложение беседы с Ю. В. Кнорозовым.

Сигналом считается только такое воздействие, физическая природа которого никак не связана с реакцией на это воздействие. Разрыв этой связи намечается еще в неживой природе, в явлениях катализа, но там он не доходит до полного. В связи с этим Ю. В. Кнорозов предлагает считать обмен информацией через сигналы возможным только в живой природе. Сигнализация в живой природе появляется весьма рано, до разделения на растения и животных (сигнализация в дуальной системе, связанной с размножением).

Сигнализация зависит от той системы, которую она обслуживает. Эта зависимость может быть положена в основу классификации систем сигнализаций.

Все системы в живой природе делятся на два типа: 1) организм и 2) объединение. Уже на уровне клетки возникают дифференцированные системы, а затем и интегрированные (развиваются многоклеточные).

Все дифференцированные системы можно разделить на три разновидности:

1. Дуальная система, когда все множество делится на два подмножества, которые находятся между собой в определенных отношениях. Всякая клетка подмножества одного пола, попадающая в сферу воздействия клетки из другого подмножества (т. е. разноименного пола), начинает стремиться к источнику воздействия. Здесь сигнализация получает по наследству механизм воздействия, выработанный в неживой природе.

2. Экологическое сообщество. Здесь возможно объединение в рамках одной системы особей разных видов, определяемое экологическими условиями.

3. Объединение особей одного вида в целях добывания пищи, обороны и т. п.

Дуальная система сохраняется во всех других типах.

Сигнализация в экологическом сообществе и объединении развита довольно широко.

Зависимость типа сигнализации от обслуживаемой системы особенно хорошо видна на примере особенностей сигнализации в рамках объединения. У хордовых можно здесь выделить три типа:

а) одиночные связи (тигр с тигрицей на время воспитания детеныша); здесь сигнализация самая бедная;

б) «гарем» (тетерева, куры и т. п.); происходит специализация сигналов (одни сигналы свойственны только самцам, другие — самкам);

в) смешанное объединение (легло в основу и человеческого общества); сигнализация не приобретает такого рода специализации (самец и самка выступают на паритетных началах).

Сигналы передают множество сходных по отношению к данной системе ситуаций. У животных сигнал конкретен, он может быть подан исключительно в данной ситуации: петух не может рассказать курице о тревоге, которая была вчера. Эти сигналы не образуют системы, они не связаны друг с другом (ср. мурлыканье и мяуканье кошки). Но они занимают строго определенное место в системе «сигнал—действие (акция)». Однако у животных уже намечается процесс превращения этих сигналов, разрозненных, в систему с некоторой степенью организации.

Сигналы 1) начинают дробиться, видоизменяться для обозначения подобных ситуаций и 2) объединяются, появляются соединения сигналов. Так, у кур сигнал тревоги расщепляется на четыре сигнала, обозначающая опасность отдаленную и близкую, коршуна и человека.

Сигнал призыва, при удваивании, приобретает смысл категорического приказа. У кур имеется до 10 элементарных сигналов, из которых образуется около 20 сигналов. Система крайне экономная.

У человека сигнальный ряд, выражающий акции, отрывается от конкретной ситуации. Сообщение может быть подано независимо от того, когда происходило событие. Поэтому у человека появляется система сигналов, которая приобретает относительную независимость от конкретных ситуаций. Возникает так называемая неотличимость фраз, так как появляется возможность комбинировать сигналы по правилам системы сигнализации, а не по конкретным ситуациям. Можно сказать не только «Волк съел зайца», но и «Заяц съел волка». С помощью языка можно описать ситуации, которые действительно существуют, ситуации, которые возможны, и ситуации, которых не может быть в принципе. Превращение языка в относительно независимую систему создает колоссальные возможности для его использования.

Вторым основанием классификации систем классификации является сама система, число элементов, входящих в функциональные связи между ними, степень сложности и организованности системы. При этом наиболее совершенными системами являются системы со средним числом элементов и некоторой долей беспорядка в системе, дающей ей возможности развиваться.

Третье основание деления систем классификации идет по линии скорости развития системы сигнализации и направлению этого развития. Доходя до определенного состояния, система вдруг резко меняет направление и скорость своего развития. Само развитие системы сигнализации зависит от изменении обслуживаемой системы.

Классификация сигнализации может быть дана по референту, т. е. по тому, что именно передается сигналом. Здесь возможна широкая градация от раздражителя, где референт и раздражитель сливаются воедино, до разрыва между референтом и сигналом, как в языке, когда имеются случаи с фиктивным референтом.

Системы сигнализации можно классифицировать по несущей волне, по модуляции сигнала. Например, оптический сигнал может быть передан на волне в пределах как видимого спектра, так и его невидимой части.

С прагматической точки зрения системы сигналов разделяются так:

1) От кого кому передается сообщение. Здесь возможны различные комбинации подающего и адресата; они могут быть разделены в пространстве и времени, а их роли подающего и принимающего могут оставаться неизменными или взаимно меняться. 2) Понятен ли сигнал для принимающего, нужна ли дешифровка. 3) Зачем передается сигнал, цель сообщения.

В связи с этим Вяч. Вс. Иванов сказал, что язык необходимо изучать и как средство управления. Ю. В. Кнорозов ответил, что здесь программируется поведение личности. Человек производит какой-то ряд действий с конечной целью — это будет операция. Возможность выбора одной операции из соответствующей группы операций Ю. В. Кнорозов называет ипостасью. Ипостась определяется отношением данного человека к другим членам коллектива. Личность — это комбинация ипостасей, она определяется набором отношений данного

человека к его коллективу. Минимальное число ипостасей для современного человека — четыре. Каждая ипостась задает соответствующую программу поведения. Между этими программами возникают отношения иерархии. Для воспитания личности используются, с одной стороны, эталоны, т. е. личности, которым следует подражать, а с другой стороны, инструкторы, которые только объясняют, что и как надо делать.

Чтобы добиться выполнения инструкции или команды, надо преодолеть препятствия двух родов: 1) помехи в канале связи и 2) помехи в анализаторе самого принимающего (например, он настроен на другую программу). Поэтому к вводимой новой информации надо добавить шум в анализаторе, который помешал бы выполнять другие команды и создал бы тем самым благоприятные условия для восприятия именно данной информации. Этот шум в мозгу Ю. В. Кнорозов предложил назвать *фасцинацией*. Обычно фасцинация комбинируется с информацией на одной несущей волне.

Последовательно они применяются крайне редко (в гипнотических сеансах). Фасцинация обычно использует очень сложные ритмы, чтобы не возникло привыкания в анализаторе. Последний способ классификации, предложенной Ю. В. Кнорозовым, основан на соотношении информации и фасцинации. В акустических системах сигнализаций выделяются следующие типы.

1. Монотонная дикторская речь (максимальная информация, минимальная фасцинация).

2. Умышленно интонированная речь.

3. Декламация — приблизительное равновесие информации и фасцинации.

4. Пение — преобладание фасцинации.

5. Инструментальная музыка — информации нет, только фасцинация.

Для оптических систем: 1. Книжный шрифт. 2. Почерк. 3. Реклама. 4. Станковая живопись. 5. Орнамент.

М. И. Булакова

(См.: Структурно-типологические исследования (сб. статей. Отв. редактор Т. Н. Молошина). Изд-во АН СССР. М., 1962)

А. Войскунский

Я говорю, мы говорим...

(выдержки из книги Александр Войскунский. Я говорю, мы говорим... М., 1990)

... Плюс фильтр

Возникший в середине века (XX века — ред.) интерес к проблемам передачи, оценки и переработки информации принес новый взгляд на этот вопрос. Когда мы научились измерять информацию, стало ясно, что мера отправленной информации мало что говорит о возможном поведении приемного устройства. Так, часть информации теряется при передаче — это вытекает из второго закона термодинамики. Однако нигде здесь речь не будет идти о потерях, вызванных передачей по каналам связи. Даже аккуратно доставленная адресату информация способна разбиться о «Режьте, братцы, режьте...»

Советский социолог и психолог Т. М. Дридзе показала, как определять информативность текста; т. е. то, количество информации, которое «превратилось в качество» — стало достоянием получателя. Именно эта информация, «проникнувшая» сквозь избирательное восприятие человека и способная воздействовать на его ответную реакцию, была названа Норбертом Винером семантически значимой. «С кибернетической точки зрения, — писал основоположник кибернетики, — семантически значимая информация — это информация, проходящая через линию передачи плюс фильтр...»

Не слишком ли это смело — вводить гипотетические мозговые фильтры? Сам Н. Винер понимал их весьма широко — он привел пример с эстетическим фильтром, затрудняющим понимание музыкальных произведений. И эта точка зрения не чужда современным психологическим теориям. Например, английский психолог Д. Бродбент говорит о последовательной фильтрации поступающей в нервную систему человека сенсорной информации. Эта гипотеза весьма интенсивно проверяется и нашла уже ряд экспериментальных подтверждений. Представление о фильтре, выборочно пропускающем семантически значимую информацию, вполне правомерно.

Почему бы тогда не воспользоваться радиотехнической аналогией и не попробовать вывести из строя фильтр потенциального слушателя? Или постараться расширить его «полосу пропускания», с тем чтобы ваши слова заведомо не отфильтровывались? Или, наоборот, заняться ловкой

подстройкой к суженной «полосе»? Например, в сеансе гипноза отсекаются все сигналы, кроме семантически значимых приказаний гипнотизера. Но может быть, имеются более легальные, нежели гипноз, средства добиться внимания адресата? Этот вопрос был в теоретическом плане поставлен ленинградским ученым Ю. В. Кнорозовым.

Пожалуй, может показаться, что он выступил «не по своему ведомству»: Юрий Валентинович всемирно известен исследованиями по дешифровке древних письменностей. За эту работу ему присуждена Государственная премия СССР. Но впечатление о «нарушении границ» ложное. Ведь неясно, по какому «научному департаменту» проходит взятие коммуникативных барьеров. Вот и получается, что здесь будет по большей части упоминаться не узкие специалисты, а те, кто деятельно занят ломкой научных границ и освоением смежных территорий.

Амулет от невнимания

Кнорозов подчеркивает, что он лишь позаимствовал прочно, казалось бы, забытые идеи французских психиатров прошлого века, создателей оригинальной гипнотической школы. Эти идеи неожиданно оказались очень кстати. Развивая их, Кнорозов исходил из того, что при передаче сообщения возможны помехи не только в канале связи, но и сам адресат может оказаться неподготовленным к приему и пониманию поступившего сообщения. Нам уже знаком этот барьер. Нейтрализовать помехи... в мозгу приемника информации призваны сигналы, названные фасциативными.

«Фасцинация» — это слово имеется во многих языках и означает волшебство, обаяние, чары. Фасциной называли в Древнем Риме амулет, защищающий людей, стада или посевы от сглаза. Происхождение слова «фасцин» не вполне ясно. Возможно, оно имеет нечто общее с греческим «басканос» — ворожба, колдовство (древние греки не меньше римлян боялись дурного глаза). С другой стороны, фасцин по звучанию очень близок современным терминам, означающим соединение, связывание, прокладывание пути: гидротехническому (фашина) и анатомическому (фасция). А они, в свою очередь, в родстве со словом «фасцин». Это пучки прутьев с топориком (секирой) посередине — в Древнем Риме во время торжественных

процессий их несли ликторы (почетная стража) перед консулами, полководцами, императорами. «Не повезло» в наше время этому слову: фации стали эмблемой партии Муссолини; от этого же слова произошло название фашистского движения.

Так как же «очаровать», заморозить коммуникативного партнера (или по другой версии возвести соединительную тропу) и превратить его в слушателя? Как взять барьер невнимания? Тут-то и должна помочь фасцинация. По меткому выражению Ю. А. Шрейдера, «фасцинация — это как бы «позывные», которые несет сообщение и которые заставляют адресата настроиться на прием». Но помимо рекламы или гипноза, нам почти не встретятся сигналы, отделенные от «основной» информации по типу позывных. Как правило, фасцинация объединяется с сообщением и воздействует на приемник параллельно с той порцией информации, которой предназначена роль семантически значимой. Наверное, поэтому фасцинация до сих пор остается практически неуловимой. Она не была выделена даже в такой древней науке, как риторика.

Вступление в контакт

Как прорваться сквозь фильтры партнера? Можно, к примеру, заговорить громко, закричать или завизжать — в большинстве случаев внимание вам будет обеспечено. Опытный оратор, правда, поступит иначе — уменьшит громкость голоса и еще скорее добьется того же. Привлекает слушателей ритмическая речь — стихи, пение. На ритме, как на верном фасциативном приеме, настаивает Кнорозов.

Можно вслед за некоторыми учеными расширить принятое им понимание фасциативности. Разумеется, содержательная сторона ваших слов тоже «забывает» фильтры. Так, если высказаться «к месту» да еще произнести то, что другие жаждут услышать, но почему-либо не решаются сказать сами, можно превратиться в героя дня. Скорее всего обратят внимание и на того, кто выступает, наоборот, с парадоксом (если это не пустое оригинальничанье).

Можно апеллировать к интересам слушателя (если они известны), а когда вы имеете дело с незнакомцем, всегда есть набор тем, считающихся заведомо интересными (модными, престижными). В разное время и в разных странах этот набор претерпевает, конечно, очень большие изменения.

Перечисление фасциативных приемов — дело безнадежное. Фасциативность не закреплена намертво за какими-то темами разговоров или способами поведения. Удалось или нет воздействие на фильтры — об этом можно судить лишь по реакции партнера. А способов привлечения его немало. Причем эти способы не пылятся в каталогах, а трудятся «в поте лица»: они постоянно в ходу, в обращении.

Недавно были проведены психологические эксперименты, результаты которых не выглядят удивительными, и это очень хорошо. Во-первых, нет «суперфасциативного» приема, который бы обеспечил внимание слушателя всегда и повсюду. Во-вторых, обычные носители языка пользуются широким набором средств «очарования» партнера.

Правда, эти потенциально фасциативные приемы не всегда достигают цели (еще И. Ильф иронизировал: «Книга высшей математики начинается словами: «Мы знаем...») — коммуникативная реальность нередко печальна.

Но в-третьих, если люди специально заботятся о привлечении слушателя, не жалеют усилий — это начинает получаться у них все лучше: потенциальные партнеры чаще обращают на них внимание, отдают им предпочтение. Этот результат способен вселить надежду в тех, кто испытывает затруднения в общении. Нелегко дать им толковый совет. Все же если коротко: человека, имеющего что сказать, внимательного к другим людям и активно прогнозирующего то, что им интересно и нужно, будут слушать. Обязательно будут, если только партнер не «болен» песенкой типа «Режьте, братцы, режьте». Ну а коли он все же невнимателен, попробуйте применить еще один фасциативный прием (вы ими владеете!) или же взвесьте: а есть ли у вас что сказать партнеру? Если нет, не обессудьте, контакт не получится.

Слово «контакт» употреблено здесь не случайно. Ведь в конечном счете фасцинация служит установлению коммуникативного контакта. Настало время поговорить о нем.

Контакт — это нечто о двух или даже нескольких головах: чтобы выполнить коммуникативную роль, он должен быть

двусторонним. Я избираю вас в качестве собеседника, но этого недостаточно: чтобы общение состоялось, вы также должны сделать меня своим партнером. Односторонний контакт не несет коммуникативной функции, хотя нельзя сказать, что он полностью лишен смысла (я могу, к примеру, писать безответные письма знаменитости и тем тешить свое самолюбие).

Говоря о партнере, не надо забывать и множественного партнера — группу или аудиторию. Ведь ораторской речью, лекцией, выступлением по радио или телевидению сейчас никого не удивишь. Еще в античные времена была признана важность вступлений к речи — их употребляли, чтобы установить контакт со слушателями. Некоторые практичные ораторы даже заранее составляли вступления, чтобы при случае использовать их. Говорят, Демосфен погиб, так и не применив более 50 заготовленных впрок вступлений...

«В рождественскую ночь 1642 года в Англии в семье, фермера средней руки была большая сумятица. Родился мальчик такой маленький, что его можно было выкупать в пивной кружке». Так советовал начать лекцию о законе всемирного тяготения знаменитый русский судебный оратор А. Ф. Кони. Далее можно назвать имя мальчика — Исаак Ньютон — и приступить к теме лекции. А «роль этой «пивной кружки», — пишет А. Ф. Кони, — только привлечение внимания».

Правда, аудиторию, завоеванную с помощью занимательного анекдота, ничего не стоит потерять. И все же, как бы вы ни были уверены в значительности материала своего выступления, не следует пренебрегать «зацепляющими внимание крючками». Значение вступления и просто начальной фразы — не выдумка софистов (основным занятием которых, надо заметить, было не сочинение софизмов, а обучение философии и ораторскому мастерству). Поэтому, если перефразировать поговорку: по вступлению принимают, по выступлению провозжают.

Еще!.. Еще!

<...> Итак, будем понимать и коммуникацию и сообщение широко. Теперь вернемся к фасцинации. Пожалуй, главный вопрос; как узнать, содержит ли сообщение фасцинацию? Кнорозов предлагает неплохой критерий: это желание и готовность адресата получить сообщение повторно. Фасцинация как бы «забывает» порог невнимания глубоко в паркет, по которому к нам скользят и скользят, не встречая препятствий, полюбившаяся книга, знакомая с детства литография, хрипловатая заезженная пластинка...

Кстати, в музыке, по мнению Кнорозова, фасцинация максимальна. Может быть, именно фасцинация заставляет нас забывать, что иные популярные песенки бессодержательны, а либретто классических опер банальны. Зато какой успех! Стоит вспомнить музыкальные вечера в Тараскове, на которых каждый (за исключением великого Тартарена) в течение десятилетия распевает один и тот же «свой» романс...

Мы уже договорились, что восприятие музыки — это общение. Сразу же бросается в глаза, сколь различны судьбы музыкального сочинения и, скажем, газетной статьи: в отличие от второй первое сплошь да рядом прослушивается многократно, бывает, всю жизнь.

Но разве это специфично только для музыки? Нет, с ней могут посоперничать и чисто словесные тексты. Например, фольклорные. Ведь собравшие послушать сказителя заведомо знакомы с содержанием рассказа. Так было в младенческие годы человечества, так обстоит дело и в наше время в тех обществах, где фольклорная традиция сохраняет силу. По свидетельству современного индийского писателя, «...90 процентов всех мифов знают, ценят и понимают все жители Индии независимо от того, умеют они читать и писать или нет (вопрос этот даже не возникает)».

Ну а люди, чрезвычайно далекие от мифов, искусственные потребители изящной словесности — они-то, наверное, не имеют подобных привычек? Это не так. Записные книжечки в чем-то сродни малограмотным ценителям фольклора: у них есть любимые стихи, любимая (зачитанная до дыр) книга. И десятки, сотни воспроизведенных не лишают книгу первоначальной прелести. Сейчас, конечно, нелегко знать не только 90, но и 10 процентов художественных произведений. Но было время, когда литература сама шла навстречу читателю, искавшему в новом повторении старого, в неизвестном знакомое. <...>

В. М. Соковнин. Стереотипы в восприятии внешнего облика человека и герои театра и кино

(В сб. «Проблемы использования экспертных методов в социологическом изучении театральной жизни» — Тезисы докладов и сообщений на научно-практической конференции. Л., 1977)

1. Можно предположить, что в социуме с достаточно сложившейся духовной культурой в сознании его членов существуют более или менее адекватные модели—матрицы человеческой внешности, соответствующие тем или иным интеллектуальным и нравственно—психологическим свойствам личности.

Детерминированы эти модели—матрицы несколькими факторами. Особое место среди последних занимают физиогномические сентенции, широко популяризированные в XIX — начале XX столетий. Не последнюю роль в формировании моделей—матриц восприятия внешнего облика человека играет искусство. Так, стереотипы, воспитанные образами романтического искусства XVIII—XIX веков, сказываются при оценке внешности человека в связи с его внутренним миром до сих пор.

Обратным эффектом подобного рода стереотипности и является тенденция такого выбора художником внешнего облика героя произведения, который бы «потекал» устоявшимся социально—психологическим матрицам. Достаточно вспомнить, что такой взыскательный художник как С. Эйзенштейн при работе над ролями сознательно опирался на так называемый «эффект восприятия», под которым подразумевал сложившийся в социуме стереотип оценки внутренних качеств личности по внешним физическим данным. Не случайно образ Ивана Грозного был им предельно приближен к тем чертам, которыми наделили царя предшествующие художники, и воображение народа и которые призваны были оттенить семантику слова «грозный». Любопытно в этой связи вспомнить, что реконструированный антропологом Герасимовым облик Ивана Грозного оказался существенно непохожим на сформированный искусством и историей стереотип его внешности.

2. Исследование, проведенное нами, показало, что предположение о существовании моделей—матриц внешнего облика не лишено оснований. Мы исследовали феномен оценки лица при визуальном восприятии как «умного лица» или как «глупого, неумного лица». Отвечая на вопросы, предъявленные в разных карточках (три группы карточек и три группы испытуемых), «как Вы описали бы умное (неумное) лицо?», «как бы Вы описали умные (неумные) глаза», испытуемые проявили достаточно отчетливую стереотипность, позволяющую говорить о существовании социально—психологических моделей—матриц восприятия лица. Из 135 опрошенных, описавших их личное представление об умном лице и умных глазах, такие определения как «спокойное», «сосредоточенное, размышляющее», «художавое» лицо, «чистый, открытый, большой» лоб, «выразительные, с искринкой, любознательные, внимательные, проницательные» глаза, преобладают. Во всяком случае на основании этих ответов вполне возможно составить «групповой портрет» умного и глупого лица современника (разумеется, с позиции **восприятия**).

Анализ ответов показал также, что роль искусства в оценке лица как умного или как неумного, точнее — роль образов живописи, театра и кино в складывании моделей—матриц восприятия лица, достаточно велика. Из 135 так или иначе опирались на образы искусства в ответах 15% опрошенных. Эта особенность согласуется с данными эксперимента А.А. Бодалева, который предлагал испытуемым описать внешность предъявляемых им людей. При создании «словесного портрета» по первому впечатлению испытуемые привлекали для осмысливания внешности образы литературы и искусства в 25% описаний (См.: А. А. Бодалев. *Восприятие*

человека человеком. ЛГУ, 1965, стр. 76—77).

3. Искусство как детерминанта психологии восприятия еще подлежит исследованию. Одним из аспектов такого изучения искусства может стать рассмотрение героев искусства как **фантомов общения**. Герои искусства включены не только в духовную культуру нации или человечества в целом, они наряду с этим выполняют роль посредников общения, и в этом качестве порой наделяются свойствами реального бытия в большей мере, чем плотски—реальные люди. Достаточно вспомнить феномены письменных обращений к героям литературы и кино (письма Шерлоку Холмсу), советов с ними (роль героев искусства в интракоммуникации очень велика), и, наконец, постоянного оперирования их «личными» качествами при оценках поведения людей или аргументации в спорах. Именно в связи с переводом героев из плана их ирреального существования в план реального общения внешний облик героев—фантомов становится своеобразной меркой, а порой и эталоном при восприятии внешнего облика реальных людей. В этой своей ипостаси герои искусства оказывают влияние на формирование моделей—матриц внешности в их корреляции с внутренними свойствами личности. Влияние это — двоякого рода. С одной стороны искусство консервирует модели—матрицы (пример наиболее яркий: представления о волевой личности по квадратному, упрямому подбородку), с другой — разрушает сложившиеся примитивные или неадекватные модели—матрицы. Последнее происходит тогда, когда художник в состоянии не учитывать «эффекта восприятия», о котором говорил С. Эйзенштейн. Интересен в этом смысле опыт Л. Толстого при создании образов «Войны и мира» (П. Безухов, князь А. Болконский и др.).

4. «Эффект восприятия» способен сковывать творческую инициативу актеров и режиссеров (последних, пожалуй, в большей мере). Многие из них до сих пор придерживаются мнения о жесткости системы актерских амблуд, которые сложились как раз в значительной мере под влиянием физиогномических «рекомендаций» и «эффекта восприятия» (герой «злой», герой—«любовник» и проч.). Расшатывание этой психологической ситуации происходит на наших глазах, когда многие актеры уже доказали условность «амблуд» своими нестереотипными для классических персонажей внешностями. Тем не менее процесс этот сложен. Когда в ходе исследования мы задавали испытуемым вопрос о том, как по их представлению выглядит Гамлет, подавляющее большинство описывало Гамлета характеристиками: высокий или выше среднего роста, худощавый, с бледным аскетическим лицом, с умными печальными глазами и т. п. Совершенно понятно, почему на вопрос: «Подходит ли своими внешними данными для роли Гамлета популярный артист кино Леонов?» (Е. Леонов в одном из интервью высказал мечту сыграть Гамлета), они отрицательно улыбались и отвергали такую возможность. Вместе с тем у Шекспира Гамлет «тучен и одышлив»; то представление о внешности Гамлета, которым оперировали испытуемые, сформировано театром романтизма, а он здесь отошел от подлинника в угоду именно внешней впечатлительности.

Обыденные и очень распространенные стереотипы восприятия внешнего облика, особенно лица, довольно консервативны, негибки у многих людей, неадекватны. Задача искусства заключается в том, чтобы изменить их, помочь сформировать более гибкую и точную систему моделей—матриц восприятия человеческой внешности, а для этого работники театра и кино должны принимать во внимание несовершенство «эффекта восприятия» при подборе актеров на роли.

Практические проблемы

Владимир Соковнин

Фасцинация в профилактике здоровья

«Кровь с молоком!» Эта метафора восхищения перед здоровьем человека как нельзя лучше выражает фасцинацию облика человека, пышущего здоровьем, источающего флюиды здоровья. Признаки здоровья безусловно относятся к фасциативным сигналам-признакам и у животных, и у человека: выбирают здоровых. Дженс Краус из Лидского университета поймал обвешенного зимородка над группой рыб фундулов (*Fundulus diaphanus*). Эти рыбы собираются в группы при появлении опасности, так как именно группа может отразить атаку хищных птиц. Но рыбы, зараженные паразитическим червем *Crassiphiala bulboglossa*, ведут себя так, как будто ничего не произошло. Они перестают быть бдительными. Поэтому здоровые особи предпочитают держаться вместе со здоровыми, и не потому, что стремятся избежать паразита — он не передается от рыбы к рыбе. Дело в том, что инфицированная рыба ведет себя «хуже», чем здоровая, она — ненадежный наблюдатель. От них не дождешься раннего предупреждения. Так инфицированная рыбка оказывается на периферии стаи и становится жертвой зимородка. У многих биологических видов больные особи в буквальном смысле слова изгоняются из стада и обречены на скорую гибель. А у некоторых видов больных особей просто-напросто уничтожают его же собратья. Так высоко ценит естественный отбор телесное здоровье!

Здоровье вызывает радость и удовольствие. Напротив, признаки нездоровья — антифасциативны, вызывают опаску, стремление сторониться, жалость: «Что-то ты какой-то бледный сегодня. Уж не заболел ли?», — любопытствуют окружающие, уловив во внешнем облике человека признаки нездоровья. А кое-кто и сторонится. На всякий случай. Семантика здоровья-нездоровья написана на лице, в глазах, в состоянии кожи, в походке и пластике движений. «Кровь с молоком» чарует и...вызывает зависть: все хотят быть здоровыми и красивыми.

Летом 2001 года мне пришлось участвовать в обсуждении проекта программы «Здоровье молодого поколения Екатеринбурга». Программа обещала быть новаторской: приоритетом в ней стало все, что ведет к здоровью, а не акцент на лечении болезней. Выступая с обоснованием такого подхода, я применил термин «профилактика здоровья», противопоставив его традиционному для медицины последних десятилетий термину «профилактика заболеваний и патологий». Кстати сказать, этот подход давно пропагандировал академик Амосов, предупреждая «Бойтесь врачей!», так что особой новизны в нем не было. И тем не менее чиновница из управления здравоохранения, сидевшая напротив, изящно погрозила мне пальчиком и произнесла поучительным тоном: «Так говорить нельзя, это нонсенс. Профилактика — это предупреждение. Вы что хотите сказать, что главным в программе должно стать предупреждение здоровья?!» Она победоносно оглядела присутствующих. Большинство закивало головами в знак согласия. В том числе и приглашенные на обсуждение профессора медицины (ровно через год эти профессора стали произносить словосочетание «профилактика здоровья» как... собственное достижение!). Обсуждение вошло в привычное «медицинское» русло «профилактики патологий». Проект программы попал под угрозу

превращения в еще одну привычную сумму мероприятий по «эффективному лечению населения и профилактики заболеваний»...

Пришлось писать записку «К семантике термина «профилактика здоровья». Привожу ее целиком, так как в ней сказано не только о термине, но и о новой концепции здоровья нации, начавшей приобретать все больше сторонников.

К семантике термина «профилактика здоровья»

Слово «профилактика» происходит от греческого «*prophylaktikos*» (предохранение). В словарях интерпретируется как «совокупность мероприятий, направленных на охрану здоровья, предупреждение и возникновения и распространения болезней человека, на улучшение физического развития человека, сохранение трудоспособности и обеспечения долголетия»; «профилактический — предупредительный, предохранительный» (см. *Словарь иностранных слов. М., «Русский язык», 1989*).

Слово «профилактика» традиционно используется в медицине для обозначения мер по предупреждению патологий, заболеваний и закрепилось в словосочетаниях «профилактика болезней», «профилактика рака», «профилактика простудных заболеваний», «профилактика инфаркта миокарда» и т.д.

Вместе с тем гораздо реже, но в последние годы все чаще, слово «профилактика» употребляется в его значении «предохранения от чего-либо», что в сфере наук и практик (в том числе медицинской, клинической) охраны и укрепления здоровья привело к закреплению словосочетания «профилактика здоровья», то есть «совокупности факторов и мер, направленных на предохранение оздоровья от разрушающих, болезнетворных воздействий и влияний». Даже в опубликованном в 1969 году словаре медицинских клинических терминов присутствует этот «оздоровительный» аспект: «профилактика — предупредительно-оздоровительные мероприятия» (см.: *Б.П. Александровский, В.Г. Соколовский. Словарь клинических терминов с переводом и толковым значением. Киев, 1969*).

Такого взгляда на «профилактику» (не исключая, разумеется, медицинского значения «профилактики заболеваний») придерживаются и пропагандируют его такие ученые медики, валеологи, педагоги, социологи, специалисты по физической культуре, как академики Н. Амосов, В. Казначеев, М. Миррахимов, проф. В. Колбанов, Ю. Лисицын, и др. ученые и профессионалы-практики. «Профилактика здоровья» становится одним из ключевых понятий и направлений социальной здравоохранительной деятельности в комплексной науке валеологии. Другими словами, словосочетание «профилактика здоровья» представляется не только научно и семантически корректным, но и целесообразным для комплексной социальной (а не только медицинской!) программы по организации (формированию, укреплению, сохранению) здоровья, так как ставит акцент на «здоровотворчестве»

общества, государства и человека, на созидании здоровья здоровыми людьми и здоровым обществом, тогда как термин «профилактика болезней» закрепляет акцент на лечении и клинике.

Аналогична точка зрения выдающегося ученого академика Влаиля Петровича Казначеева, директора Института общей патологии и экологии человека Сибирского отделения РАМН: «Совету безопасности России предлагают создать общенациональный Совет по здравоохранению, который бы координировал деятельность в этой сфере и отвечал за спасение здоровья на основе профилактики заболеваний. А нужен Совет не по здравоохранению (увя, охранять уже нечего), а по воссозданию здоровья. Я обращался в Госдуму и Совет безопасности с предложением связать здоровье с образованием, воспитанием, экономикой. На государственном уровне необходимо понять, что здоровье нации требует единой системы оценки, куда входят и гигиена, и экология, и культура, и наука. Нужен единый комитет, отвечающий за это. Только в этом случае в России начнется новая большая эпоха здоровья».

О том же говорит и известный физиолог Николай Аринич: «Здоровье населения лишь на 10 процентов зависит от государственной системы здравоохранения, которая ... эффективна в борьбе с инфекционными болезнями, но не справляется с неинфекционными, прежде всего сердечно-сосудистыми. Это значит, что нужна государственная структура, отвечающая за остальные 90 процентов здоровья населения, — например, Государственный комитет по здравосозиданию».

Пока шло обсуждение и я писал высокому собранию записку о корректности термина «профилактика здоровья», главные события на эту тему происходили в живой жизни: теория суха, но зелено жизни древо! То, что становится фасцинирующим, пробивает себе дорогу, не оглядываясь ни на какие взгляды и заблуждения чиновников и профессоров. Я обнаружил это, заглянув в Интернет и поставив в поиск словосочетание «профилактика здоровья». Сомневался, что получу в ответ что-нибудь иное, чем то, что победоносно провозгласила чиновница от медицины и кивающие в знак

согласия с ней профессора. Каково же было мое удивление, когда поисковая система выдала десятки указаний на тексты с термином «профилактика здоровья»!!!

Это были в первую очередь сайты фармацевтических и оздоровительных фирм. Все они предлагали населению медицинские препараты и услуги для...«профилактики здоровья»! Я убедился, что рынок четко отреагировал на привлекательность для населения, в том числе и больного, психологической установки на «профилактику здоровья». Человеку, даже больному, хочется быть здоровым. Следовательно он выберет то лекарство, которое обещает «профилактику здоровья» и пройдет мимо того, которое рекламируется для «профилактики заболевания». «Профилактика здоровья» безусловно обладает семантической фасцинацией по сравнению с пугающим антифасцинирующим словосочетанием «профилактика болезней». Эту разницу первыми почуяли фармацевты, изменив парадигму рекламы на завлекательные призывы о «профилактике здоровья». В не меньшей степени это относится к рекламе услуг оздоровительных центров и фирм.

В еще большей степени удовлетворило мое любопытство то, что среди выданных поисковой системой адресов были и адреса профессиональных медицинских учреждений, управлений здравоохранения некоторых городов и даже медицинских академий и колледжей. Оказалось, что уже есть кафедры «профилактики здоровья», медико-оздоровительные «Центры здоровья и профилактики здоровья», факультеты профилактики здоровья.

Так убедительно и категорично население страны и профессионалы, занятые в сфере оказания медицинских услуг, отреагировали на фасцинацию здоровья и тягу к здоровью.

В связи со сказанным выше можно сделать предположение, что при конструировании любых рекламных текстов следует опираться на семантическую фасцинацию, внушающую оптимизм и обращенную к доминантным социально-психологическим ожиданиям населения. Именно по этому пути и идет современная реклама.

Владимир Соковнин

Фасцинация не прощает провокаций и ошибок

Трагические события в Нигерии 22-23 ноября 2002 г. вокруг конкурса красоты «Мисс Мира» еще раз показали, насколько опасным может быть невежественное отношение к феноменам фасцинации. Там, где царствуют законы фасцинации (а не только информации!), необходимо быть особенно деликатным и чутким.

Что такое фасцинация? В самом общем определении — это все, что вызывает удивление, очарование, радостный подъем в душе, восхищение, восторженность, умиление, любовь и ... эмоциональный шок. Великая сила влияния фасцинации заключается в том, что она **минуя критическое сознание, цензуру разума, и, преодолевая любые преграды на пути восприятия, действует напрямую на глубинные эмоциональные структуры организма и личности.**

Среди множества фасцин и фасцинаций особое место занимают фасцинации этнические и религиозные: образы «человека своего народа», идеалы мужчины и женщины, идеалы достойного социального поведения, символы племени и веры. Все это вплетено в психику каждого члена социума и вызывает прилив фасцинирующих чувств, создавая теплую психологическую атмосферу единения, сплоченности, радости. Удары по системе

этнических и религиозных фасцин воспринимаются как самое низменное оскорбление, вызывают массовый гнев.

Так и произошло в Нигерии. Уже решение провести конкурс «Мисс Мира» в стране с более чем 200 племенами и преобладанием населения с мусульманским вероисповеданием содержало огромный риск. И как только население Нигерии узнало о решении провести конкурс «Мисс Мира» в их стране, оно отреагировало возмущением. Это был явный сигнал предостережения и следовало сразу отказаться от проведения конкурса в Нигерии, даже если именно ее представительница и завоевала звание «Мисс Мира» в прошлом году.

У нигерийцев были по крайней мере две веские причины испытывать гнев. Во-первых, им навязывали чуждое их фасцинирующей системе американско-европейское представление о женской красоте. У большинства нигерийских племен фасцинирующей, то есть сексуально-очаровательной девушкой, считается девушка полная, достигшая внушительных габаритов. Девочек даже очень хорошо кормят, чтобы они к возрасту невест достигали «очаровательной полноты». Так сложилось тысячелетиями и стало этнической фасцинацией этих племен. А им навязчиво внушают, что обворожительны девушки под 180 см. и худосочного

вида. Ну не надругательство над фасцинативным чувством?!

Второе, не менее сильное оскорбление — навязывание в качестве идеала сексуально—демонстрационного поведения женщины, то есть выставленной напоказ кокетливой пластики движений, эксгибиционистского оголения на сцене перед мужскими взорами. А в это время идеал женского поведения для мусульманина диаметрально противоположен!

Ну и когда последовал совершенно «дикий» удар по психике нигерийцев, они не выдержали и превратились в яростную толпу, крушащую все подряд. Я имею в виду опус 20-летней журналистки Ишиомы Даниэл, в котором она, восхищаясь прелестными (с точки зрения европейцев!) конкурсантками, провозгласила на всю Нигерию, что сам пророк Магомет с удовольствием выбрал бы любую в жены. Подобного надругательства над этнической и религиозной фасцинацией нигерийцев мог бы придумать только провокатор, которому поручили «взорвать» Нигерию. Журналистка, конечно же, не провокатор, а просто невежественный в социальной психологии и фасцинологии человек, но это не меняет положения вещей — взрыв народного возмущения произошел.

Итог его печален: более 250 человек убиты, тысячи ранены, разрушено множество христианских церквей, сотни домов. Одним словом, произошло национальное бедствие, последствия которого будут залечиваться десятилетиями. При этом надо сказать и о правительстве Нигерии, которое также оказалось не на высоте: конкурсом «Мисс Мира» оно хотело привлечь внимание к своей стране и заработать на туристах. А «заработало» проблемы

и огромный материальный ущерб собственной стране.

Когда речь идет о социальных решениях, которые касаются наций и религиозных конфессий, следует тысячу раз отмерить, в том числе с учетом знаний о религиозной и этнической фасцинации. Ибо фасцинация не прощает циничного или даже всего лишь неумышленно—неосторожного, но «грязноватого», вторжения в свою глубинную «очаровательную сферу». Какими бы благими целями такие «вторжения» ни прикрывались.

Горе-журналистку нигерийцы-мусульмане приговорили к казни и она, сбежав из Нигерии, где-то скрывается. Конкурс перенесли в Лондон и прошел он без обычного блеска и фанфар. А в Нигерии — сотни убитых и тысячи искалеченных. Такова цена «цивилизованного невежества».

Именно потому, что фасцинация — это тот эмоционально-чарующий цемент, который скрепляет любое человеческое сообщество, как высокое так и низменное (от государств и политических партий до подростковых девиантно-экстремистских групп), ее следует учитывать в организации социальных воздействий, в том числе и в борьбе с экстремизмом. Во всяком случае знание закономерностей фасцинации может значительно помочь в профилактике любых видов и форм экстремистского поведения.

Фасцинология — новая наука, и она должна служить человечеству везде: от эффективных технологий «очарования красотой» до не менее эффективных технологий профилактики и борьбы с «дьявольским очарованием» экстремизма.

И она сумеет это сделать.

Владимир Соковнин

О запрете фасцинативных вставок в авторские тексты

Представьте картину: редакция газеты пригласила ученого дать интервью, скажем... об имидже Президента В. В. Путина. Что есть, чего нет, что можно бы подкорректировать в облике и манерах Президента, имеется ли у него харизма и обаяние, почему возникла и разрастается массовая любовь к Путину? Ученый интервью дает, его размышления записываются на диктофон. Целых два часа. Договариваются, что корреспондент текст пришлет по электронной почте для правки. И — тишина. Вдруг ученый муж обнаруживает свое интервью уже напечатанным в газете, купив ее в киоске. Волосы его встают дыбом: интервью искорежено уймой неточностей и смысловых ошибок. Но не это главное. Весь ужас заключается в том, что редакция снабдила его интервью карикатурными рисунками, фотографиями и оскорбительными надписями в адрес В. В. Путина.

Уверен, что нарисованная картина знакома очень многим авторам интервью, статей, аналитик: без ведома автора его текст подобными вставками искажается, а порой переворачивается с ног на голову. Быть может в еще большей степени подобными искажениями страдают телевизионные интервью и выступления: то в них запустят сценку с Остапом Бендером, то Зайца с Волком поместят, а то и нечто порнографическое впаяют. Действует безотказно — автор превращается в кого угодно, только не в самого себя! Создается впечатление,

что журналисты стремятся не информировать читателя, а, прикрываясь авторами, удовлетворить свою потребность поподличать над «сильными мира сего».

Что делать?

Напрашивается вывод: такого рода фасцинативные вставки, не согласованные с автором, необходимо запретить.

«Фасцинативными вставками» являются любые «чарующие» визуальные и звуковые включения (музыка, отрывки из песен, мизансцены из кинофильмов, карикатуры, сценки из мультфильмов, фотографии и коллажи с выдуманными в редакциях надписями, и т.п.) в выступлениях, статьи, речи, интервью, заявления, обращения к населению и т. д. Они служат привлечению внимания, усилению впечатления, заострению главнейшей мысли, акцентированию внимания к отдельным частям авторских текстов. Но возможны такие вставки, которые разрушают смысл авторского выступления, искажают его суть, а то и переводят смысл в русло сатиры и насмешки.

Цель таких вставок — дискредитация автора или использование автора для дискредитации других лиц и организаций. Произведенные редакциями и журналистами без ведома и согласия авторов они по сути приобретают провокационное качество. Такие вставки, особенно «умело» выполненные и высокохудожественного уровня (из популярных

кинофильмов, мультсериала «Ну, погоди!» и т. п.), мгновенно приковывают внимание, переключают восприятие на другой смысл, включают психологические ассоциации, не содержащиеся в цитируемых текстах и абсолютно чуждые авторам этих текстов.

Подобная фасцинативность визуальных и звуковых объектов по сравнению с речевыми и текстовыми, их способность концентрировать внимание и запоминаться «сразу и надолго» давно доказана психологическими экспериментами. В силу яркой фасцинативности, такие «вставки-вирусы» способны полностью разрушить и исказить любой авторский телевизионный или газетный текст. Таким образом, нарушается, с одной стороны, право автора на свой целостный неискаженный текст (даже если это цитата), а с другой — право телезрителя и читателя газеты на получение точной, достоверной информации, не искаженной произвольным вмешательством редакций и журналистов. Так, ерническая яркофасцинативная вставка в речь любого политика, способна превратить

ее в фарс, и совершенно тривиальная речь с помощью «патетико-патриотических» фасцинативных включений может обрести смысл чуть ли не эпохальных откровений. А выступлению или интервью ученого при вставках фотографий или карикатур с ерническими надписями можно придать сатирический оттенок. Подобного рода «фасцинативные вирусы-вставки» стали поветрием на российском телевидении и в газетном бизнесе.

Принятие законодательных норм о запрете «фасцинативных вирусов-вставок» могло бы, как мне кажется, помочь очистить телеэфир и газеты от злобствующего или вульгарно-иронического изображения нечистых на руку журналистов-шаршиков, существенно снизить информационный нигилизм и так называемый «черный пиар», приструнить злоупотребление частью журналистов своей неконтролируемой доступностью к авторским текстам и возможностью манипулировать ими. И, конечно же, защитить доброе имя авторов.

Пример редакторской фасцинативной фотовставки в интервью

17-18 октября 2003 г.

УРАЛ

Екатеринбург и Свердловская область

ТИРАЖ 1.460.000 экз.

АМК

МОСКОВСКИЙ КОММУНИСТ

ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

какому фасцинологу не разгадать. Мне нравится осторожность в его поступках. Но будущее в политике всегда непредсказуемо, даже если это будущее — завтрашний день.

— Очень много говорится о вознижении культа личности при такой-то народной любви.

— Действительно, любовь зла. Путин пошел в любовь, и возникает такая опасная психологическая вещь, как желание разделить его всевозможными замечательными качествами. Вот и полерлю. Крутым портреты, ушла имени Путина, собака от доброго президента... Это еще начало. Справится ли он с такой гигантской любовью — не знаю. Не такие ломались.

— Подбрасывать дровишки в костер президентской любви в Кремле много желающих. Неужели никто не понимает, что это — опасная дорога?

— Одно из определений фасцикации — сведение с ума, полное отключение критики, причем в массовых масштабах. Можно свести с ума всю страну, чтоб выстроиться по своему закону. Чиновничья иерархия строится так: во дворе царствует один петух. Он вначале поет, говорит "я", затем гоняется за всеми другими петухами, иерархию поддерживает, клевет кого-то из них. Следующий петух постукает точно так же и клевет кого послабее. Самому последнему петуху ничего не остается, как клеветать только землю. Так вот, задача любого государственного деятеля — сделать так, чтобы иерархия была мягкой и чтобы не было злобных низов, клюющих землю, даже в биологии именуемых подонками.

Мне кажется, что у Путина есть понимание этого. Но, еще раз повторюсь, не такие историей ломались. Сегодня ты очарователен, а завтра стукнуло в голову, что ты — Бог.

— Наш губернатор от природы обаятельный, яркий человек. Почему его обаяние не всегда срабатывает и чарует? Его одинаково любят и ненавидят.

— Про Росселя в все говорить не буду, поскольку живу в Екатеринбург. Одной чертой он мне жутко нравится: он — авантюрист в хорошем смысле этого слова. И когда вступает в борьбу, то вкалывает, как дивизия. Народ мобилизованных людей любит, от него идет энергетика. Даже то, что он обвинил Носова предателем — это был яркий фасцинативный жест, потому что ставил все точки над i. Лидерская чер-

та, перерастающая в харизму, — она у Росселя налично. При этом иногда он такие выдает перлы, что волосы дыбом встают. Но говорит так уверенно, что только знатоки могут определить, где ложь, где фальшь, а где он просто не помнит.

— А Петр Латышев прилежно скрывает свое очарование, или у него просто нет поражающих в самом сердце фасцинов?

— Наверное, служба наложила отпечаток: почти все генералы, работающие в правоохранительной системе, — люди в футляре. Если человек десятилетия проводит на службе, то футляр становится его натурой. Для чиновника исполнительной власти это нормально, в вертикали нужны футлярные люди. Но вот если Латышев закончит стать политиком, ему от многого придется избавляться. Футляр как пудова гиря потянет вниз.

— Мне кажется, сейчас намеренно пытаются убирать из регионов ярких лидеров, чтоб они не засняли кремлевское солнышко.

— А вы думаете, когда-то было иначе? Чем легче управлять кем-то, тем комфортнее чувствует себя власть. Президенту ведь тоже тяжело жить при постоянных стрессах. К тому же позволить соседство с другими звездами могут только очень сильные личности, которые не боятся затмения своего имени.

Светлана ДОБРЫНИНА.

«ФАСЦИНАЦИЯ» — от английского *fascination*, переводится как очарование, завораживание, колдовство.

Улыбка ВВП — улыбка мошенника

Авантюрист, Очаровашка с глазами мошенника и Футляр

популярная фасцинология

Владимир СОКОВНИН

Афродита Калмитига - идеал мужчин Древней Греции (ироническое эссе)

Интерес человечества к телесной красоте и сексуальности во все эпохи был возвышенно-романтическим. Красота и обаяние вызвали притяжение, симпатию, воспевались в мифологии всех этносов, а затем в поэзии и литературе. Высшего своего преклонения перед красотой тела, ее колдовским магнетизмом достигли, по-видимому, древние греки с их культом гармонии и совершенства. Площади греческих городов украшали статуи

обнаженных и полуобнаженных мужских и женских тел. Даже та частица статуй, которая дошла до наших дней – Венера Милосская, Аполлон Бердервейский, Дискобол, Артемида Охотница – продолжают восхищать человечество. Можно представить себе великолепие древнегреческих площадей и храмов с этими многочисленными прекрасными творениями. Древние греки действительно не просто преклонялись перед красотой, они жили среди красоты, оттачивая свой художественный взгляд на мир, свой вкус.

И они не были лишены иронии и юмора даже в

таким высоким искусстве, каким во все времена было искусство скульптуры (какое отношение к скульптуре они и создали). Свидетельством тому может служить статуя, получившая в искусствоведении название «Венера Каллипига» (Венера Прекраснозадая). Логично допустить, что дошедшая до нас «Каллипига» (см. фото) конечно же существовала не в единственном экземпляре и была, по всей очевидности, чудесным дополнением к другим статуям обнаженных богинь.

О том, что у древних греков было особое, и по всей вероятности, эстетическо-сексуальное отношение к «прекраснозадым» современницам, — это и привело к тому, что этой части тела они стали посвящать даже скульптуры, то есть публично-зафиксированное в камне поклонение, — можно почерпнуть и из других источников. Так, письменность донесла до нас историю двух сестер, имевших прекрасные ягодицы. Между ними шел горячий спор, в котором участвовали весь город: чьи ягодицы красивее? В конце концов было решено отдать решение этой животрепещущей проблемы на суд постороннего мужчины «со свежим взглядом». Сестры пришли в порт к прибытию очередного корабля, выбрали симпатичного молодого мужчину и обратились к нему с просьбой разрешить спор. Когда они обнажили свои прекрасные зады, мужчина обомлел, долго не мог сделать выбор, но все же выбрал прелести старшей сестры. Да тут же в нее и влюбился! Подыскали жениха и младшей сестре, и город в ознаменование решения по столь трудному состязанию выдал обеим сестрам приличное приданное, которое позволило им разбогатеть. На полученные доходы сестры возвели храм Венере Каллипиге. Вряд ли у другого народа найдется столь иронично-поэтический сюжет, возводящий в культ поклонения заднюю часть женского тела. Но таковы были греки, эти «дети человечества» — искренние и жизнерадостные во всем.

Есть и еще одно подтверждение этого культа: в древнегреческих полисах проводили не только атлетические состязания, венцом которых были Олимпийские игры, но и конкурсы красоты, в том числе и красоты «каллипиг». Скорее всего, только поэтому и мог возникнуть сюжет с прекраснозадыми сестрами.

Как и три других сюжета, два из которых дали пищу психиатрам.

Один из них — миф о Пигмалионе. Юноша Пигмалион изваял статую Афродиты и... влюбился в нее. Он так умолял богов сжалиться и оживить статую, что Афродита снизошла к стенаниям юного скульптора и вдохнула в мрамор живой дух. В современной психиатрии вождение мужчин к статуям стали называть *пигмалионизмом*. При созерцании или прикосновениях к статуе половое возбуждение у пигмалиониста несравнимо ярче, чем при обычном половом контакте с женщиной во плоти.

Второй сюжет менее «поэтичен», хотя тоже связан с красотой статуи Афродиты. Прелесть стояла на площадях древнегреческих городов и в храмах, ублажала, тренировала мужской глаз гораздо

значительнее современной порнографии. Статуя Афродиты стала настолько желанной для грека по имени Клеон, что тот пробрался ночью в храм и извращенно «изнасиловал» богиню. Греки к богиням своим относились хоть и с легким юмором, но со святым уважением. Клеона за столь неприличное

обращение со скульптурой Афродиты изгнали из города...

Какое-то особое, граничащее с божественным преклонением древних греков перед красотой женского тела, подтверждает еще одна дошедшая до наших дней легенда. Любовницу великого скульптора Праксителя гетеру Фрину, с которой он изваял знаменитую Афродиту Книдскую, обвинили в безбожии и она предстала перед судом. На суде произошло невероятное: когда защитник Гиперид уже отчаялся спасти Фрину, богиня Афродита нашла способ ему на ухо раздеть афинянку. Судьи были настолько очарованы красивым телом гетеры, что оправдали знаменитую модель.

Но, конечно же, не одни древние греки были столь наблюдательны и сластолюбивы. Гораций, — а это поэт цивилизованного Рима начала новой эры, — советуя другу Керинфу, как выбирать женщину для любви, ехидничает и предлагает приглядываться к телесным несовершенствам, которые могут быть искусно скрыты под одеянием:

Право, у женщины той, что блестит в жемчугах и смарагдах

(Как ни любуйся, Керинф!), не бывают ведь бедра нежнее,

Ноги стройней; у блудниц они часто бывают красивей;

Ты на уродства взирай: «О ручки, о ножки!..»

Но с задом тощим, носатая, с тальей короткой, с большою ступнею...!

Ну не нравятся Горацию женщины с «тощим задом», хоть убей! Привереда!

Вряд ли найдется хоть один народ в человеческой истории, который обошел бы своим романтическим вниманием эту замечательную часть женского тела. Правда, при этом имелись существенные вариации.

В 1804 году натуралисты Перон и Лессер прибыли в Южную Африку проводить исследования здешних готтентотских племен в районе мыса Доброй Надежды. В своих дневниках они описали особенность, которой обладали местные женщины — фантастическую гипертрофию ягодиц, достигавших чрезвычайно больших размеров. Эта аномалия известна сегодня среди специалистов как *стеатопигия*, или «готтентотские ягодицы». Чем ярче была выражена эта особенность, тем большей популярностью такая женщина пользовалась у тамошних мужчин.

Примером изменения традиционных взглядов на женскую «филейную» часть может служить отношение к женской фигуре у народа островов Фиджи, основным критерием красоты женщины которого веками служила ее полнота. Вековая традиция — чем больше, тем красивее — в последние годы стала меняться. И если раньше девочек

специально «откармливали», чтобы они были в «хорошем теле» — девушки не могли рассчитывать на внимание поклонников, если весили меньше 130 кг. — то в последнее десятилетие мужчины смирились и стали менять вкусы. Кстати, подвинули их к этому сами женщины. Всемирная мода на 90-60-90 коснулась и психологии женщин этого народа: они осознали, что быть стройной гораздо удобнее во всех отношениях. Разумеется, в осознание этой полезности добавили свою лепту врачи, объясняя, что

«соблазнительная полнота» укорачивает женщинам жизнь в среднем на 10 лет в связи с болезнями, сопутствующими ожирению, — высоким давлением, сердечно-сосудистыми заболеваниями и диабетом. Так постепенно девочек престало перекармливать и доводить до ожирения. Кажется, и мужчины поняли, что значительно прекраснее в женской телесности древнегреческое «все в меру» и «все на месте». Как у «Афродиты Каллипиги»...

Но почему так притягивает мужской взор эта часть женского тела? Очевидно, упругие, развитые ягодицы создают, во-первых, телесную гармонию, а, кроме того, — и быть может это еще важнее! — свидетельствуют о телесном здоровье и, следовательно, о высокой способности такой женщины к воспроизводству рода. Поэтому народное «есть за что подержаться» наличествует в фольклоре всех народов как очень высокая мужская оценка женских телесных достоинств. Можно сказать без всякого преувеличения, что упругость, округлая форма и достаточная величина ягодиц являются для большинства мужчин сексуальной доминантой, сексуальной fascиной, очаровывающей и влюбляющей безотчетно, подсознательно. У некоторых мужчин погоня за «Каллипигой» становится чуть ли не манней.

Эдуард Фукс в своей знаменитой «Истории эротики» уделил много внимания тому, как публично демонстрировалось и воспринималось человеческое тело, в особенности женское, в разные исторические эпохи в Европе (Ренессанс, галантный век, буржуазный век). Он констатировал бесспорный факт fascиативности как тела в целом (всегда особым образом «организованного» и продемонстрированного тела!), так и отдельных его повышено

фасцинативных частей. Бедра и ягодицы всегда были предметом особого мужского интереса и потому женщины включали эти части тела в сексуально-фасцинативный язык кокетства, сводя мужчин с ума.

Вокруг отношения мужчин к «этому месту» крутится вся человеческая сексуальность. Забавное признание опубликовал известный кинорежиссер Андрей Кончаловский. Вспоминая молодые годы, он признается: «У меня это плохо получается — знакомиться на улице, но что-то просто толкает тебя идти следом, когда видишь манящий рельеф фигуры, **особенно сзади** (выделено нами — В.С.). Она идёт так красиво, Боже мой, как красиво! Наступает состояние обречённости. Думаешь: «Сейчас я подойду к ней, буду говорить какие-то глупые слова, она пойдёт подальше, да ещё зло пошлёт». Масса бессмысленных, детских обрывков мыслей пронесётся в голове, пока шагаешь следом за ней, готовишься неловко сказать: «Извините, пожалуйста...» И вдруг она оборачивается, ты видишь вполне непривлекательный фасад, посредственное малопривлекательное лицо - и вместо всего приготовленного говоришь: «Извините, я ошибся».

Вот такой любитель «зайти сзади»! Очень искреннее признание, в стиле древних греков! Которое могли бы, наверное, произнести почти все мужчины России и земного шара...

А в последние годы женщины вдруг, по-видимому остро осознав замечательное, сводящее с ума

назначение своих ягодиц в общении с сильным полом, бросились от погони за «желанной для мужчин большой грудью» в погоню за «попками, как у Дженнифер Лопез». В США эта попка настолько полюбилась и стала символом сексапильности, что началась массовая коррекция своих ягодиц женщинами всех возрастов и сословий. Понятно, что в ход пошла... пластическая хирургия, и представителям этой профессии надо срочно ставить статую «Дженнифер Каллипига» у своих кабинетов, как делали древние греки на площадях своих городов с Афродитой Каллипигой.

Кстати, можно в связи с этой становящейся всемирной модой вспомнить один забавный русский деревенский обычай. В деревнях девицу, собирающуюся замуж, проверяли на «крепость зада» весьма оригинальным способом: на табуретку клали грецкие орехи, и если девица, сев на них, раскалывала скорлупу, значит «пора». Надежный критерий! Вряд ли выдержали бы такой экзамен многие современные девушки.

В Internet, на множестве сайтов, посвященных женской наготе, уйма «лучших попок». Значит ценители есть? А может быть пришла пора возобновить конкурсы красоты ягодиц, как делали древние греки? Ведь каждодневный, многовековой конкурс задних женских прелестей в живой жизни не прекращается ни на секунду...

1. Римская сатира. М., «Художественная литература», 1957, с. 14-15

Современные Каллипиги ...

А. М. Гиляров,
доктор биологических наук

Секреты красоты

Почему нам одни лица кажутся красивее других? Неуловима ли сама красота, или можно вывести какие-то ее законы, выявив именно те черты лица, которые делают его особенно привлекательным? Подобные вопросы на протяжении столетий волновали прежде всего художников, но в XX в. к ним присоединились куда более приземленно настроенные косметологи и хирурги, специализирующиеся на пластических операциях. С точки зрения биологии красота тех или иных особ женского пола — это мерило их привлекательности для мужчин. Уделяя повышенное внимание тем самым самым (порой неосознанно) полового партнера, а в конечном счете — мать своих будущих детей. Поскольку все мы, и мужчины и женщины, являемся плодами эволюции, действующей с помощью естественного отбора, резонно предположить, что и желание выбрать красавицу или красавца также сформировано естественным отбором, который благоприятствовал большей вероятности оставить здоровое потомство (если красоту считать совершенством во всем).

Согласно одной из наиболее популярных гипотез, красивыми кажутся лица с правильными чертами, без каких-либо заметных отклонений от некоего обобщенного (точнее, усредненного) образа, который соответствует «норме» данной популяции. В таком случае естественный отбор, определивший «привлекательность», может трактоваться как стабилизирующий, направленный на сохранение нормы и отсекающий крайние варианты. Основанием для этой гипотезы служат данные, полученные с помощью так называемого обобщенного портрета, идею составления которого высказал в конце прошлого века (1878 г.) Ф. Гальтон. Совместив фотографии нескольких людей (это можно сделать, сняв ряд лиц на один и тот же негатив, или же, что проще, наложив друг на друга несколько негативов при печати), Гальтон к своему удивлению обнаружил, что полученное обобщенное изображение выглядит как портрет одного человека, причем с красивыми, правильными чертами лица.

Метод построения обобщенного портрета недавно использовали в совместной работе Д. Перетт, К. Мей (Университет Св. Эндру, Великобритания) и С. Иосикава (Отэмон Гакуин Университет, Осака, Япония) для проверки упомянутой гипотезы¹. По этой версии, лицо, представляющее большинство красивым, — просто правильное, соответствующее усредненному типу в данной популяции. Исследователи создали обобщенные портреты молодых женщин двух рас — европеоидной и монголоидной. В первой группе совмещали специально сделанные снимки 60 студенток университета Св. Эндру, во второй — 342 студенток японских вузов. Еще до совмещения снимков привлекательность каждого лица на фотографии оценивалась по 7-балльной шкале респондентами — и мужчинами, и женщинами в возрасте от 18 до 45 лет. По оценкам респондентов, среди европейских женщин наиболее привлекательными оказались 15, а из числа японок — 16. В той и другой

подгруппе исследователи построили обобщенный портрет красавицы.

Если проверяемая гипотеза справедлива и все дело в простом усреднении черт многих конкретных лиц, то внутри расы одинаково привлекательными должны быть обобщенные портреты, составленные как для общей группы, так и для подгруппы красавиц. Однако опрос других респондентов, выбравших из двух пар обобщенных портретов наиболее привлекательный, дал иной результат: предпочтение устойчиво отдавалось красавицам.

Стремясь выяснить, какие же черты делают женское лицо привлекательным, исследователи сравнили относительное положение 224 характерных точек, маркирующих топографию лица (например, кончик носа, очертания глаз, бровей и т.д.), на двух обобщенных портретах внутри обеих рас. Выяснилось, что красивое лицо отличается от обобщенного чуть более выступающей скуловой дугой, более изящной нижней челюстью, более крупными глазами, а также некоторыми другими отклонениями от усредненного образа. Все это, по мнению И. В. Первозчикова (Институт антропологии МГУ), — черты детского лица. Когда с помощью компьютерной обработки изображения были специально усилены (на 50%) черты, ответственные за красоту, новый обобщенный портрет, судя по ответам респондентов, стал еще более привлекательным.

Таким образом, гипотеза о красивом лице, как просто усредненном, была окончательно отвергнута. Анализ европеоидных и монголоидных лиц дал совершенно одинаковые результаты. Более того, одни и те же красивые лица выявлялись независимо от этнического типа респондентов. Так, японки, признанные своими соотечественниками наиболее красивыми, оказались таковыми же и в глазах англичан.

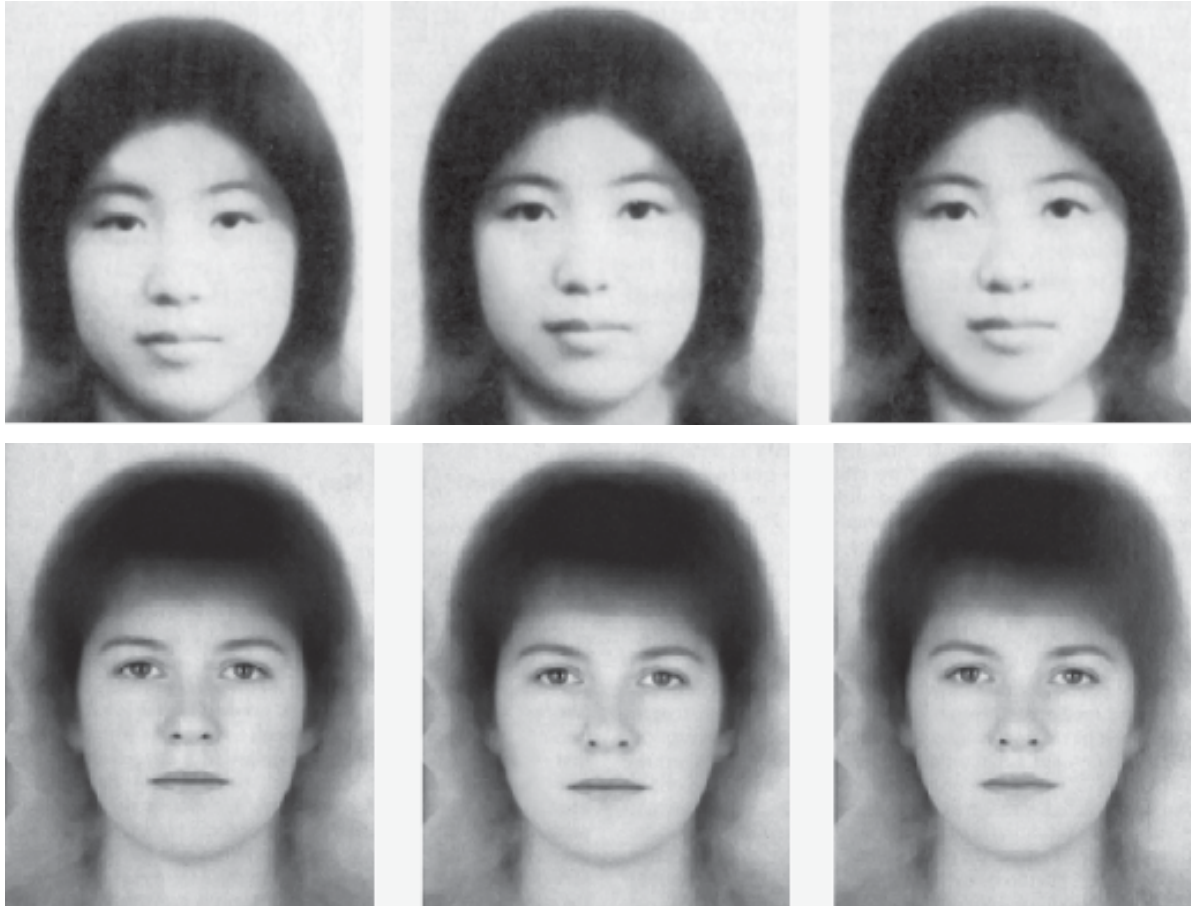
В новой работе Перетт с коллегами использовали метод обобщенного портрета для выявления черт, делающих лицо более красивым². На этот раз исследователи сосредоточили внимание на различиях между обобщенными портретами мужчины и женщины и на том, как меняется привлекательность изображений, на которых намеренно усиливались признаки «мужественности» (маскулинизации) или «женственности» (феминизации)

Обобщенные портреты тоже создавались по исходным фотографиям представителей европеоидной и монголоидной рас — молодых женщин и мужчин в возрасте 20-30 лет из университетов Св. Эндру и Отэмон Гакуин. Каждая группа одного пола и одной расы состояла из 25—30 человек. Различия между усредненными мужскими и женскими портретами выявлялись на снимках по 174 характерным точкам, «ответственным» за основные черты лица. Затем с помощью компьютерной обработки создавали несколько вариантов каждого обобщенного портрета, различающихся по степени маскулинизации или феминизации.

Согласно принятой модели, предполагалось, что

наиболее привлекательными должны быть обобщенные портреты, не подвергшиеся какой-либо трансформации, но ответы респондентов выявили совершенно иную картину. Женские лица оценивались как более привлекательные, если изображения были феминизированы на 23-24%. Впрочем, это не кажется удивительным. Странно и, быть может, даже

животных далеко не всегда считают самым привлекательным иерарха, стоящего над всеми самцами в группе³. Не столь высокая оценка маскулинизированных мужчин означает, что в человеческих популяциях существует (или по крайней мере существовал) отбор, направленный против усиления полового диморфизма - различий между особями разного

Дей. 1 Обобщенные женские портреты европеоидной и монголоидной рас. Слева направо: портреты, усредненные по всем снимкам; фото обобщенных «красавиц» и изображения со специально усиленными чертами «красивости» (Перрет Д.И., 1994).

противоестественно другое: мужские лица казались более привлекательными (женщинам!) в том случае, когда они были отнюдь не маскулинизированы, а наоборот, феминизированы (на 15% — для европеоидов, на 20% — для монголоидов)! Примечательно, что предпочтение феминизированным лицам (мужским и женским) отдавали респонденты как своей расы, так и чужой. При перекрестном опросе оптимальной казалась лишь несколько меньшая степень феминизации.

Выбор женщинами мужчин, которые слегка напоминают женщин, покажется менее странным, если учесть, что с более маскулинизированным типом мужчины (точнее — его лица) респондентки связывали такие качества, как доминирование, мужественность и более солидный возраст. Ослабление же маскулинизации связывается с добротой, эмоциональностью, порядочностью, готовностью к сотрудничеству и заботой о детях. Здесь резонно заметить, что самки многих

пола. И действительно, половой диморфизм у человека выражен вовсе не так сильно, как у некоторых его сородичей. Чтобы в этом убедиться, достаточно посмотреть в зоопарке на взрослых горилл и орангутанов. Антропологи также подтверждают, что в ходе эволюции самого *Homo sapiens* половой диморфизм снизился. По-видимому, для наших предков сотрудничество и ослабление агрессивности, в том числе в отношениях между представителями разных полов, оказались отнюдь немаловажными свойствами.

¹ Perett D.I., May K.A., Yoshikawa S. // *Nature*. 1994. V.368. P.239-242.

² Perett D.I., Lee K.J., Penton-Voak I., et al. // *Nature*. 1998. V.394. P.884-886.

³ Qvarnstrom A., Forsgren E. // *Trends in Ecology and Evolution*. 1998. V.13. N 12. P.498-501.

(«Природа», N 6, 1999)

Владимир Соковнин

Тимм Франту

Франт — это феномен!

Кто они, эти франты, щеголи и пижоны, объекты подражания, восторга и язвительных насмешек?

Владимир Даль определяет франта так: «Хват, щеголь, модник — самый модный, изысканно одетый», франт «держит форс», форсит.

И какими только эпитетами их не наделяют! Франт — петух (вырядился как петух!), павлин, гоголь, красавчик, пижон, фраер, шут, фат, хлыщ, фигляр, клоун, пугало, «выбразала первый сорт, куда едешь? — на курорт!», фанфарон, пац, ферт, форсун, гаер, буффон, кривляка, ломака и даже... «обезьяна» («ишь, крутится, как обезьяна!»). Франт проник даже в блатной словарь: воры волокиту, пожилого ловеласа зовут «шалун».

Можно подумать, что франтов не любят и презирают. И это вполне извинительно — ведь франт всегда выделяется, он заметен, а значит подвержен всеобщим пересудам и оценкам. А уничижительно оценивать все необычное, выделяющееся из серой массы — это так привычно для человечества.

Франт не просто моден, он образцово-показательно моден. Даже если он одет старомодно, он так одет и так носит одежду, что всякому понятно, что это шик. Другими словами, франт может быть одет и несовременно, но он все равно остается франтом, так умеет подать себя и так

на нем сидит то, что сегодня старомодно. Так выглядели в постреволюционное время некоторые интеллигенты царских времен, ходившие с тросточкой и в шляпе.

Франт, щеголь — неизменная принадлежность высшего света всех времен.

Так, характерной фигурой светской жизни, завсегдатаями светских салонов Европы в XVII-XVIII веках были *петиметры*, светские львы, щеголи. Петиметры были обязательными фигурами великосветских европейских салонов точно так же, как доги и терьеры составляли неотъемлемую составляющую замков английских лордов. И если личности творческие, уважающие себя стыдились прослыть петиметрами, оставаясь при всем при том очень часто оригинальными франтами, то для большинства золотой молодежи эпохи слава светского льва и петиметра была верхом мечты.

Можно сказать, что петиметр выполнял своеобразную и немаловажную светскую функцию быть одновременно забавой, душой пустой очаровательной беседы, предметом флирта и коммуникативной легкой драматургии. При живости ума и определенном уровне остроумия петиметры становились фасцинаторами салона и без них трудно было обойтись. Как пишет Э. Фукс, петиметр — «это первый чин на службе галантности», он «не официальный любовник, не чичисбей (постоянный спутник на прогулках), состоящий при той или другой даме, он — любовник всех дам», а «разыгрывать роль петиметра — такова честолюбивая мечта каждого молодого человека, и притом в каждой стране». Были петиметры подчеркнутыми щеголями, типичными представителями золотой молодежи, законодателями моды, и говорили они на особом жаргоне, «причудливо соединяющем изысканность с цинизмом и откровенной непристойностью». В Париже был даже «основан шуточный «Орден петиметров», наподобие мальтийского, члены которого обязывались вести разгульную жизнь, не верить в

женскую любовь и т.д.»¹

Мало кто из самых известных людей того времени избежал моды прослыть светским львом. Сам королевский двор служил тому образцом и соблазном

Но и в деревнях всегда есть свои щеголи. У щеголей в русских

деревнях вплоть до середины XX века особо ценились хромовые сапоги в гармошку и «со страшным скрипом». Чтобы скрип был хорошо слышен, подкладывали в качестве стельки березовую бересту. Скрип стоял в

самом деле «страшный» и особенно «пронзительным скрипом» щеголяли.

Франт – это образ

Так-то оно так, но присмотримся повнимательнее к самим франтам, к их неумному желанию выделиться – модностью, щегольским одеянием и стремлением нравиться.

Сначала присмотримся к общезвестным и безусловно любимым героям литературы и кино.

Вот хрестоматийный герой Чарли Чаплина: маленький, тщедушный, бедный, нелепый. Но спортивен, подтянут и натянут как струна. И одет с претензиями на франтовство: потертый сюртучок, пусть и помятая, но бабочка, котелок, ловко сидящий на роскошной шевелюре. Опять же тросточка, которой он ловко манипулирует – никакому столичному франту не уступит. И усики – щегольские, с претензией. И забавно-манерная пластика движений. Законченный франт. Только нищий. Нищий франт. Есть в этом что-то забавное и трогательное одновременно. Это гениально уловил Чаплин, создавая своего героя. Может показаться странным, но, на наш взгляд, именно эти, гениально найденные Чаплиным детали смешного, почти жалкого франтовства делают его героя близким, теплым, своим. Это хорошо уловил и Ж.Садуль, написавший одну из лучших биографических книг о Чарли Чаплине.

Нечто подобное герою Чаплина создали авторы фильма «Праздник святого Йоргена», где подвижного франтоватого бродягу и мошенника с бабочкой на голом теле играет Игорь Ильинский.

Не лишен франтовства и другой мошенник, хромое дитя лейтенанта Шмидта пан Паниковский в великолепном исполнении Зиновия Гердта.

А вот герой, как говорится, из другой песни – из сказки. Кот в сапогах. Вот уж где франт так франт! Но при этом великодушен, рыцарски смел, бросается помогать слабым и вообще – герой. И мы прощаем этому храбрецу и щегольские повадки, и роскошные ботфорты, и лихо закрученные усы, и манеру красоваться. Он нам близок и симпатичен, а франтовство – это та слабость, которая делает его забавно-милым.

Кстати, тут же вспоминается Кот Бегемот Михаила Булгакова. И этот кот не лишен манер и манерности, и у него претензии на щеголеватость. И даже бабочка присутствует в нелепом

одеянии. Ох уж эта вечная франтовская бабочка!

Франт и Евгений Онегин. Он «в одежде был педант, и то, что мы назвали франт» и «как денди лондонский одет». Денди Пушкин не мог не наделив своего любимого героя чертами франта, иначе Онегин перестал бы быть «героем своего времени».

Но и лермонтовский Печорин тоже франт, да еще какой! К тому же язвительный: издевается над Грушницким за его...нелепое пошловатое франтовство (вырядился в кавказскую шинель и прочие аксессуары «кавказкости»).

Хлестаков тоже франт, хотя и несколько филярского толка, и поэтому как-то по-смешному мил, извинителен, и вполне симпатичен. Гоголь о нем говорит в предисловии к пьесе: «Модно одет». Художник Мстислав Добужинский в рисунке к спектаклю «Ревизор» великолепно изобразил Хлестакова как совершеннейшего пижона.

Бог ты мой! Ведь изрядной долей желая выглядеть щеголем Гоголь наделил даже Акакия Акакиевича с его потаенными «проектками» о том, какую бы шинель «этакую» завести.

Но если искусство усыпано героями-франтами, стало быть франт – явление серьезное, как сказали бы философы – социальное. А значит в самой жизни обязан быть во все времена образец франта, его «ходячий», живой идеал.

Классический Франт

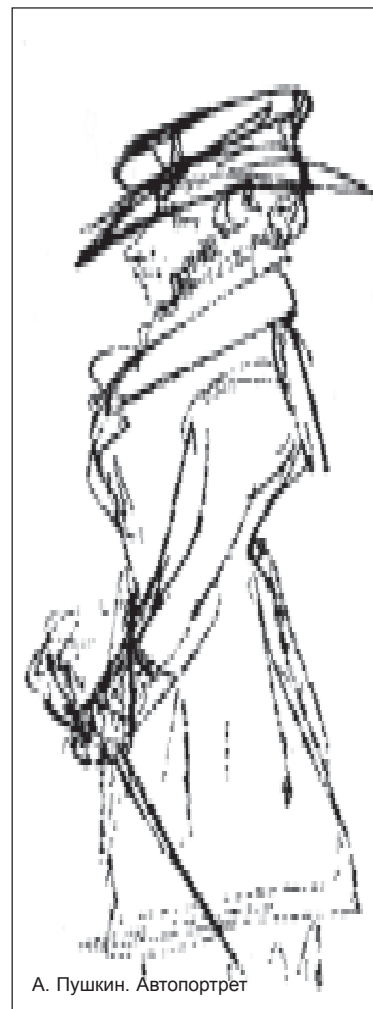
Выдающимся, классическим франтом Европы, прообразом всех денди XIX – начала XX вв. был непревзойденный лондонский франт Джордж Брайен Бремелл, отец-основатель новой формы утонченного «концентуального» франтовства – дендизма.

Приведем несколько выдержек из трудов и книг о Бремелле², чтобы увидеть, каким был классический франт, Франт с большой буквы, покоривший всю Европу.

Биограф Бремелла Джесси описывает его как мужчину с красотой Аполлона, высокого роста, с прекрасной фигурой, красивыми руками, удлиненным лицом с рыжеватой бородой и со светло-коричневыми волосами. Черты его лица изумительны, форма головы – прекрасна, лоб – удивительно высок. Весь его облик говорит скорее о духовных, чем о физических наклонностях. Выражение лица – чрезвычайно интеллигентное.

Уже в юные годы Бремелл

проявил свой талант: гениальное умение одеваться, удачно сочетавшееся с находчивостью и

А. Пушкин. Автопортрет

остроумием, чем покорила принца Уэльского, будущего короля Георга IV, и высшее придворное общество. А был он тогда всего лишь корнетом.

Если щеголи его времени изо-всех сил старались выделяться своей одеждой и поведением, Бремелл был одет просто, строго придерживался принципа, что одежда определяется законами приличия, избегал ярких красок, всяких украшений и побрякушек.

Со временем, с возрастом и приобретенным опытом высокой элегантности, одеваясь по-прежнему безупречно, Бремелл приглушил цвета своей одежды, упростил покрой и носил ее, не думая о ней. Он достиг таким образом той вершины искусства, где оно уже соприкасается с природой. Впрочем, Бремелл стремился производить впечатление более

возвышенными средствами. На него смотрели как на существо исключительно чувственное, хотя даже красота его была духовна. На самом деле, он блистал скорее выражением лица, нежели правильностью черт. Манера держать голову у него была красивее лица, а осанка превосходила совершенство форм. Послушаем, что говорит Листер: "Он не был ни красив, ни дурен; но было во всем его существе выражение утонченности и сосредоточенной иронии, а в глазах - невероятная пронзительность".

Его положение в английском обществе являлось следствием его эстетически совершенного вида. Он пожинал восхищение, которое заслуживал его бесспорный вкус. Он имел тонкое очарование благородной и изысканной непринужденности, которой действительно отличался.

В романе Пелем" образ Бреммеля изображен так: «Передо мной стоял современник и соперник Наполеона, властитель в большом мире элегантности и галстуков, могучий гений, перед кем преклонялась аристократия и кого стеснялась мода, тот, кто одним кивком головы покорял высшее дворянство».

Хотя в одежде, которую он носил в течение дня, кое-что напоминало о веселом мире рококо (нередко — голубой фрак, фрак Вертера с золотыми пуговицами), по вечерам он всегда появлялся в темно-синем фраке, белом жилете, черных лакированных ботинках. Этим он предопределил основную форму достойной мужской одежды, которая вскоре стала обязательной. Одно из устремлений, которому Бреммелл следовал всю жизнь, и посредством которого властвовал в светском обществе — быть покорителем мира моды. Здесь он демонстрировал свое абсолютное первенство. Именно Бреммелл изобрел знаменитый фрак, ставший фирменным одеянием всех денди Европы.

Биографы называют Бреммелла одним из выдающихся мастеров развлекательного «искусства» Англии. А это было искусство драматургического ведения беседы, интриги, парадокса, яркой запоминающейся метафоры, остроумной шутки, каламбура и тонкого анекдота. И неперменной язвительности, насмешки и ушешки.

Власть Браммелла над его эпохой усиливало его поражающее всех умение тонко, изящно и одновременно убийственно высмеивать. Именно дар иронии сделал его величайшим мистификатором, какой когда-либо рождался в Англии. С удивительным

мужеством он мог поражать острей своим словом людей, превосходящих его и своим положением, и талантом. Он имел смелость язвить даже в адрес своего высокого венценосного покровителя и друга короля Георга IV. А это было уже более, чем обычная смелость. Это был принцип. Можно назвать это и глупостью, так как в конце концов Бреммелл за это поплатился.

Будь то хвала или порицание — слово Бреммелла решало все. В Англии даже женщина безумно влюбленная, прикалывая цветок или примеряя наряд, больше заботилась о суждении Бреммелла, чем о радости своего возлюбленного.

Такой человек очаровывал и великих духом. Среди почитателей Бреммелла был и Байрон. Говорят, что он однажды сказал, что скорее хотел бы быть Бреммеллем, чем Наполеоном.

Он родился в 1778 году. С 1799 по 1814 год не было в Лондоне ни одного раута, ни одного праздника, где бы присутствие великого денди не стало торжеством, а его отсутствие — несчастьем. Газеты заранее помещали его имя во главе списка самых

именитых гостей. Рассказывали, что госпожа де Сталь едва ли не пришла в отчаяние, не понравившись ему.

Как представитель дендизма Бреммелл никогда не был превзойден. Только он господствовал абсолютно. Все последующие денди духовного склада принадлежали миру эстетической культуры и литературы. Но все они в большей или меньшей степени копировали Браммелла.

Что ни творец, то и франт!

Подражал «лондонскому денди», — и Бреммеллу, и Байрону сразу — молодой Александр Пушкин. Демонстрационное франтовство его и эпатаж широко известны и отмечены современниками и биографами. В кого только он не вырядился в молодости: и в янычарских шароварах ходил, и рубаху красную одевал, и тюрбан на голове накручивал, и в цыгана наряжался. Эпатировал столицу как только мог. Успокоился же, как почти все современники дворянского сословия, на моде «денди».

Щеголями были молодые офицеры-декабристы. Во всяком случае многие из них.³

Денис Давыдов поражал не только своей лихостью и стихами, но и особенным неподражаемым щегольством, вызывавшим зависть.

Оскар Уайльд был законченным и концептуальным франтом-денди. Он возвел утонченное внимание к внешнему облику в философию жизни! Это он сказал устами своего героя лорда Генри: «Только пустые, ограниченные люди не судят по внешности», это он создал воплощение Нарцисса и франтовской бездушной красоты — Дорiana Грея, отделившего свою скверную душу от вечно молодого тела и отправившего ее в свой тайный, скрытый от глаз портрет.

Сергей Есенин эпохи денежного изобилия, кутежей и Айседоры Дункан — законченный, подчеркнuto-эпатажный франт.

Фрондирующим франтом бывал и Маяковский, как в молодую пору «желтой кофты» и скандалов в «Бродячей собаке», так и во вполне уже почтенном состоянии признанного коммунистами поэта, особенно после Парижа и Америки. Он, как свидетельствует Юрий Олеша, хвастался и показывал всем свои американские туфли на толстой подошве. Совсем как франты-стиляги конца пятидесятых — начала шестидесятых в СССР.

Умел модно со вкусом одеться и подать себя и Михаил Булгаков. Был он, можно сказать, умеренным

франтом, элегантным и эстетствующим. И совсем не случайно ему так удались Воланд и Кот Бегемот — он знал толк в вариациях и тонкостях внешнего облика.

Был франтоват в оформлении внешнего облика Иван Бунин — достаточно посмотреть на сохранившиеся фотографии, которые очень точно дополняются воспоминаниями современников.

И королевский придворный, и заключенный, и палач

Королевские дворы Европы усеяны франтами, как лужайка цветами. Каждый уважающий себя аристократ при дворе считал для себя вопросом чести быть модным франтом и остроловом, а аристократка из кожи вон лезла, чтобы перещеголять придворных соперниц. Соблюдая, насколько это требовалось, раритеты сословных предписаний о длине шлейфов, ширине шляп и высоте причесок. Можно даже утверждать, что франтовство — стержень этой придворной жизни французских королевских дворов. Одни прически королевы Марии Антуанетты и маркизы де Помпадур чего стоят (франт ведь явление не однополюсное, франтихи тоже хоть отбавляй!). А русская императрица Елизавета половину своих императорских ежедневных трудов тратила на наряды и надзор за строгим соблюдением щегольской иерархии. Это она ввела в придворный этикет цензуру за нарядами и украшениями, при которой одеть платье или украшение более модное и щегольское, чем на императрице, приравнивалось к оскорблению ее императорского Величества и каралось очень часто отлучением от двора. После себя императрица-щеголиха оставила 6 тысяч платьев и тысячу туфель!

А вот франт «блатной» — знаменитый на всю мировую Одессу дореволюционной эпохи Миша Япончик — Бенья Крик в изображении Бабеля: придя в старому богачу Эйхбауму сватать его красавицу-дочь Цилю, Бенья «был одет в оранжевый костюм, под его манжеткой сиял бриллиантовый браслет», а в другой раз, на похоронах безвинно убитого Иосифа Мугинштейна «на нем был шоколадный пиджак, кремовые штаны и малиновые штиблеты».

Возникает вопрос, на который утвердительный ответ сам собой напрашивается: а нет ли франтов ... за колючей проволокой? Ведь попади Миша Япончик за решетку, вряд ли бы он избавился от привычки «хорошо выглядеть». Уж что-нибудь придумал бы.

Александр Солженицын, описывая «В круге первом» нравы «шарашки», находит там своего франта, разительно отличавшегося от сотоварищей по беде: «Хотя комбинезоны всем арестантам были выданы одинаково сшитые, но носили их по-разному. У Рубина одна пуговица была оторвана, пояс — расслаблен, на животе обвисали какие-то лишние куски ткани. На его пути молодой заключенный в таком же комбинезоне держался франтовски, его матерчатый синий пояс был затянут пряжками вокруг тонкого стана, а на груди, в распах комбинезона, виднелась голубая шелковая сорочка, хотя и линялая от многих стирок, но замкнутая ярким галстуком». Этим франтом «шарашки» был Валентуля, талантливейший инженер-изобретатель Пранчиков.

Франты обнаруживаются не только в среде каторжников, но и в противоположном «лагере» — среди палачей. Знаменитый сахалинский палач Толстых, по свидетельству Власа Дорошевича, «одет щеголевато, в пиджак, высокие сапоги, даже кожаную фуражку — верх сахалинского шика». Другой палач, Комлев, отличавшийся жестокостью, для экзекуций «даже особый костюм себе выдумал: красную рубаху, черный фартук, сшил какую-то высокую черную шапку»⁴.

Франт вечен

Но быть может были в истории человечества времена, когда франты отсутствовали как «социальное явление»?

Мы встречаем упоминание о щеголях в литературных произведениях древней Греции и Древнего Рима. В эпоху Гая Юлия Цезаря сибаритом и франтом был Меценат. В эпоху императора Нерона славился франтовством сатирик Петроний, автор знаменитого «Сатирикона». Римские и греческие франты попали даже в поэзию — как предмет осмеяния. Очевидно, уже в этих цивилизациях к франтам было двойственное отношение.

Этнография дает свидетельства того, что по всему земному шару и у множества народов франтовство имело место, а у некоторых народов являлось чуть ли не родовым качеством.

Так, Кеннет Рид наблюдая племя гахуку (Новая Гвинея) отметил, что мужчины племени «уделяют значительное внимание своей внешности. Обычно украшений на мужчинах намного больше, чем на женщинах».⁵ Этнографических свидетельств щегольства у племен аборигенов можно было бы привести

бесконечное множество.

Выходит, что франт какого-нибудь примитивного племени, живущего по правилам родового строя, и великосветский лев XIX столетия — явления одного ряда и по сути своей не отличаются друг от друга: и тот, и другой организуют свой внешний облик в такие формы, чтобы выделиться, привлечь внимание, поразить. У одного для этого пущены в ход особенно яркие перья в головном уборе, тщательная раскраска тела или глубокие особого исполнения рубцы на теле, у другого — самый модный костюм и особенная цветастая бабочка с шиком, какой ни у кого больше нет, а цель одна — произвести впечатление, вызвать восторг и зависть, фасцинировать, очаровать...

Откуда взялся франт в скромном человеческом племени?

Итак, над франтами потешаются и...прощают им их выкрутасы, их осуждают, но, как правило, не очень агрессивно, некоторых даже и любят. Их осыпают насмешками и... не сводят с них взглядов. Особенно женщины. То есть, как раз те, ради кого, по всей очевидности, и разворачивается франтовской маскарад: петушино-фатовской или аристократически-элегантный.

Что же еще объединяет всех франтов, к какому бы социальному слою они не относились, какую бы щегольскую оболочку не изобретали? Не проявляется ли во франтовстве закон актуального демонстрирования тела и внешнего облика, не представляет ли собой франт законченное воплощение действия этого закона?

1. См. о петимтрах: Эдуард Фукс. *Erotica*.

Галантный век: пиришествие страсти. "Диадема-пресс", 2000.

2. О Джордже Брамелле см. подробнее: Барбе д'Оревильи Ж. О дендизме и Джордже Брамелле. М., "Независимая газета", 2000; Отто Манн. Дендизм как консервативная форма жизни. Перевод с немецкого Алексея Богомолова (текст опубликован в 7 номере московского философского журнала "Волшебная гора", 1998)

3. См.: Ю. М. Лотман. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII—начало XIX века). Санкт-Петербург, 1994, глава «Русский дендизм».

4. В. М. Дорошевич. Рассказы и очерки. М., 1966

5. Кеннет Рид. Горная долина. М., «Наука», 1970, с. 28.

(продолжение в следующем номере)

Закливание духов у эскимосов

(из книги: Кнуд Расмуссен. Великий санний путь. М., 1958, с.152 - 156)

<...> На третий вечер бурана нас пригласили в одну из снежных хижин на торжественное закливание бури. Приглашавший представлял собой ярко выраженный тип «белокурого» эскимоса с облысевшей головой, рыжеватой бородкой и легкой голубиной глаз. Звали его Кигиуна «Острозубый».

Бура достигла, по-видимому, своего апогея. Идти пришлось втроем, плотно сцепившись, чтобы ветер не свалил с ног; да можно было ожидать и худшего - как бы не пришлось складывать себе для ночлега снежную хижину, не дойдя до места торжества! Поэтому мы все были вооружены большими снеговыми ножами и шли согнувшись, чуть не утыкаясь головой в лед, по направлению к маленькому стойбищу, где предстояло торжество. Кигиуна крепко держал меня под локоть одной руки, а под другую вел меня его партнер на сегодняшнюю ночь.

«Это малютка Нарук плачет от сквозняка в пеленках!» - сказал Кигиуна и сообщил мне древний миф о сыне великана, который отомстил убийцам своих отца и матери, поднявшись на небо и став бурей. В течение этой ночи нужно было доисаться причины гнева малютки и попытаться укротить его.

Ветер налетал на нас с такой силой, что мы временами просто останавливались на месте, крепко держась друг за друга, чтобы нас не бросило о торосы, громоздившиеся вокруг. Бешеные шквалы берегового ветра словно стегали нас кнутом и после трех-четырех ударов нам удавалось продвигнуться шага на два вперед, а затем новый шквал, сопровождаемый завыванием «бурного малютки», останавливал нас и чуть не валил на лед. Как же мы обрадовались, когда, наконец, перед нами замигали теплые огоньки жировых ламп, горевших в праздничной хижине, где все места на лежанке были уже заняты мужчинами и женщинами.

Купол хижины, имевшей четыре метра в ширину и шесть метров в длину, был так высок, что строители должны были подпереть его двумя бревнами плавника; это создавало эффект настоящих колонн в этом белоснежном зале. На полу между ними было столько места, что все соседние ребятишки во время приготовления к торжеству наигрались досыта в пятнашки, бегая вокруг колонн.

Приготовление заключались в праздничной трапезе из вяленой лососины, сала и замороженных не освежавших тюленьих туш. Большими топорами крепко врубались в этот замерзший обед, и пока тепло жилого помещения медленно возвращало живые краски всем лицам, исхлестанным бурей и снегом, люди с аппетитом глотали мясные лепешки, подышав на них предварительно, чтобы немножко согреть и не сорвать себе кожу с губ и языка.

Заклинателем духов явился в этот вечер Хоркарнак «Китовый ус», молодой человек с умными глазами и быстрыми движениями. На лице его не было и тени лукавства; может быть, поэтому ему и понадобилось так много времени, чтобы впасть в транс. Он объяснил мне, прежде чем выступать, что у него мало духов-пособников. Лишь дух его умершего отца да дух-пособник последнего - троль, о котором известно из сказаний, великан с такими длинными когтями, что они могут перерезать человека пополам, только царапнув его по туловищу; и, наконец, подобие человека, слепленное им самим из мягкого снега. Этот дух являлся к нему, когда он его вызывал.

Все женщины стойбища окружали заклинателя и подбодряли его дешевой лезью: «Ты можешь, тебе это легко, ты такой сильный», - болтали они, но он не переставал повторять: «Трудно говорить правду, трудно вызывать скрытые силы».

Долго сохранял Китовый ус свою суровость и почти вызывающую непреклонность, но женщины продолжали подзадоривать его, и под конец он начал мало-помалу впадать в транс.

Широко раскрыв глаза, он как будто всматривался в дальние горизонты, время от времени крутился на одной пятке, дыхание у него становилось прерывистым, и он переставал узнавать своих земляков.

- Кто вы? - кричал он.
- Твои собственные люди, - отвечали они.

И снова Китовый ус обходил весь круг, каждому заглядывая в глаза, поводил кругом все более дичавшим взглядом и, наконец, повторил устало, как человек, который, пройдя дальний-дальний путь, выбил из сил:

- Не могу больше, не могу.

В то же мгновение в горле у него заклокотало - дух-пособник вселился в него. Им овладела чужая сила, он уже не принадлежит себе, не волен в своих словах. Он пляшет, прыгает, носится между толпящимися людьми и призывает своего умершего отца.

Обращается Китовый ус и ко многим другим умершим, которых видит среди собравшихся в хижине. Он описывает наружность стариков, старух, которых никогда не видал, и требует, чтобы другие сказали - кого же он видит.

Растерянность, безмолвие; наконец, совещание женщин шепотом. Нерешительно выступают они со своими догадками, называя имена тех или других из умерших, к кому можно отнести описания заклинателя.

- Нет, нет, нет, не те!

Вдруг выскакивает на середину одна старуха и выкрикивает два

имени, которых другие не осмеливались произнести, имена недавно умерших мужа и жены, могилы которых были еще совсем свежи.

Они! Они! — кричит Китовый ус пронзительно, и странное жуткое чувство охватывает всех: ведь эти двое совсем еще недавно были среди них живые. Теперь они стали злыми духами, именно такими злыми духами, которые приносят непогоду.

Ужас распространяется в хижине.

А за ее стенами воеет буря. Во мгле не разглядеть собственной руки, и даже собакам, которых обыкновенно выбрасывают пинками из жилища, позволено сегодня искать тепла и защиты от ветра под ногами взволнованных людей.

Сеанс длится уже час (с ревом, вызываемым неведомых сил), и вдруг происходит нечто ужаснувшее нас, средо не видевших, как укрощают духа бури. Китовый ус, прыгнув в толпу, схватил старого добродушного Кигиуна, который смиренно стоял и пел гимн владычице зверей морских, схватил его крепко за голку и начал трясти и мотать взад и вперед. Сначала оба испускали жалобные горловые стоны, затем Кигиуна начал задыхаться, перестал стонать, зашпел и в то же мгновение сам сделался жертвой экстаза. Он не сопротивлялся больше, покорно отдаваясь во власть заклинателя, который, все не выпуская из рук его голку, метался с ним по жилищу; оба, видимо, не помнили и не чувствовали себя. Мужчины загорелись собой большие жировые лампы, чтобы их не опрокинули и не раздавили, а женщины подсадили ребятишек на лежанку, чтобы их не искалечили в этой сумятице. Так продолжалось еще с час, пока Китовый ус не вымотал весь дух из тела Кигиуна и тот не стал волочиться за ним безжизненным мешком. Лишь тогда Китовый ус выпустил его голку, и Кигиуна тяжело рухнул на пол.

Так убивают бурю in effigie (в лице кого-нибудь, заглазной). Взбунтовавшийся ветер требует жертвы, и вот Китовый ус запускает зубы в шею Кигиуна пониже затылка и треплет его, как собака треплет побежденного врага.

В жилище могильная тишина. Китовый ус один одинешенек продолжает свою дикую пляску, пока каким-то непостижимым образом взгляд его не проясняется; он становится на колени около обмершего и начинает поглаживать и растирать все его тело, чтобы вернуть к жизни. Медленно оживает Кигиуна, шатаясь подымается на ноги, но как только он приходит в себя окончательно, повторяется то же самое сначала: бешеная хватка за голку, необузданное метанье по жилищу, те же стоны и слышное задыхающегося Кигиуна, и бедняга снова брошен на снежный пол хижины безжизненным меховым мешком. Так убивает его Китовый ус трижды. Человек должен показать свое превосходство над бурей! Но, придя в себя в третий раз, Кигиуна сам впадает в транс, а Китовый ус падает в изнеможении. Старый проводец встает во всем своем комическом, чересчур ожиревшем величии, но покоряет нас диким блеском своих глаз и голосом, дрожащим от волнения, кричит на всю хижину:

— Простор небесный полон голых существ, они носятся по воздуху. Голые люди, голые мужчины, голые женщины носятся, вздымая бурю и метель.

«Слышите свист? В воздухе словно шумят крылья огромных птиц. Это страх голых людей, это бегство голых людей!»

Духи погоды вздымают бурю, духи воздуха гонят метель по земле, и беспомощное дитя Нарук сотрясает воздух своим плачем. «Но мой дух-пособник победит, он победит. Фью-фью! Слышите свист ветра? Тсс, тсс, тсс! Видите духов погоды и непогоды, шумящих над нами крыльями огромных птиц?»

При этих словах Китовый ус встает с пола, и оба заклинателя с прояснившимися лицами, успокоившись после такой отповеди буре, поют жидкими хриплыми голосами гимн матери зверей морских:

- Женщина, велика? женщина там, внизу!
- Отгони, отгони от нас злое!
- Явьсь, явьсь, дух глубины!
- Один из твоих жителей земных
- Зовет тебя,
- Молит тебя: кусай насмерть врагов!
- Явьсь, явьсь дух глубины!

Как только они пропели гимн до конца, все остальные подхватили жалобный, настойчивый, молящий призыв. Никто не знал, кого они в сущности призывают, никто из них не молился никому, но старинная песня предков давала им силу, подымала их дух. Им нечем было накормить своих детей на следующий день. Они просили только о тихой погоде для лова, о пище для своих детей.

И вся природа вокруг словно ожила. Мы как бы вочию увидели бурю, мчащуюся по небу в образе убегающих смятенных голых духов. Мы видели, как полчища убегающих мертвецов клубами снежной метели уносились вдаль. И все видения, все звуки сливались в шум крыльев огромных птиц, к которому заставил нас прислушаться Кигиуна. На этом кончилась борьба двух заклинателей с непогодой; каждый из жителей мог теперь тихо и спокойно брести к себе домой, чтобы отжаться сну. Завтра должна была наступить хорошая погода.

И она наступила.

Как пауки очаровывают паучих

Из книги: И. Акимускин. Первопоселенцы суши. М., 1972

<...> поразительные животные пауки: у каждого что-то свое, оригинальное, в повадках и способностях, хобби и нравы у них весьма разнообразны. Так вот, есть пауки, которые, ухаживая за паучихами, стрекочут на манер кузнечиков.

Анифена ударяющая (*Anypaena acctntuata* из семейства *Anypaenidae*, близкого к *Drassidae*) живет в листве кустов и деревьев, любит хвойные и дубы. Иногда прячется в свернутых листочках, но чаще на просторе открытой листвы ловит мух и прочих насекомых. Словно знак отличия за свои необыкновенные способности, получил этот паук от природы две черные стилизованные лилии, в общем два раздвоенных пятна на крестовом или сером брюшке. Бегает он быстро и нападает наскоком а ля паук-краб, но видом на краба не похож — типичный мизгирь.

Стрекотание его услышать — большая редкость. Паук довольно скрытен и играет на скрипке свои серенады весной, в мае. Когда почувствует, что по листочку, на который взобрался, недавно прошла паучиха, сейчас дрожь брюшка выдает его волнение. Вверх и вниз и во все стороны подергивая педипальпами, выступает он теперь более выразительно: все в нем напряжено, и шаг черемонно-порывистые.

Паучиху повстречав, встает перед ней тет-а-тет, передние ножки над собой крючком вздернул, брюшком вверх-вниз поводит и педипальпами, словно пассы делает, также колышет. И вдруг неистовый порыв бросает его в темпераментный, но сдержанный будто бы пляс. На ножках приподнялся, порывисто шагнул и вот брюшко с силой отбивает четкую на листе. Довольно звучный ритм ее хорошо слышен. Вновь плоско на лист опустился и танцующим испанским шагом с эффективными паузами идет к ней или вокруг нее. При этом на скрипке играет, и громко! Будто муха отчаянно жужжит. Его стрекотание похоже на звук камертона, касающегося чего-нибудь твердо — картона или стекла. Брюшко паука и кончики вздернутых ножек так быстро вибрируют, что очертания их смываются и расплывчатые.

«Тап-тап-тап-тап-тап — буз-з-з-з-з-з-з-з!» — звучит его мелодия и паучиху весьма пленяет. Она тотчас вылезает из-под листочка, если перед тем туда удрала, разочарованная выразительным, но молчаливым признанием. (С. 144)

Свадебные танцы и, увы, семейные заботы

Это редкое и незабываемое зрелище! К сожалению, немногим из людей повседневные заботы позволяют присутствовать на спектаклях, которые по весне черемонно разыгрывают пауки-волки перед капризными своими паучихами. Доктор Бристоу описал эти представления лучше всех; его весьма живописное свидетельство примем за документальный образец театральной критики о любительских спектаклях в природной режиссуре.

Актеры тут разные, и манера исполнения у каждого своя, хотя и много в ней общих черт.

Ликоза безумная (*Lycosa amentata*) выступает на сцене перед единственным зрителем с таким амплуа: словно котурнами, вздыблены ее ножки — паук на цыпочках, сколько мог, поднял себя над землей и кажется высоким и внушительным. Черные руки-педипальпы широко раскинул — одну вверх, другую вниз. Замер так, красуясь, словно ждет одобрительных аплодисментов от восхищенной его эффектным выходом публики.

Оваший не дождавшись, переходит к следующему номеру: мелкой дрожью трясет, как в ознобе, растопыренными педипальпами и передними ножками, упертыми в землю. Затем вдруг местами педипальпы поменял: ту, что была сверху, вниз опустил, нижнюю вверх поднял и дрожит, как дервши в экстазе, еще и брюшком. Так семафора попеременно — вверх и вниз — вибрирующими педипальпами, медленно, церемонiallyным шагом наступает на паучиху. А в непосредственной уже к ней близости так сильно трясет перед ними ножками, слегка приподняв их над землей, что никаких сомнений в его великой страсти не остается.

Но паучиха либо зло кидается на него с очевидным намерением отколотить ухажера, либо убегает, не желая смотреть на пошлые, по ее разумению, штучки. Не скоро неутомимый танцор добьется благосклонности в виде легкого прикосновения дрожью взволнованных ножек своей подружки и всего за тем следующего.

На сцене другой исполнитель — паук-волк (*Lucosa nigripes*) с педипальпами особенно черными, большими и впечатляющими. Встав в позицию, он ими порывисто крутит, как велосипедист ногами. Перед-

ние ножки вытянул далеко вперед, но, приближаясь к воображаемой рампе, где сидит паучиха, попеременно упирает их о землю, чтобы тут же снова в мольбе перед собой раскинуть. Шаги у него, не главные, а прерывистые, как у актеров в старом фильме. Сблизившись с предметом своего вдохновения, вибрирует в быстром темпе простертыми передними ножками. Если паучиха не убегает и не гонит его, то паук, воодушевившись успехом, и вторую пару ног с дрожью к ней протягивает.

Ликоза траурная (*Lycosa lucubris*) о цели своего визита сигналит издали широко вытянутыми в стороны передними ногами и черными педипальпами, одну за другой рывками поднимая их вверх и разом опуская вниз.

Пауки из рода тарентула, ухаживая, больше полагаются на привлекательность черных пятен в окраске передних ног. Вскинув их над собой и согнув в суставах на манер вздыбленной цирковой лошади, семафорят порывисто еще педипальпами, брюшком энергично пульсируют и рывками, церемонно выступают. Стиль серенады у арктозусы искусной иной. Незримый театральный декорум играет здесь главную роль, а вибрационный эффект. Паук, явившись с вечерним визитом к норе паучихи, быстро и сильно трясет брюшком, в определенном ритме дергается, как припадочный, всем телом — на шесть вибраций один мощный рывок. Если паучиха не сидит на пороге, то скоро там появляется. И тогда он касается ее плавно вздрагивающими ножками.

Не хватит здесь места описать все разнообразие свадебных серенад и танцев, по древней традиции унаследованных в семействах пауков-волков. Да и нужно ли?

Однако о пизауре удивительной (*Pisaura mirabilis*) не рассказать невозможно — так необыкновенно выразительна ее манера ухаживания!

Этот серый или бурый паук, украшенный светлыми продольными полосами, как лампасами, бродит, бездомный, в невысокой траве по нашим степям или на листочке принимает в задумчивости солнечные ванны.

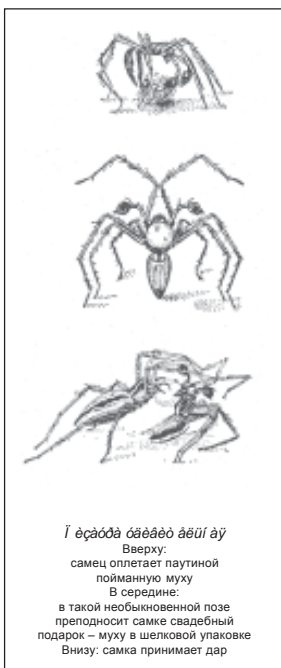
В мае пауки пизауры линяют последний раз и с той поры, почувствовав себя взрослыми, снуют в свежей зелени — ищут паучих. Как только нюхом или осязанием, наткнувшись на ее след или сигнальную ниточку, которую паучиха, путешествуя, тянет за собой, паук удостоверится, что невеста где-то рядом, сейчас же свои поиски ориентирует в другом направлении — с удесятеренной энергией и вождельем охотится за мухами. Муху поймав и, на цыпочках возвысившись над ней и опустив долу брюшко, всю лихорадочно оплетает паутиной, пока не обратится она в белый шарик. Взяв осторожно хелицерами муху в шелковом пакете, парадным, порывистым шагом идет по следу на сближение с паучихой. Увидит ее и, в странной, прямо-таки гротескной позе застывая, не назойливо, но картинно преподносит невесте свой свадебный подарок.

Стоит, как неведомая и непонятная фигура на выставке поп-арта, из неподходящих к делу предметов будто бы собранная, некий сюрреалистический подсвечник или там торшер, а (по этикетке!) возможно, и обнаженная «женская» натура. Концом брюшка,

вертикально опущенного, и кончиками шести ног вокруг него о землю опираясь, во рту держит белый сверток с мухой, над ним распростер в стороны весьма впечатляюще свои вздутые на концах и стебельчатыми глазами смотрящие педипальпы, а еще выше воздел и в форме «пкса» изогнул длинные передние ноги. Скульптура получилась модерни!

Паучиха, надо полагать, его видом потрясенная, медленно, словно не веря глазам своим, подползает. Вплотную уже, тет-а-тет сблизилась, а живой чудо-экспонат стоит себе на семи опорах, с места не сдвинулся, только немного под ее любопытствующим напором отклонился назад. Она так необыкновенно поднесенный дар принимает в свои хелицеры и, упаковку порвав, муху сосет. А он тем временем, хищную «пасть» возлюбленной заткнув мушиным бифштексом, делает свое дело. Только за тем иногда отвлекается, чтобы муху покусать, словно хочет убедиться, что она не вся еще съедена, — значит, есть время, не пора убегать, спасая жизнь. Потому что паучиха, с мухой разделившись, примется за паука. Плохо ему будет — съест его, — если он явится к ней и без мухи.

Но обманывать умеют и пауки: некоторые женихи пизауры в шелковый пакет упаковывают пустую, ими прежде высосанную шкурку от мухи и без стыда с таким жульническим даром являют на свидание к невесте. Другие умудряются, закончив брачные дела, ударить неведомо да еще утащить из-под самого носа растроганной жены свой свадебный подарок! (С. 161-164)

Ἴ ἐσάοδᾶ βάβαῶδᾶ ἀεὺλᾶ ἄῦ

Вверху:

самец оплетает паутиной пойманную муху

В середине:

в такой необыкновенной позе преподносит самке свадебный подарок — муху в шелковой упаковке

Внизу: самка принимает дар

Фасцинологическое общество

1 октября 2002 года состоялось учредительное собрание по созданию научной общественной организации – Уральского Фасцинологического Общества.

Учредители Общества:

философ и социальный психолог **Владимир Соковнин**,
 декан факультета политологии и социологии
 Уральского государственного университета, кандидат
 философских наук **Борис Багиров**,
 декан факультета журналистики Уральского
 государственного университета **Борис Лозовский**,
 доктор философских наук, профессор
Станислав Некрасов,
 кандидат философских наук, доцент
 кафедры прикладной социологии
 Уральского государственного университета **Ольга Рыбакова**,
 политолог **Ирина Пилюгина**

Правление Общества

Президент:

Владимир Михайлович Соковнин

Вице-президенты:

Борис Борисович Багиров
Станислав Николаевич Некрасов

Члены правления:

Борис Николаевич Лозовский
Ольга Викторовна Рыбакова
Ирина Анатольевна Пилюгина

Выступление Владимира Соковнина на учредительном собрании

Фасцинология как наука о чарующем, завораживающем поведении всего живого на Земле - от вирусов до человека - имеет не только теоретическое значение. Ее достижения могут широко использоваться в практической политологии, рекламе, педагогической деятельности, искусстве дизайна. По самым приблизительным подсчетам, в России профессионально работает над фасцинологической проблематикой в самых разных сферах науки и практики не менее 15 тысяч ученых и специалистов: философов, экологов, эстетиков, искусствоведов, психолингвистов, дизайнеров, специалистов по рекламе и PR, имеджмейкеров, модельеров, стилистов, политехнологов, психиатров. Одним словом, всех, кто изучает секреты фасцинации и создает фасцины. Уверен, что перечислил не всех. Но уверен также в том, что наступила пора объединить весь обширный массив научных и практических достижений

в самых разных сферах изучения и покорения фасцинативных феноменов в единую системную науку, которую я предлагаю назвать фасцинологией (fascinology), а авторам этих и будущих достижений объединиться в общественную профессиональную организацию - фасцинологическое общество, которое даст возможность обмена знаниями, проведения научных и научно-практических форумов, развития фасцинологического просвещения и более совершенной подготовки специалистов в области фасцинологических практик и технологий.

Цель: объединить как можно более широкую научную общественность и выйти на решение масштабных фасцинологических задач и проектов. Надеюсь, что коллеги откликнутся на мой призыв.

Из Устава

1.4. Основой общности интересов и главной целью объединившихся в Общество граждан является разработка фасцинологии в ее составе, приложениях и истории и распространение фасцинологических знаний в России

1.5. Целями деятельности Общества являются также:

- организация научного общения по проблемам фасцинологии
- организационная деятельность по интеграции материальных, финансовых, интеллектуальных возможностей для реализации программ и проектов в сфере развития фасцинологии
- фасцинологическое просвещение
- издание литературы по проблемам фасцинологии

1.6. В задачи Общества входит:

- поддержка в организации исследовательских и просветительских проектов в области фасцинологии
- привлечение научной общественности к исследованию проблем фасцинологии
- творческое и деловое сотрудничество со всеми общественными и государственными организациями - широкое информирование общественности о развитии фасцинологии и деятельности Общества.

1.7. Основными принципами Общества являются:

- добровольность и свободное волеизъявление участия в Обществе, в его деятельности по всем уставным направлениям;
- демократическое самоуправление;
- гласность и законность;
- демократическое партнерство в отношениях с гражданами и организациями.

1. УЧРЕДИТЕЛИ И ЧЛЕНЫ ОБЩЕСТВА

3.1. Членами Общества могут быть граждане Российской Федерации, достигшие 18-летнего возраста и выразившие добровольное желание содействовать или активно участвовать в деятельности Общества, полностью принимая и разделяя его цели, задачи и принципы деятельности.

3.2 Для оформления членства в Обществе необходимо подать в Совет Общества письменное заявление с указанием о согласии с Уставом Общества и его соблюдении, а также с приложением к заявлению перечня публикаций по фасцинологической тематике или реферата на фасцинологическую тему.

3.3 Совет обязан рассмотреть заявление в течение двух недель с момента поступления и принять по нему решение.

3.4. Исключение из состава членов Общества возможно только в случаях грубого нарушения членом Общества уставных целей и принципов деятельности Общества. Решение об исключении может быть обжаловано общему собранию Общества, решение которого является окончательным. Член Общества является выбывшим из Общества с момента заявления об этом или принятия решения в установленном настоящим Уставом порядке об исключении из Общества.

3.5. Общество состоит из:

- почетных членов – ученых, внесших выдающийся вклад в фасцинологию или принесших существенную пользу успехам Общества,
- действительных членов,
- членов-соревнователей – лиц, желающих

способствовать целям Общества своими материальными средствами,

- членов-корреспондентов, заявивших желание сообщать различные сведения фасцинологического интереса

3.9. Члены Общества обладают следующими правами:

- избирать и быть избранным в руководящие органы ;
- принимать участие в любых направлениях деятельности Общества;
- выступать с любой инициативой по совершенствованию деятельности Общества, в том числе по управлению его делами;
- пользоваться издательскими, информационными, контактными возможностями Общества;
- получать поддержку в защите своих прав и интересов.

- быть членом других творческих и профессиональных Союзов, объединений, ассоциаций;
- добровольно выйти из Общества без возвращения вступительного и членских взносов на основании личного заявления;

3.10. Члены Общества принимают на себя следующие обязанности:

- способствовать деятельности Общества ;
- не наносить своими умышленными действиями ущерба интересам Общества;
- следовать в своей деятельности в рамках Общества уставным принципам и целям.
- своевременно платить членские взносы.

Первый член-корреспондент фасцинологического общества

Единогласным решением правления Уральского фасцинологического общества первым членом-корреспондентом принят в общество генеральный директор информационного агентства «Новый регион» (г. Екатеринбург) **Александр Константинович Щетинин**.

Агентство «Новый регион» 18 сентября 2002 г. в 11 часов 18 минут первым сообщило о создании на Урале новой науки фасцинологии. Эту информацию повторили десятки печатных и электронных СМИ в России и за рубежом.

1 октября «Новый регион» сообщил об инициативе создания в России Центра антиэкстремистской фасцинологии. Информация об этом также была повторена во многих СМИ.

Уральское фасцинологическое общество выражает члену-корреспонденту Александру Щетинину признательность и надеется на дальнейшее сотрудничество во благо развития фасцинологии и распространения фасцинологических знаний.

О научной конференции «Фасцинология как наука»

Уральское фасцинологическое общество приняло решение провести научную конференцию «Фасцинология как наука».

В настоящее время создается оргкомитет по подготовке конференции. Председателем оргкомитета назначен президент фасцинологического общества Владимир Михайлович Соковнин.

Предполагается включение в план конференции нескольких секций: «этнической фасцинологии», «политической фасцинологии», «фасцинология и философия», «фасцинология и искусствоведение», «фасцинология и теория социального управления».

Возможны и другие секции.

Правление общества обращается к научной общественности с предложением принять участие в организации первого в истории гуманитарного познания научного фасцинологического форума.

Будем признательны за предложения и рекомендации.

Контакт: 620131, Екатеринбург, а/я 78, т. 8-3432-46-81-29
E-mail: sokovnin@r66.ru.

О создании в России Центра антиэкстремистской фасцинологии

18 декабря 2002 г.

Полномочному
представителю Президента РФ
в Уральском Федеральном Округе

Латышеву П. М.

Уважаемый Петр Михайлович !

Желание откликнуться на Ваш призыв к ученым, политтехнологам и СМИ о сотрудничестве в области профилактики и борьбы с экстремизмом и терроризмом возникло у меня после консультаций с коллегами-учеными, которые могли бы принять деятельное участие в **проекте создания в УрФО Центра антиэкстремистской фасцинологии.**

Основания для обращения к Вам мне кажутся достаточно серьезными и убедительными. Именно поэтому я осмеливаюсь потревожить Ваше внимание. Суть их сводится к следующему:

1. Социальная наука накопила достаточный арсенал знаний о глубинных механизмах экстремистского сознания и психологии. Это прежде всего знание социальных и социально-психологических причин и механизмов девиантного индивидуального и группового поведения, психологических особенностей поведения человека в толпе и поведения конфликтных групп, психологии и техники ритуализованного социального поведения и «чарующего» воздействия разного рода «сатанизма и дьяволизма».
 2. Накоплен не только фактический материал об особенностях внутреннего структурирования молодежных, религиозных и социально-экстремистских групп, но и описание технологий и техник такого структурирования (специальная обрядовость, использование особого языка и особых коммуникативных знаков и символов, выстраивание подчеркнута знаковой внутренней иерархии и т.д.)
 3. Основу всех технологий и техник структурирования, а, следовательно, организованности и спаянности экстремистских групп составляют **фасцинативные** элементы: «красота Идеи», театрализованно-чарующее оформление ритуалов и обрядов, знаково-символическое одеяние и пластика движений членов групп, и многое, многое другое, что обладает признаками фасцинации, действует на эмоционально-мотивационную сферу личности, выключая критику и сомнения, создавая настрой вдохновения, почитания Лидера, радостное ощущение «братства», растворения себя в «могучем родном единстве». Таких людей и такие группы после цементирования их фасцинативными техниками можно вести куда угодно и провоцировать на что угодно.
 4. Наконец, фасцинологическое знание привело к осознанию того факта, что поскольку именно фасцинативные элементы являются самыми действенными и сцепляющими людей в экстремистское единение, то в первую очередь именно по ним и следует наносить профилактические и разрушающие воздействия и «атаки». В частности, многие неформальные мальчишеские девиантно-экстремистские группировки достаточно легко распадались, как только их лидеры и сцепляющие группу фасцины (язык, одежда, повадки и т.п.) подвергались специально организованным проницательно-насмешливым атакам со стороны сверстников, референтных (то есть уважаемых) лиц и СМИ. Так, в некоторых школах Англии подобные методики (часто придуманные и используемые самими учащимися еще в семидесятых годах 20-го века!) помогли избавиться от подросткового массового курения, создания «хулиниствующих» групп и др. девиантных форм поведения подростков.
 5. Серьезная и эффективная профилактика экстремистского поведения во всех формах его проявления, вплоть до террористического, может осуществляться только методами тонко организованных атак на фасцинативные элементы организующихся или уже организованных девиантно-экстремистских групп. Любой другой путь ведет исключительно к банальным методам «устрашения» или «агитации и пропаганды» в эфире и газетах, которые, как это показывает действительность, малоэффективны. **Необходимо создание научно-исследовательского и практического Центра антиэкстремистской фасцинологии, в задачи которого входили бы не только научные экспериментальные исследования, но и разработка практических технологий профилактики и разрушения экстремистского сознания и психологии.**
 6. То, что фасцинология как наука создана и оформилась именно в Уральском федеральном округе, а в Екатеринбурге есть научные и социально-технологические кадры, способные осуществлять исследования и практические разработки, приводит меня к выводу, что создание Центра антиэкстремистской фасцинологии вполне реализуемо и даже в самое ближайшее время.
- При одном условии — поддержке государства. Ибо задача, которая будет поставлена перед таким Центром, — государственная, обеспечивающая безопасность России. Уверен, что Вы, Петр Михайлович, понимаете это как никто другой. Если Вы сочтете уместным встретиться со мной, буду готов дать более подробные обоснования своей инициативы.

В. Соковнин,
президент Уральского
фасцинологического общества

Авторские проекты и технологии Владимира Соковнина

Одной из первых авторских технологий Владимира Соковнина, которая была разработана для интенсивной ускоренной подготовки менеджеров, была тренинговая технология «Менеджмент сотрудничества» (разработана и внедрена в 1989-92 гг., когда в стране еще не было ни кафедр, ни тем более факультетов менеджмента, в соавторстве с В. К. Нишановым в фирме «Профессионал-менеджер» (в г. Фрунзе), первым директором которой был В. Соковнин). Технологичность тренинговой программы позволяла руководителям производства и государственных учреждений за 7-10 дней усвоить и опробовать на себе достаточно внушительный материал, на который в обычной лекционно-семинарской форме ушло бы времени во много раз больше. Достаточно перечислить названия деловых игр и тренингов, чтобы

понять высокую продуктивность технологии: «Менеджмент сотрудничества»: «Стратегия предприятия», «Тренинг публичного выступления и импровизационной речи», «Конструирование оптимальной структуры трудового коллектива», «Эффективные стили лидерства», «Выстраивание продуктивных коммуникаций», «Выход из стресса», «Техника эффективного общения с подчиненными», «Имидж менеджера», «Моделирование здоровья», и др.

Переключение с 1993 года на практическую политологию, имиджмейкинг, теорию и практику партнерского общения, привело к созданию новых технологий, сердцевину которых составляют авторские открытия и изобретения В. Соковнина, и в первую очередь в фасцинологии.

К проекту создания кафедры фасцинологии

Значение фасцинации в биологической и социальной коммуникации несколько не меньше, чем информации. Более того, большинство информационных процессов без фасцинации малоэффективны или даже неосуществимы. Уже это превращает фасцинологию в науку актуальную для всех специальностей, деятельность которых связана с управлением, организацией всех видов коммуникации, повышением эффективности общения в педагогическом процессе, организацией ритуальных и церемониальных форм общения, рекламой и избирательными кампаниями, разработкой сложных дизайн-проектов и имиджа корпораций, политиков, партий и общественных организаций, фасциотерапией и т.д.

Фасцинологическое знание необходимо абсолютно всем коммуникативным профессиям, нуждающимся в оптимизации общения и коммуникаций в своих областях деятельности.

Фасцинология могла бы стать полезной для философов, искусствоведов, политиков и политтехнологов, радио и тележурналистов, педагогов, дизайнеров, имиджмейкеров, стилистов, психологов и психиатров.

Уже первый опыт проведения спецкурса «Политическая фасцинология» на факультете политологии и социологии Уральского госуниверситета (октябрь-декабрь 2002 г) показал, насколько фасцинология интересна и полезна для студентов: и как теоретическая дисциплина, и как база достижений прикладного, практического характера, необходимого им как будущим политологам-практикам.

Кафедра фасцинологии в любом гуманитарном вузе и на любом гуманитарном факультете позволила бы снабжать студентов фасцинологическими познаниями и практическими фасцинативными технологиями самого современного уровня.

Курсы лекций

Курс лекций «Введение в фасцинологию» (24 часа)
спецкурс « Политическая фасцинология» (18 часов)
спецкурс «Коммуникативная фасцинология» (18 часов)

спецкурс «Сексуальная фасцинология» (18 часов)
спецкурс «Фасцинология экстремального поведения» (18 часов)

Готовятся к изданию книги:

Введение в фасцинологию

Первое изложение накопленного наукой фасцинологического знания, а также подробное рассмотрение структуры и содержания фасцинологии как науки.

Фасцинативные атаки

В книге рассматриваются проблемы применения фасцинативных технологий в политической деятельности, политическом имиджмейкинге и при планировании и

проведении избирательных кампаний.

Занимательная фасцинология

Биологическая и социальная этология собрала огромный материал о фасцинативной стороне поведения животных и человека в самых разных сферах их жизнедеятельности и жизнеосуществления. Эти данные настолько интересны и увлекательны, что могут помочь каждому увидеть жизнь с новой ее стороны — «чарующей», околдовывающей и даже «обманной». И, наряду со всем прочим, еще и проницательно-веселой и одновременно поучительной.

«Фасцинативные атаки» в PR

В PR-деятельности широко применяются термины и понятия «информационные атаки», «информационные кампании», «информационные войны». Предлагаю ввести в оборот термин «**фасцинативные атаки**» для обозначения комплекса продуманных фасцинативных средств, направленно воздействующих на индивидуума или общественное мнение.

Технология «Фасцинативные атаки» включает в себя разработку фасцин и фасцинаций трех уровней воздействия: семантического, психологического, подсознательного. Когда все три уровня получают адекватную фасцинативную оснастку и образуют стройную систему, обеспечено достижение запланированного влияния на общественное сознание и мнение.

Простым и наглядным примером «фасцинативной атаки», наиболее распространенной и используемой (особенно в молодости) почти всеми людьми, может служить стремительный или длительный процесс ухаживания мужчин и женщин друг за другом: с прихорашиванием, поиском модной одежды, прически, украшений, выигрышного места встреч и свиданий, преподнесением подарков, комплиментами, то есть всего того, что должно, как все понимают, сделать человека неотразимым, обаятельным, чарующим, добивающимся успеха — любви, соблазнения, согласия на брак. Без фасцин, фасцинации и более или менее продуманной цепочки «чарующих» воздействий не бывает даже любви

с первого взгляда. Преуспевают, разумеется, более умелые и фасцинативные, вызывающие безотчетное притяжение, симпатию, желание быть рядом. Именно поэтому поиск и изобретение эффективной фасцинации в этой сфере человеческих отношений идет тысячи лет и никогда не закончатся.

Наиболее благодатное поле для развертывания эффективных «фасцинативных атак» — **выборные и рекламные кампании**. Хорошо продуманная и системно выстроенная «фасцинативная атака» в сочетании с атакой информационной создает неотразимый эффект, позволяет внести в общественное сознание и мнение задуманные изменения, вызвать симпатии и поддержку. В фасцинативный комплекс направленного воздействия входят фасцинативно сконструированные лозунги, слоганы, агитационно-рекламные тексты, плакаты, растяжки, бикборды, ТВ-реклама, шоу-фасцинации, и т.д.

Авторская технология «Фасцинативные атаки» была не раз эффективно применена мной при проведении избирательных кампаний. Но она эффективна также при проведении рекламных кампаний по продвижению на рынке товаров, услуг и фирм, а также как основа для разработки и внедрения фасцинативного имиджа промышленных и торговых корпораций, властных структур и учреждений, политических и общественных организаций.

Имидж-технологии

Без фасцин и фасцинативности об имидже можно говорить только на самом легковесном уровне «красивой обертки», модности, умелого макияжа. А это, по существу, не имидж в его точном понимании как индивидуализированный притягательный образ, а всего лишь более или менее сверкающий футляр.

Мой подход к формированию эффективного имиджа личности, фирмы, организации, сообщества, города, региона опирается на принцип креативного поиска и изобретения актуальной и адекватной фасцинативности.

Когда в 1989 году мной был создан тренинг «Имидж менеджера» в рамках тренинговой технологии интенсивной подготовки менеджеров «Менеджмент сотрудничества» (а в 1989-90 гг. мало кто в стране знал даже слово «имидж» и в первой газетной публикации о моем тренинге журналист писал это слово как «иммедж»), я опирался на понимание индивидуальности личности, являющейся производной двух

составляющих: «Я-концепции» личности и адекватного ее выражения во внешнем облике, пластике телодвижений и комплексе коммуникативных форм и проявлений.

«Человек — это стиль», а стиль — это в первую очередь и главным образом оригинальность, запоминаемость, вызывающий симпатию «экслюзив», другими словами — фасцинация личности. Отсутствие фасцинации — это отсутствие стиля, серость, невыразительность, среднеарифметический штамп, «лица общее выражение».

Я помогаю человеку или организации найти свой стиль, усилить фасцинативность облика (если таковая присутствует), или найти, изобрести индивидуальные фасцины и создать индивидуальную фасцинативность. Процесс такого поиска довольно сложен и требует труда не только моего, но и клиента, зато, как правило, заканчивается эффективным, а иногда и потрясающим, результатом.